

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Сибирское отделение
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.В. Волохина

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА РУССКИХ
ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
(конец XIX – XX век)

Ответственные редакторы
доктор исторических наук, профессор *Н.А. Томилов*
кандидат исторических наук *Д.Г. Коровушкин*

Новосибирск
2005

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты

доктор исторических наук *А.В. Бауло*
кандидат медицинских наук *С.Р. Баум*
кандидат исторических наук *О.В. Голубкова*

*Работа подготовлена в рамках реализации программы
Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии"
и Интеграционного проекта СО РАН № 86*

Темплан СО РАН 2005 г., поз. 119

В 68 **Волохина И.В.** Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX век) – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 160 с.

Монография является обобщающим исследованием народной медицины русского населения зоны активных этнокультурных контактов Западной Сибири – Омского Прииртышья.

На основе широкого круга разнообразных источников – полевых и архивных материалов, опубликованных источников – реконструирован лечебный комплекс, сложившийся на территории Омского Прииртышья в конце XIX – XX в. у таких групп русского населения, как старожилы и переселенцы.

Книга рассчитана на историков, этнографов, всех, интересующихся данной проблематикой.

ISBN 5-7803-0141-7

ББК 63.5(2)

© И.В. Волохина, 2005

© Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Изучение основных комплексов традиционной культуры русских Западной Сибири как никогда актуально для современной этнографии. Освоение культурного опыта и выявления условий, на него влияющих, требует привлечения целого комплекса материалов, в том числе по народной медицине. Исследование народно-медицинских знаний применительно к определенной этнической группе, проживающей в каком-либо регионе, позволяет воспринять опыт освоения локальной природной сферы и социальной среды, а также механизм сохранения и передачи пласта традиционных знаний и норм. Это дает возможность выявить взаимоотношения между различными группами, складывающиеся на данной территории, и показать особенности определенной локальной культурной традиции.

В этом плане изучение народной медицины на территории Омского Прииртышья органично вписывается в современные этнографические исследования, т.к. данный регион является зоной позднего русского заселения и активных межгрупповых контактов. Именно здесь ярче прослеживаются отношения, складывающиеся в следующих плоскостях: русские старожилы – русские переселенцы; русские сибиряки-переселенцы (т.е. русские, переселившиеся на исследуемую территорию из других районов Сибири) – русские переселенцы из Европейской части России; русские население – нерусское население. Помимо этого, данная территория интересна еще и в силу неоднородности природно-климатических условий. Все эти аспекты нашли яркое отражение в народной медицине, особенно в ее рациональной сфере.

Объект нашего исследования – народная медицина русских Омского Прииртышья. Ее изучение способствует раскрытию некоторых аспектов функционирования культурного комплекса старожилов и переселенческих групп русских сибиряков.

Под народной медициной мы понимаем сумму всех знаний и практических методов (объяснимых и необъяснимых), которые применяются для диагностики, предотвращения и ликвидации нарушений психического и социального равновесия и опираются исключительно на практический опыт и наблюдения, передаваемые из поколения в поколение, как в устной, так и в письменной форме¹.

Народная медицина, на наш взгляд представляет собой довольно динамичную структуру в составе традиционно-бытовой культуры, которая подвержена внешнему влиянию, т.к. для реализации ее основной цели – поддержание и сохранение здоровья – человек и общество готовы использовать достижения чуждой им культурной традиции. Нас же будут интересовать традиционные черты, условия формирования и общие закономерности развития народно-медицинских знаний у русских Омского Прииртышья в конце XIX–XX в.

Исходя из подобного понимания объектно-предметной области исследования, его основной целью должно стать выявление в структуре народной медицины русских Омского Прииртышья пласта общесибирских и общеславянских знаний, бытовавших на протяжении конца XIX–XX в.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Реконструировать комплекс народно-медицинских знаний русских Омского Прииртышья конца XIX–XX в.

2. Выявить место народной медицины русского населения исследуемого региона в общесибирской традиции.

3. Определить факторы, влияющие на развитие данной сферы в среде русских Омского Прииртышья на всем протяжении изучаемого периода.

Основным источником для характеристики проблемы применительно к концу XIX–XX вв. являются полевые этнографические материалы, собранные в ходе экспедиций Омского государственного университета (ОмГУ), Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук (ОФ ОИИФФ СО РАН) и Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК). Данные материалы хранятся в фонде I Музея археологии и этнографии ОмГУ.

Сбор информации по этой теме производился непрерывно, начиная с 1975 г., что дает возможность проследить его динамику и приоритетные направления. Мне тоже довелось работать в этнографических экспедициях ОмГУ: первоначально в составе Татарского отряда (1997 г.), а затем в Русском отряде (2000–2004 гг.). Исследования проводились как на территории Омской области, так и в соседних регионах (см. Приложение 1).

Собранные материалы содержат обширную и разнообразную информацию по различным сферам народно-медицинских знаний, а также о роли и деятельности врачей. Однако следует отметить тематическую неравномерность имеющихся данных: около 60% затрагивают рациональную сферу и лишь 40% посвящено иррациональным представлениям и действиям. Что же касается областей народ-

ной медицины, то полученную информацию можно разделить следующим образом: 15% составляют сведения об этиологии заболеваний, 20% – о диагностике, профилактике и санитарно-гигиенических нормах, 65% затрагивают лечебную сферу и околелечебные процедуры (например, уход за больным и др.). Если рассматривать лечебные средства, включенные в последнюю группу, то они тоже неравномерно представлены в указанных источниках: 65% из них посвящены фитопрепаратам, 20% – средствам животного происхождения, 15% – материалам минерального происхождения. Вероятно, подобные диспропорции связаны с тем, что при сборе информации исследователи уделяли внимание одним аспектам проблемы в ущерб другим.

Большая часть материалов относится ко второй половине 1970-х – середине 1980-х гг. Это, видимо, связано с тем, что со временем исчезают носители подобных знаний, не передав или лишь частично передав их преемникам.

Территориально этнографические материалы представляют следующие районы Омской области: *северные* – Усть-Ишимский, Муромцевский, Тарский, Знаменский, Седельниковский; *южные* – Полтавский, Исилькульский, Черлакский; *центральные* – Тюкалинский, Большереченский, Нижнеомский и Крутинский. Кроме того, нами были привлечены сведения по некоторым районам Новосибирской и Тюменской областей. В результате были охвачены следующие группы русского населения – старообрядцы, старожилы, переселенцы и частично казачество.

Полевые этнографические материалы представляют собой воспоминания, именно поэтому они очень субъективны, в силу чего имеют ряд преимуществ и недостатков. Воспоминания позволяют выявить позицию человека (современника, непосредственного участника событий) по тому или иному вопросу, по-новому взглянуть на проблему, показать местную специфику. Это особенно важно при характеристике деятельности врачей, выявлении требований, предъявляемых обществом к их личности, при оценке отношения населения той или иной местности к народной медицине. Некоторые процессы и явления при этом раскрываются с неожиданной стороны. Большая часть информаторов – люди 50–70 лет, которые вспоминают свое детство, рассказывают о том, как жили они сами, их родители, бабушки и дедушки. В этом заключается историческая ценность полученных сведений для изучения социально-бытовой и историко-культурной жизни общества в конце XIX–XX в. Кроме того, с одной стороны, данный корпус источников постоянно пополняется новыми материалами, а с другой – позволяет сохранять информацию о специфических областях жизни общества.

Основная особенность данных источников заключается в том, что они основаны на человеческой памяти, поэтому при их использовании возникает ряд проблем, среди которых на первом месте стоит отрывочность материала. Так, при освещении мероприятий и средств, затрагивающих иррациональную сферу, исследователь сталкивается с тем, что опрашиваемые скрывают часть информации. Во многом это объясняется тем, что данная сфера почти во всех обществах является сокровенной и потому старательно оберегается от постороннего вмешательства. С другой стороны, опрос в большинстве случаев проводится неспециалистами (речь идет о студенческих практиках), поэтому раскрытыми оказываются лишь отдельные аспекты той или иной проблемы. Например, часто фиксируется рецепт лекарственного средства, однако отсутствуют данные о специфических мероприятиях при сборе сырья, о его сроках, о рекомендациях по использованию средства и побочных эффектах.

Помимо этого, в настоящее время все большее распространение получают издания, содержащие советы по применению средств и способов народной медицины. Часто в сознании информаторов размывается грань между сведениями из книг и прошлым опытом, что снижает репрезентативность полученных данных.

В целом полевые этнографические материалы позволяют выявить специфические моменты организации жизни общины и передачи традиционных знаний и опыта. Особенно интересным в этом плане оказывается привлечение сравнительного материала по другим народам.

Вторую группу источников составляют архивные материалы. В основном они содержатся в нескольких фондах Государственного архива Омской области (ГАОО) и позволяют составить представление о деятельности государства в области медицины, об отношении крестьян к профессиональным медикам и народным врачевателям, о положении медицинского дела в Сибири. Кроме того, в некоторых фондах можно обнаружить сведения о ряде лечебных средств и процедур, бытовавших среди русского и нерусского населения. К сожалению, этих материалов очень мало.

Фонд 2 ГАОО содержит документы из канцелярии Сибирского генерал-губернатора с 1803 по 1821 г. Особенный интерес для нас представляли дела «О медицинских чинах»², содержащие переписку сибирского генерал-губернатора с местными чиновниками, Медицинским департаментом Министерства полиции и министром полиции по всем вопросам, касающимся деятельности медицинских чинов. К числу последних отнесены лекари, уездные врачи, старшие и младшие ученики, акушеры, повивальные бабки (старшие и младшие), инспекторы Врачебной управы, операторы, письмоводители и аптекари

(«чины аптекарские»), которые официально входили в штат и получали определенное жалование («содержание»)³.

Среди рассматриваемых в этих документах вопросов можно отметить назначение и увольнение со службы, финансовое обеспечение (содержание чиновников, награды за службу и т.п.), непосредственная медицинская деятельность чинов и ее результаты, состояние медицинского обеспечения в регионе. Например, представление о деятельности чинов и ее результатах нам могут дать различные сводные ведомости, составленные самими медиками. Здесь нередко содержались рекомендации по лечению тех или иных заболеваний (как правило, носивших эпидемический характер), которые дают представление о состоянии медицинской науки того периода, а также показывают отношение населения к средствам и способам лечения, предлагавшимся официальной медициной⁴.

Интересна переписка сибирского генерал-губернатора с вышестоящими инстанциями о состоянии медицинского дела в регионе. Она состоит из всевозможных донесений, рапортов, представлений и ответов на них. В целом они свидетельствуют о недостатке квалифицированных медицинских кадров в Сибири, т.к. содержат просьбы о пополнении штата «медицинских чинов»⁵. По этим документам можно выявить заболевания, которые привлекали особое внимание властей. Среди них сибирская язва, чума, горячка и коровья оспа.

В фонде 67 «Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска» (1791–1889 гг.) тоже содержится делопроизводственная документация, дающая возможность осветить состояние медицинского дела и ситуацию с заболеваемостью. Однако затрагивает она лишь казачьи полки. Особый интерес представляют донесения начальников частей «О разных происшествиях, случающихся в местах расположения казачьего войска», включающие рапорты о числе родившихся и умерших по казачьему войску, нечаянных смертных случаях, скотских падежах, наводнениях, землетрясениях, пожарах, бурях и «повальных болезнях»⁶. По содержанию к ним близки отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска⁷. Кроме того, в некоторых делах содержатся рекомендации и наставления по предохранению и лечению «заразительных болезней» (например, холеры), дающие представление о медицинском опыте того времени⁸.

В фонде 12 «Тюкалинский городничий» содержатся делопроизводственные материалы – донесения, рапорты и указы «Его Императорского Величества», регулирующие жизнь губернии (1824–1838 гг.). Интересными нам показались указы относительно «прекращения» сибирской язвы и холеры, дополненные всевозможными рекомендациями по лечению этих заболеваний, в которых специально

указано, что предлагаемые лечебные способы и средства проверены на практике⁹.

Как видим, источники, содержащиеся в фондах ГАОО, в большинстве своем являются канцелярскими документами общего делопроизводства (канцелярским источником)¹⁰. Несколько иная информация содержится в фондах, посвященных деятельности научных, научно-исследовательских и общественных организаций. Здесь мы можем обнаружить множество исследовательских работ и рукописей личного характера – дневников, писем и др.

Нами был использован фонд Р-1075 «Омский отдел Всесоюзного географического общества» (1917–1980 гг.), в основном включающий отчеты членов общества об экспедициях и поездках, доклады о научной деятельности общества, различные «материалы», собранные его членами и подготовленные для печати¹¹. Подобные документы содержатся также в фонде Р-1074 «Омское общество краеведения» (1925–1937 гг.), где представлены рукописи краеведческого характера¹². Некоторые из них опубликованы, другие так и остались рукописными материалами, известными лишь узкому кругу исследователей. В целом эти данные могут быть привлечены в качестве дополнительного источника при проведении сравнительного анализа.

Мы использовали также информацию из личных фондов и коллекций, включающих исследовательские работы и материалы, собранные местными краеведами. Очень ценными с точки зрения целей и задач нашего исследования являются фонды Георгия Ефимовича Катанаева (фонд 366, 1657–1921 гг.) и Андрея Федоровича Палашенкова (фонд 2200, 1886–1971 гг.). В них содержится огромный массив информации по этнографии и истории сибирского населения – путевые дневники, выписки из научных публикаций, отрывки из местных периодических изданий.

Среди опубликованных письменных источников особняком стоят официальные сибирские периодические издания – «Тобольские губернские ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Акмолинские областные ведомости» и «Омские епархиальные ведомости». Авторами статей, опубликованных в них, были в основном местные священники, врачи и официальные лица. Статьи дают нам представление о наиболее употребительных в среде русского населения Омского Прииртышья рациональных способах лечения, косвенно свидетельствуют о распространенных здесь болезнях. Однако территориально они охватывают лишь малую часть исследуемого региона.

Мы также использовали издания, освещавшие деятельность местных научных учреждений в регионе. Среди них «Ежегодник Тобольского губернского музея», «Материалы Омского общества краеведения»,

«Известия Омского краеведческого музея», «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» и «Известия Омского отдела Географического общества СССР». Интересны материалы экспедиционных поездок их сотрудников, а также отчеты о деятельности самих организаций. Именно в них можно обнаружить информацию по народной медицине населения рассматриваемого региона.

Особого упоминания заслуживают издания Императорского Русского географического общества и его отделов. Они содержали много информации о народно-медицинских знаниях, бытовавших среди русского населения Сибири. Ценными источниками являются «Живая старина», «Вестник Императорского русского географического общества», «Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии» и «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества», где опубликованы материалы по этнографии русского населения Сибири. Нередко это были наблюдения корреспондентов с мест, которые позволяют представить мельчайшие частички культуры и быта русского (и нерусского) населения, иногда оставленные без внимания специалистами того периода. Здесь также встречаются исследовательские статьи, посвященные народной медицине сибиряков, где есть множество описаний лечебных приемов и средств, а также наблюдений за деятельностью врачей-врачевателей.

Четвертая группа письменных источников включает опубликованные научные исследования, прямо или косвенно затрагивающие вопросы народной медицины.

Основная масса информации по рассматриваемой нами проблеме получена в результате использования традиционных для этнографии методов опроса, а также вызванного и включенного наблюдения. При работе нашли широкое применение методические рекомендации, предложенные Г.С. Виноградовым и А.А. Макаренко, дополненные современными методическими находками. Исследования проводились с использованием программы сбора материалов «Народные знания», где один из разделов посвящен медицине¹³. Данный раздел охватывал все сферы народно-медицинских знаний – диагностику, профилактику, способы и средства лечения, а также содержит вопросы по уходу за больными. Для изучения профилактических и санитарно-гигиенических норм были также использованы опросные листы по темам «Одежда», «Пища», «Хозяйство» и «Верования». Сбор данных осуществлялся как среди русских, так и у представителей других этнических групп Омского Прииртышья. Это дает возможность сравнивать разнородный материал, полученный в результате схожих исследовательских процедур.

Кроме того, для сбора и фиксации материала, связанного с иррациональными способами лечения, нами применялся метод непосредственного наблюдения. Его использование желательно, а иногда и необходимо, и при изучении некоторых массажных и хирургических приемов.

Источниками информации выступали как непосредственные носители народно-медицинских знаний (знахари, лекари и т.п.), так и их окружение. Сопоставление полученных данных позволило оценить эффективность функционирования народно-медицинских знаний у русского населения Омского Прииртышья.

В ходе изучения накопленного материала применялись как общенаучные методы – анализ, синтез и научное описание, так и методы специально-дисциплинарные, главным образом, сравнительно-исторический. При этом сравнивались три модели взаимоотношений: между русскими старожилами и переселенцами; между русским и нерусским населением; между группами русских Омского Прииртышья и русскими других сибирских регионов (Новосибирской, Северо-Казахстанской, Тюменской и Томской областей, Алтайского края). Выбор регионов для сравнения обусловлен особенностями источниковой базы. В результате были выявлены общесибирские, общеславянские и локальные компоненты в народной медицине русских Омского Прииртышья. Кроме того, при реконструкции народных представлений, связанных с болезнью, а также для выявления и характеристики некоторых утраченных лечебных способов и средств, мы использовали сравнительно-генетический метод.

Методологической основой исследования явились выработанные в этнографической науке подходы к определению такого понятия, как народная медицина. Они были предложены на Всесоюзной конференции по этнографическим аспектам изучения народной медицины, проходившей в г. Ленинграде в марте 1975 г. Именно на этом научном совещании определились две позиции в понимании народной медицины – с точки зрения включенности ее в традиционно-бытовую культуру (Ю.В. Бромлей) и с позиций теории информации (И.И. Брехман).

И.И. Брехман в своем докладе «Народная медицина в свете теории информации» охарактеризовал народную медицину как удивительный пример тысячелетнего сохранения информации без центра ее хранения. По средствам вещественного закрепления информации он выделил три разновидности медицины: народную (незакрепленную), традиционную (относительно закрепленную) и научную¹⁴. Подобный подход сделал очень актуальным рассмотрение механизмов сохранения и передачи народно-медицинских знаний, отношений между больным и врачом-лечащим, поставил вопрос о личности последнего. Недостаток

такого подхода состоит в том, что не учитывается факт взаимообогащения народной и научной сфер медицины, а границы между тремя выделенными сферами медицины обозначены недостаточно четко. Современные исследователи С.И. Дмитриева, Л.М. Кадырова, Л.И. Никонова, Н.Е. Мазалова и др. несколько расширили эту трактовку термина «народная медицина», используя его для обозначения совокупности традиционной и современной медицины.

Таким образом, народно-медицинские знания объединяют информацию об использовании в медицинской практике как рациональных, так и профессиональных лечебных приемов и средств, а также иррациональных (магических) элементов¹⁵.

Представители другого подхода включают народную медицину в предметную область этнографической науки. Основоположителем его стал Ю.В. Бромлей, охарактеризовавший народную медицину как важную часть традиционно-бытовой культуры и один из элементов народных знаний. По его мнению, основной задачей исследователя в данной сфере должно быть выявление взаимосвязей народной медицины с другими компонентами традиционно-бытовой культуры и бытового сознания (верованиями, фольклором, материальной культурой и т.п.). Кроме того, он дополнил выкладки И.И. Брехмана¹⁶. Данный подход обозначил положение народной медицины в культуре, выявил внутреннюю структуру народно-медицинских знаний, их источники и динамику развития. Кроме того, именно в рамках этого подхода выдвинуто актуальное и по сей день предложение: строить изучение народной медицины на основании комплексного и исторического принципов.

Несколько иная точка зрения была выдвинута позднее Я.В. Чесновым в связи с этнографическим изучением жизнедеятельности человека. Именно этот исследователь показал важную роль народной медицины в удовлетворении витальных потребностей традиционного общества, в связи с чем была выявлена важность сохранения здоровья и его ценность для данного общества. При этом проблема здоровья рассматривалась под углом зрения жизнедеятельности. Я.В. Чеснов подчеркнул: специфика представлений жизнедеятельности состоит в том, что они касаются не столько лечения болезни, сколько ее избегания¹⁷. Подобный подход к определению сущности народной медицины включает в предметную сферу исследований вопрос об определении критерия здоровья и нездоровья, позволяет представить народно-медицинские знания в качестве комплекса средств по охране и поддержанию здоровья человека и общества. Важную роль в этом процессе играют диагностические, профилактические и санитарно-гигиенические мероприятия и нормы, которым исследователи уда-

ляют большое внимание. Он актуален и по сей день, вероятно, потому что в современных обществах здоровье по-прежнему имеет большую ценность.

В целом все эти определения дополняют друг друга, т.к. исходят из того, что народная медицина – важная и неотъемлемая часть культуры, имеющая свою специфику. Именно такое понимание народной медицины, на наш взгляд, позволяет проникнуть глубоко в суть данного явления и наиболее полно описать его. Необходимо отметить, что данный аспект очень тесно связан с проблемой определения особенностей традиционной культуры, одной из важнейших характеристик которой является традиция, понимаемая в этнографии как явление какой-либо из сфер культуры, социальной или семейной жизни, сознательно передающееся от поколения к поколению с целью поддержания жизни этноса¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народная медицина: (Пути содействия и развития): Доклад Всемирной организации здравоохранения. – М., 1980. – С. 8.

² ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 62, 121, 151, 170, 321.

³ ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 321. – Л. 18-20 об.

⁴ ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 303. – Л. 22 об.–40; д. 304, т. 1. – Л. 130–156 об.; д. 304, т. 2. – Л. 171–174, 311–314 об.

⁵ ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 151. – Л. 111–111 об., 156, 208–209, 223, 225.

⁶ ГАОО. – Ф. 67, оп. 1, д. 795, 947, 1113.

⁷ ГАОО. – Ф. 67, оп. 1, д. 1098, 1305.

⁸ ГАОО. – Ф. 67, оп. 1, д. 203, 212, 424, 549, 603, 661, 1113, 1586.

⁹ ГАОО. – Ф. 12, оп. 1, д. 49 и др.

¹⁰ О принадлежности данного вида источников к числу канцелярских писала, например, Н.А. Миненко. См.: *Миненко Н.А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 21.

¹¹ ГАОО. – Ф. Р-1075, оп. 1, д. 3, 13, 16, 54.

¹² ГАОО. – Ф. Р-1074, оп. 1, д. 10, 54, 72, 93, 95, 99, 106, 124, 125, 134, 150, 157.

¹³ *Томилов Н.А., Кадырова Л.М., Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Народные знания: Программа сбора материалов для участников археологической и этнографической практики студентов и экспедиций. – Омск, 1997. – 14 с.

¹⁴ *Пестряков А.П.* Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // СЭ. – 1975. – № 6. – С. 156–157; *Этнографические аспекты изучения народной медицины: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф.* – Л., 1975. – 67 с.

¹⁵ *Кадырова Л.М.* Традиционно-бытовые и профессиональные знания в медицинской практике тарских татар города и села // Проблемы культуры малых городов Сибири. – Омск-Тара, 1995. – С. 59.

¹⁶ *Бромлей Ю.В., Воронов А.А.* Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. – 1976. – № 5. – С. 3–18; *Пестряков А.П.* Всесоюзная конференция...

¹⁷ *Чеснов Я.В.* К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры) // СЭ. – 1987. – № 3. – С. 23–34. В целом этот подход определяется общим контекстом современного этапа развития этнографической науки, когда появляется необходимость в таких исследованиях культуры этноса, которые могли бы дать возможность описать ее в виде взаимосвязанных подсистем, выполняющих специфические задачи адаптации к меняющимся условиям социальной и природной среды. Актуальность подобных исследований начала осознаваться еще в конце 1980-х гг. См. об этом: *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: (Развитие и взаимодействие). – М., 1989. – С. 128–133, 201.

¹⁸ Проблема традиции разрабатывалась такими исследователями, как Р.Ф. Итс, Э.С. Маркрян, Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова, К.В. Чистов и др. См. об этом: *Маркрян Э.С.* Теория культуры и современная наука. – М., 1983. – С. 96–98.

Глава 1

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ РУССКИХ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Исследование народной медицины русских Омского Прииртышья проходило в рамках этнографического изучения русского населения Сибири в целом, которое было начато достаточно давно. Необходимо отметить, что в большинстве случаев исследования укладывались в рамки общего развития этнографической науки и первоначально проводились под контролем и по заказу государства. С самого начала изучения народно-медицинских знаний была осознана необходимость сбора материалов «с мест». Примером может служить деятельность Аптекарского приказа, позволившая проследить, как складывались отношения между государством и «лекарями», проанализировать состав носителей народно-медицинских знаний и выявить средства и способы лечения, используемые ими¹.

В XVIII – первой половине XIX в. исследования русских и иностранных ученых в области народной медицины носили эпизодический характер. Помимо государственных учреждений этим занимались лишь медики и ботаники (изучение лечебных свойств растений). Однако именно тогда были заложены основы программного изучения истории и культуры сибирских народов². Отправной точкой стала программа, которую использовал в своей работе Г.Ф. Миллер «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», где важное место занимали вопросы, посвященные лечебным процедурам и средствам, а также описанию болезней³. Отличительной чертой исследований данного периода было то, что объектом изучения в основном являлись группы аборигенов Сибири. Что же касается народной медицины русских, то она была представлена в трудах ученых лишь фрагментарно.

С середины XIX в. значительно расширился круг сведений о народных лечебных средствах. Ими начали интересоваться не только врачи медицинских учреждений, но и представители различных научных обществ. Этому способствовали появление Императорского Русского географического общества и работа его отделов в Восточной и

Западной Сибири, а также исследовательская и издательская деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете⁴.

Во второй половине XIX в. на суд общественности были представлены исторические исследования, посвященные как Сибири в целом, так и отдельным ее местностям. Их авторами стали профессиональные историки и краеведы, в числе которых часто оказывались ссыльные. Они описывали культуру и быт русского населения, характеризовали природные и социальные условия формирования и развития народно-медицинских знаний. Эти труды также содержат ценный материал по санитарии и гигиене⁵.

Первоначально центром активной деятельности по исследованию способов врачевания и лекарственных средств на местах стала Енисейская губерния (особенно г. Красноярск). Стараниями сотрудников Минусинского, Енисейского и Красноярского краеведческих музеев совместно с членами Общества врачей Енисейской губернии были получены ценные сведения о народных лечебных средствах и способах врачевания⁶.

В Западной Сибири большой вклад в изучение народной медицины и народных верований внесли сотрудники Тобольского губернского музея, краеведы и историки, иногда публиковавшие свои наблюдения на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея». Особенно интересны работы П.А. Городцова, Н. Кострова, Н.Л. Скалзубова и Н.М. Ядринцева, в которых показана связь народной медицины с другими сферами традиционной культуры и освещены отдельные аспекты народно-медицинских знаний⁷. В Томске в этот период проводилась огромная работа по изучению лечебных свойств лекарственных растений. Важную роль в этом сыграли исследования сибирского ботаника П.Н. Крылова, создателя томского гербария и автора капитального труда «Флора Западной Сибири»⁸.

В конце XIX – первой четверти XX в. начали появляться методические разработки по изучению народной медицины именно русского населения. И сегодня актуальны рекомендации Г.С. Виноградова, разработавшего программу и инструкцию по исследованию народно-медицинских знаний русского населения Сибири⁹. Особенно востребованы предложенные им принципы научной фиксации полученного материала.

В этом же направлении вело свою работу и «Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева. Созданная им так называемая «крестьянская программа»¹⁰ содержала в себе целый блок вопросов, посвященных народной медицине. Принципы сбора и фиксации материала были аналогичны выделенным в работах В.Н. Татищева, Г.С. Виногра-

радова, А.А. Макаренко и других исследователей. Собранные с помощью этой программы информация легла в основу многих трудов по изучению народно-медицинских знаний¹¹.

Тогда же проводились исследования, направленные на выявление связей между природными условиями и заболеваемостью. Очень часто эти изыскания были связаны с вопросами взаимовлияния между различными группами населения¹². Важным достижением этого времени стало появление этнографических исследований по народной медицине русских. В связи с этим нужно особенно отметить «Очерки народной медицины» В.Ф. Демича и «Очерки нашей народной медицины» Н.Ф. Высоцкого¹³. При изложении результатов своей работы авторы «Очерков» придерживались следующей логической схемы: народные воззрения на причины и происхождение болезней – профилактические мероприятия – лечебные средства и способы их применения. Для более полной характеристики исследуемой проблемы ими было привлечено большое количество сравнительного материала, затрагивающего некоторые группы славянского населения. Их работы объединят интерес к сюжетам, связанным с лихорадочными заболеваниями¹⁴. Схема, предложенная этими исследователями, используется этнографами и сейчас.

Следующий этап этнографического изучения народной медицины русских Сибири начался со второй четверти XX в. Большую роль в данном процессе сыграло появление в 1926 г. журнала «Советская этнография», который некоторое время был единственным специализированным этнографическим изданием. Затрагивалась в его выпусках и народно-медицинская проблематика. Опубликованные в этот период работы освещали разнообразные проблемы народной медицины: понимание ее в качестве объекта этнографии, отдельные сферы и отличительные особенности народно-медицинских знаний различных этносов, деятельность врачей и т.д. Публиковались на страницах этого журнала и статьи по народной медицине русских.

Таким образом, с 1926 г. до середины 1970-х гг. статьи, содержавшие сведения о народной медицине, обычно касались различных аспектов жизнедеятельности и культуры того или иного народа¹⁵. Кроме того, большинство работ носило описательный характер. Однако именно в этот период в научный оборот было введено огромное количество ранее не опубликованного фактического материала. Особую роль в этом процессе сыграла информация, размещавшаяся в рубрике «Из истории науки», где постоянно появлялись выдержки из неопубликованных сочинений ученых XVI–XX вв.¹⁶ Среди публикаций, освещающих народно-медицинские знания русских-сибиряков, следует отметить работу М.Д. Торэн «Об образе лихорадки» и совместную

статью А.М. Поповой и Г.С. Виноградова, характеризующую представление русского старожильческого населения Сибири, связанные с медведем.

Было продолжено и изучение лечебных свойств лекарственных растений. Огромный вклад в исследования по обозначенной проблематике применительно к сибирскому региону внес известный ботаник, ученик П.Н. Крылова, профессор Л.А. Уткин. Помимо анализа лечебных растительных средств, бытующих в Сибири, он смог обобщить и огромный массив отечественной литературы XVII – середины XX в., касающийся данного вопроса¹⁷. При этом он проявил себя не только как отличный ботаник, но и как этнограф. Его работы содержат очень ценную информацию о том, какие растения применялись русскими в качестве лекарственных, какие существовали местные термины для обозначения некоторых болезней и растений у русского и инородческого населения Сибири и Урала.

Логическое завершение этого периода – работа М.Д. Торэн «Русская народная медицина и психотерапия», которая создавалась с 1920-х до середины 1960-х гг. Эта книга, по мнению многих современных этнографов, является наиболее обстоятельным и полным обобщающим трудом по русской народной медицине. В ней подчеркивается национальная самобытность народно-медицинских знаний русских, сложившихся в определенных экологических условиях и этнокультурной среде¹⁸.

В середине 1970-х гг. начали проводиться активные методологические поиски в сфере изучения народно-медицинских знаний в целом. В результате исследований Ю.В. Бромлея, И.И. Брехмана и Я.В. Чеснова к началу 1990-х гг. оформилось понимание народной медицины как неотъемлемой части культуры¹⁹. При этом сам ход поисков нашел отражение на страницах журнала «Советская этнография», органично вписавшись в общенаучный контекст того времени. Вероятно, толчком для научных изысканий послужил всплеск интереса к народной медицине со стороны общества и государства. В 1975 г. в г. Ленинграде даже была проведена конференция, посвященная этнографическим аспектам в народной медицине.

Таким образом, исследования народной медицины русских Сибири перешли на качественно иной уровень. Оформились основные направления научного поиска, обозначились научные центры по изучению данной проблемы.

В 1970–1980-е гг. особое внимание уделялось народным воззрениям на причину и характер заболеваний, а также на иррациональные способы лечения. Большой вклад в рассмотрение данных вопросов внесли М.М. Громыко, Л.В. Островская, Н.А. Миненко и Н.Н. По-

кровский²⁰. Их работы основаны на материалах центральных и местных архивов. Исследователи попытались выявить пласт общесибирских знаний и представлений, затрагивающих сферу народной медицины русского крестьянства.

В это же время в поле зрения ученых попали проблемы, связанные с народными врачевателями. Необходимо было определить: 1) какое место в обществе занимали врачеватели; 2) какие у них складывались отношения с местным населением; 3) какие категории врачевателей существовали; 4) каковы критерии эффективности их деятельности. В результате проведенной работы выяснилось, что у русских сибиряков существовало очень много местных терминов, относящихся к данной сфере. Это затруднило создание исчерпывающей классификации народных врачевателей, были лишь выделены несколько групп, отличающихся по сфере деятельности. Вероятно, интерес к этой теме вызван исследованиями общинной структуры и соционормативной сферы культуры. Большая заслуга в разработке данных проблем принадлежит Т.А. Листовой, Г.В. Любимовой и М.В. Хаккарайнен²¹.

Все чаще стали появляться работы, освещающие связь народной медицины с некоторыми другими сферами традиционно-бытовой культуры русских Сибири – жилищем, одеждой, пищей, а также с народными верованиями и календарными праздниками. Данное направление активно развивается с первой половины 1990-х гг. в Новосибирском научном центре РАН. Усилиями сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН были раскрыты многие аспекты обозначенной темы²².

Большое внимание санитарно-бытовым традициям русских Сибири и Алтая конца XIX – первой половины XX в. уделяли такие исследователи, как В.А. Зверев, О.Н. Шелегина и Т.К. Щеглова. В своих работах они также писали о взаимоотношениях, сложившихся между двумя группами русского населения – старожилами и переселенцами²³.

С особенностями материальной культуры и народной медицины связано изучение и такого явления, как баня. Исследования в этой области затрагивают как рациональную, так и иррациональную сферу ее функционирования. Большое внимание уделяется санитарно-гигиеническим нормам, связанным с традицией мытья в бане²⁴. Изучаются всевозможные верования и лечебные процедуры, проводимые в бане²⁵. В большинстве случаев баня являлась помещением, с которым были связаны практически все переходные обряды. Она также рассматривалась в качестве места передачи народно-медицинских знаний. При характеристике этих вопросов очень важным оказался анализ мифологических сюжетов, который позволил выявить связь народной медицины с верованиями.

При описании такой части традиционно-бытовой культуры, как система питания, важное место отводилось пищевым продуктам, используемым с лечебной целью, а также пищевым запретам. Другим направлением стало изучение комплекса одежды некоторых групп русских Сибири. Так, Е.Ф. Фурсова выявила взаимосвязи, сложившиеся в культуре отдельных групп русского населения Сибири, между народной медициной, календарными обрядами, технологией изготовления одежды и традициями ее использования²⁶.

В обозначенный период была продолжена работа по изучению магических представлений славян, затрагивающих сферу иррациональных лечебных приемов и средств. Как показали исследования, две эти сферы очень тесно связаны между собой и органично вписываются в духовную культуру. Большой вклад в разработку данной проблематики внесли изыскания Т.А. Агапкиной, А.Б. Ипполитовой, Н.Е. Мазаловой, Н.И. Толстого, А.Л. Топоркова и А.А. Турилова²⁷.

Изучение культуры и быта отдельных групп русского населения Сибири способствовало накоплению сведений по народной медицине. Особый интерес у этнографов и историков в силу своей уникальности и замкнутости вызывали старообрядцы²⁸.

В настоящее время важным направлением исследований является выявление традиционных соматических представлений русского крестьянства России и Сибири²⁹. Эта тема очень важна для более полного раскрытия изучаемой нами проблемы, т.к. она связана почти со всеми областями народной медицины. При ее изучении очень активно применяется комплексный подход, позволяющий обобщить накопленный в сфере медицины, этнографии и фольклористики материал.

Такой подход используется в настоящее время и для характеристики народно-медицинских знаний русских Омского Прииртышья. Их этнографическое изучение, начатое в XIX в., органично вписывается в канву общесибирских исследований. Первоначально оно носило фрагментарный характер. Данной проблематикой в XIX – первой четверти XX в. занималась чаще всего местная интеллигенция, которая часто не имела непосредственного отношения к медицине. Активную деятельность в этом направлении вели сотрудники ЗСО ИРГО, публиковавшие результаты работ в своих «Записках».

Большой вклад в изучение народной медицины русских Омского Прииртышья внесли ботаники К. Гольде, В. Лебединский, М. Колоколов, Ю. Килломан, М.М. Сязова³⁰. Их труды, кроме характеристики природных условий, в которых развивались и накапливались народно-медицинские знания, содержат информацию о практическом использовании растений в лечебных целях. Данные работы были построены

по тому же принципу, что и труды П.С. Палласа. В их структуре можно выделить несколько элементов: ботаническое описание растения, характеристику ареала бытования, народные названия и способы использования. Все это очень ценно для одной из отраслей народной медицины – традиционной фитотерапии.

Некоторую информацию о жизни старожилов и переселенцев Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX в. можно почерпнуть из заметок путешественников, которые регулярно печатали в «Записках» ЗСОИРГО. Нередко они описывали санитарное состояние посещаемых ими мест, взаимоотношения жителей друг с другом и с соседями, верования и какие-то необычные обряды из жизни населения. Некоторые путешественники сравнивали быт местного населения с жизнью жителей других регионов, пытаясь выявить схожие и специфические черты³¹.

Большая работа по изучению народно-медицинских знаний русских Омского Прииртышья в XIX – начале XX в. проведена местными священниками и учителями. Именно они часто выступали в роли местных врачей, аккумулируя народные знания и наблюдения и используя достижения современной им медицинской науки. Описывая быт своих прихожан, священники нередко обращались к проблемам распространения заговоров и других народных способов лечения. Причину их широкого использования они чаще всего видели в низкой степени религиозности и бедственном состоянии медицинского обслуживания в регионе³².

Священники были своеобразными проводниками государственной политики в исследуемой сфере. Особенно ярко их деятельность проявлялась во время эпидемий. Священники обращались к своим прихожанам с просьбами соблюдать элементарные санитарно-гигиенические правила, обращаться к врачам в случае возникновения эпидемий в деревне, пытались проводить борьбу с пьянством и т.д. На страницах таких периодических изданий, как «Омские епархиальные ведомости» и «Тобольские епархиальные ведомости», нередко проводились целые кампании по борьбе с дифтеритом, холерой, чумой и т.п. Здесь рассказывалось об основных симптомах болезней, об их этиологии, профилактике и лечении. Параллельно описывались народные средства, способы диагностики и лечения заболеваний, многие из которых авторы использовали в своей деятельности³³.

Активную работу по накоплению и анализу народно-медицинских знаний вели учителя. Они чаще всего сталкивались со сферой народной педиатрии. Именно поэтому их наблюдения очень важны для характеристики народной педиатрии практически всех групп восточносибирского населения Сибири³⁴.

Со второй четверти XX в. начался новый период изучения народной медицины русских Омского Прииртышья. В числе приоритетных направлений остались исследования, проводимые ботаниками (В.Ф. Семёнов, В.И. Баранов, М.Д. Спиридонов). В это время был опубликован полный конспект (список) флоры Омской области, создателем которого был Н.А. Плотников. Большую роль в изучении народной медицины начали играть Омский краеведческий музей и Омский отдел Всесоюзного географического общества. Их сотрудники проводили экспедиции по изучению быта русского населения Омской области. В материалах данных исследований иногда встречаются и сведения по народной медицине. Однако их сбор не был основан на проработанной методической базе, а результаты нередко оседали в местных архивах³⁵.

Со второй половины XX в. изучение обозначенной проблематики начало перемещаться в вузы. В начале 1980-х гг. в стенах Омского государственного университета усилиями сотрудников кафедры этнографии были развернуты полномасштабные этнографические и этносоциологические исследования русских Западной Сибири и Северного Казахстана. Одним из направлений стал сбор материала по народной медицине. В процессе развития источниковой базы была создана методическая основа для сбора информации по исследуемому вопросу – программа по теме «Народные знания», где один из блоков затрагивал народную медицину³⁶. Помимо накопления материалов проводилась и работа по их систематизации. Здесь широкое применение нашел комплексный подход, позволяющий рассматривать отдельные явления культуры в тесной взаимосвязи с общекультурными тенденциями.

Среди интересных исследований можно отметить работу Т.И. Шаргородской по изучению традиционных верований русских юга Западной Сибири и Северного Казахстана. Основное внимание в ней было уделено демонологии и представлениям о животных конца XIX–XX в. Изыскания О.Н. Артемьевой и Д.А. Рейзвиха в области рациональных и иррациональных народных знаний русских о человеческом теле органично вписываются в направление, разрабатываемое Н.Е. Мазаловой. Для характеристики народной медицины определенным интерес представляют работы М.А. Жигуновой (Плахотнюк) и В.В. Ремлера, направленные на изучение традиционной духовной культуры сибирских казаков (совместно с Т.Н. Золотовой), фольклора русских сибиряков, а также на выявление роли женщины в сохранении народных традиций. Непосредственно народно-медицинским знаниям и практике посвящены труды Т.Л. Царегородцевой (Зверевой) по народной ветеринарии русских и украинцев Западной Сибири, Ю.А. Богдан, Е.В.

Верпаховской. Л.М. Кадырова изучала данную проблематику среди сибирских татар.

Другим центром исследований культуры русских стал Омский педагогический университет. Здесь в 1992 г. был создан Западносибирский (после 1995 г. – Сибирский) региональный вузовский центр по изучению фольклора под руководством Т.Г. Леоновой. Благодаря его сотрудникам накоплена огромная информационная база, содержащая, в том числе, большое количество форм, используемых в лечебных процедурах – заговоров, молитв и т.д. Помимо сбора материала здесь проводится и его анализ. В этом плане наиболее интересны для нас наработки Т.Г. Леоновой и В.А. Москвиной. Они рассматривают вопросы функционирования заговоров (в том числе и лечебных) в сельской и городской среде, их классификацию, особенности и т.д.³⁷

Таким образом, в изучении народной медицины русских Омского Прииртышья можно выделить несколько периодов, тесно связанных с исследованиями в области народной медицины русских Сибири.

Для Сибири первым периодом можно считать XVII – первую половину XVIII в. Тогда изучение народной медицины русских сибиряков велось в рамках деятельности Аптекарского приказа. Государство пыталось ввести в медицинскую практику народные средства лечения, для чего оно и привлекало местных жителей – знатоков в данной сфере. В этот период в этнографической науке шел процесс накопления материала.

Следующий период охватывает вторую половину XVIII – первую половину XIX в. Исследование обозначенной нами проблематики в то время являлось составной частью работы русских и иностранных ученых по изучению Сибири вообще. Интересующие нас сведения фиксировались лишь эпизодически, выборочно. Изучением народно-медицинских знаний, помимо государственных учреждений, занимались в основном профессиональные медики и ботаники (в области рассмотрения лечебных свойств растений), оценивавшие народные приемы и способы врачевания с позиций естествознания своего времени. Конечным результатом этого периода стало накопление огромного количества информации, требующей анализа и систематизации. Однако именно тогда появились методические рекомендации по изучению народной медицины сибирских народов.

Третий период – вторая половина XIX – первая четверть XX в. Это время бурного расцвета сибирских этнографических исследований, связанных с деятельностью ИРГО и других научных этнографических обществ, а также с работой сибирских музеев и местных краеведов. На данном этапе начали применяться методики по изучению

народно-медицинских знаний русских сибиряков, увидели свет обобщающие труды этнографов, посвященные народной медицине русских в целом. Изыскания велись по двум основным направлениям: изучение свойств и представлений, связанных с лечебными средствами (главным образом, лекарственными растениями); исследование всех составляющих народной медицины. В рамках второго направления большое внимание уделялось иррациональной сфере народно-медицинских знаний, что обусловило привлечение материалов, собранных фольклористами.

Непосредственное изучение народной медицины русских Омского Прииртышья первоначально велось силами местных краеведов, учителей и священников. Основное внимание уделялось населению северной части изучаемого региона, тогда как южные и центральные районы оставались недостаточно изученными. Большую популярность тогда получили сравнительные исследования старожилов и переселенцев, а также сопоставление русских с другими группами восточнославянского населения Сибири.

Четвертый период охватывает время с 1926 г. до первой половины 1970-х гг. Одно из важнейших событий – появление официального этнографического издания – журнала «Советская этнография». Исследования народной медицины русских Сибири на данном этапе характеризовались стремлением обозначить место данного феномена в рамках культуры, выявить его взаимосвязь с народными верованиями и мифологией. Большую активность начали проявлять фольклористы, проводившие анализ славянской заговорной традиции. Кроме того, к рассмотрению некоторых аспектов народно-медицинских знаний подключились научно-исследовательские и образовательные учреждения.

В заключительный период (вторая половина 1970-х – 1990-е гг.) оформились подходы к изучению народной медицины русских сибиряков, которые объединяет понимание народной медицины как важной составляющей традиционно-бытовой культуры. Исследования данного периода имеют более высокий, по сравнению с предыдущими этапами, уровень обобщения и анализа накопленной информации, что позволило получить оригинальные результаты. В это время в вузах идет сбор и анализ информации по интересующим нас проблемам, основанные на комплексном подходе. Новшеством стало обращение к изучению народной медицины поздних переселенцев. Именно на данном этапе исследований в Омском государственном университете был поставлен вопрос о том, что народно-медицинские знания являются гибким и изменяющимся феноменом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 30–35.

² Этот термин был использован С.А. Токаревым при характеристике истории русской этнографии. Вероятно, программное изучение народов отличалось большей тщательностью и упорядоченностью, т.к. основывалось на специально разработанных анкетах и программах. Начало было положено В.Н. Татищевым, составившим анкету для получения историко-географических и этнографических сведений от местного начальства и населения. В дальнейшем она была с успехом опробована на практике Г.Ф. Миллером и С.П. Крашенинниковым.

³ Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). – М., 1966. – С. 81–84; Элерт А.Х. Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в. (по экспедиционным материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. V. – С. 67–80.

⁴ Среди опубликованных исследований данного периода следует отметить следующие: Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // ЖС. – 1890. – Вып. I. – С. 115–121; Брайловский С. Способ лечения от слезу (г. Нежин) // ЖС. – 1891. – Вып. III. – Отд. «Смесь». – С. 224; Волокитин Н. О растительности Сибири (по Миддендорфу и Гмелину) // ЖС. – 1857. – Кн. X. – Отд. «Отгиск»; Кириллов Н. Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 84–120; Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // ЭО. – 1899. – № 3, кн. XLII. – С. 34–53; Ляцкий Е. К вопросу о заговорах от трясаивы // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 121–136; Мамакин И. Заговор от лихорадки, лихоманкой и кумохой в простонародье называемой // ЖС. – 1892. – Вып. III. – С. 148; Овчинников М.П. Чем лечатся иркутские крестьяне // ЭО. – 1893. – № 3, кн. XVIII. – С. 157–160; Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // ЭО. – 1896. – № 2–3, кн. XXVIII. – С. 146–205; Шустиков А.А. Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // ЖС. – 1902. – Вып. II. – С. 201–206; Шустиков А. Троищина Кадниковского уезда: (Бытовой очерк) // ЖС. – 1893. – Вып. III. – С. 106–138 и др.

⁵ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. – СПб., 1889. – Ч. II. – 298 с.; Бартенев В.В. На крайнем северо-западе Сибири: (Очерки Обдорского края) // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX в. – Екатеринбург, 1998. – С. 112–218; Гамалецкий К.В. Демьянская волость // Тобольский Север... – С. 220–299; Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М., 1862. – 414 с.; Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – 400 с.; Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. – М., 1908. – 205 с.; Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север... – С. 34–111 и др.

⁶ Особенно ценные результаты в изучении свойств лекарственных растений, употребляемых в народной медицине жителями Енисейской губернии, получены А.И. Кытмановым и Я.П. Прейном. Необходимо также отметить большой вклад основателя Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартыанова в систематизацию накопленного материала. Именно он составил каталог народно-медицинских средств, находящихся в музее. В этот период проводилось изучение народной медицины русских Восточной Сибири. Особое внимание уделялось способам врачевания и народным представлениям, связанным с болезнью. В этом направлении работали и такие иссле-

дователи, как М.В. Красноженова, А.А. Макаренко, Д.А. Клеменц, И.Ф. Черневский, М.О. Кривошапкин и др.

⁷ Большой вклад внесли П.А. Городцов и Н.Л. Скалозубов. См.: *Городцов П.А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. – 1915. – Вып. XXVI. – С. 1–65; *Городцов П.А.* Сибирская язва // Зап. Тюм. о-ва науч. изуч. мест. края. – Тюмень, 1924. – Вып. I. – С. 53–101; *Скалозубов Н.Л.* Ботанический словарь: (Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных) // ЕТГМ. – 1913. – Вып. XXI. – С. 1–86; *Скалозубов Н.Л.* Программа для собирания сведений о народной медицине // ЕТГМ. – 1905. – Вып. XIV. – С. 1–8.

⁸ Этот 12-томный труд, созданный на материалах томского гербария, представляет собой одно из подробнейших описаний западно-сибирской флоры, в котором также содержится очень ценная информация об ареале распространения растений. Его издание завершено лишь в 1970-х гг.

⁹ *Виноградов Г.С.* К изучению народной медицины у русского населения Сибири: (Инструкция и программа). – Иркутск, 1923. – 56 с.

¹⁰ Данная программа достаточно подробно проанализирована в работах Н. Начинкина, Э.В. Померанцевой и Б.М. Фирсова. См.: *Быт великорусских крестьян-землепашцев: (Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева)* (на примере Владимирской губернии). – СПб., 1993. – 472 с.; *Начинкин Н.* Материалы «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР // СЭ. – 1955. – № 1. – С. 159–163; *Померанцева Э.В.* Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева // СЭ. – 1971. – № 6. – С. 137–147; *Фирсов Б.М.* «Крестьянская программа» В.Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации // СЭ. – 1988. – № 4. – С. 38–49.

¹¹ *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина: (По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева) // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 278–477. Эту работу можно считать одним из лучших дореволюционных этнографических исследований подобного рода. Основой для нее послужили материалы, собранные во второй половине XIX в. учителями, священниками, семинаристами, землевладельцами, земскими врачами и, отчасти, крестьянами. Обработав огромное количество данных, Г.И. Попов с позиций науки своего времени, попытался объяснить народные представления о причинах болезней и способах их лечения (как рациональных, так и магических). При этом он ввел своеобразную классификацию болезней, используя в качестве основного критерия вид и характер «болезнетворного агента» в воззрениях местного населения. Кроме того, исследователь уделил большое внимание описанию знахарской практики. В своей работе он приводит различные типы знахарей, анализирует методы их лечения в связи с народными представлениями о болезни, обращает внимание на их взаимоотношения с пациентами, дает медицинскую интерпретацию знахарской терапии. Помимо общих закономерностей Г.И. Попов фиксировал локальные варианты народно-медицинских знаний и народных представлений.

На основе материалов «бюро» в начале XX в. был написан труд В.С. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», представляющий собой результат обработки народных верований.

¹² *Головачев П.М.* Сибирь: (Природа. Люди. Жизнь). – М., 1902. – 300 с.; *Осокин Г.М.* На границе Монголии: (Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья). – СПб., 1906. – 304 с. Необходимо также отметить работу П.М. Головаче-

ва «Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири», опубликованную в 1902 г. в журнале «Землеведение», где также затрагиваются сюжеты, связанные с народной медициной. Сравнительный анализ культуры и быта русского и инородческого населения был осуществлен такими исследователями, как А.А. Дунин-Горкавич, Н.М. Ядринцев и др.

¹³ «Очерки» В.Ф. Демича включают в себя следующие работы: *Демич В.Ф.* Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа // ВОГСПМ. – 1894. – Отд. «Практическая медицина». – Т. XXII, кн. III. – С. 133–169; Т. XXIII, кн. I. – С. 1–29; *Демич В.Ф.* Акушерство у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – СПб., 1889. – 23 с.; *Демич В.Ф.* Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – СПб., 1889. – 50 с.; *Демич В.Ф.* Хирургия у русского народа // ВОГСПМ. – 1911. – № 11, 12. – 81 с.; *Демич В.Ф.* Педиатрия у русского народа // ВОГСПМ. – 1891. – Отд. II «Общественная гигиена». – Т. XI, кн. II. – С. 125–135; Т. XI, кн. III. – С. 187–212; Т. XII, кн. II. – С. 111–123; Т. XII, кн. III. – С. 169–186; *Демич В.Ф.* Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. – СПб., 1901. – 60 с.

Что касается Н.Ф. Высоцкого, то его «Очерки» вышли в виде отдельной работы. См.: *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки нашей народной медицины // Зап. Моск. археол. ин-та. – М., 1911. – Т. XI. – С. 1–168.

¹⁴ Профессор Н.Ф. Высоцкий даже вынес этот сюжет в качестве отдельного вопроса, опубликовав следующую статью: *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Лихорадка, ее происхождение, причины и способы лечения по народным воззрениям. – Казань, 1907. – 27 с.

¹⁵ *Бурдуков А.В.* Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // СЭ. – 1935. – № 6. – С. 47–79; *Дражева Р.Д.* Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян // СЭ. – 1973. – № 6. – С. 109–119; *Меновщиков Г.А.* Дикие растения в рационе коренных жителей Чукотки // СЭ. – 1974. – № 2. – С. 93–99; *Санаров В.И.* Элементы древних верований в религии цыган // СЭ. – 1968. – № 1. – С. 32–45; *Смирнова Я.С.* О некоторых религиозных пережитках у причерноморских адыгейцев // СЭ. – 1963. – № 6. – С. 39–45; *Снесарев Г.П.* Люди и звери: (Этнографические поиски в области культа животных) // СЭ. – 1972. – № 1. – С. 166–177.

¹⁶ В этот период в рубрике «Из истории науки» был опубликован ряд статей, в которых характеризуются некоторые аспекты народно-медицинских знаний и верований различных народов. См.: *Вайнштейн С.И., Остроухов Г.А.* Дневник путешествия А.М. Остроухова к присогольским тувинцам в 1903 г. // СЭ. – 1969. – № 6. – С. 102–103; *Косвен М.О.* 100-летний юбилей русской этнографической прессы // СЭ. – 1953. – № 4. – С. 56–69; *Кучинский А.* Описание Сибири XVIII в.: (Материалы Л. Сеницкого о сибирских аборигенах и их культуре) // СЭ. – 1972. – № 1. – С. 37; *Начинкин Н.* Материалы... – С. 159–163; *Померанцева Э.В.* Фольклорные материалы... – С. 137–147; *Степанов Н.Н.* М.В. Ломоносов и русская этнография (к 250-летию со дня рождения) // СЭ. – 1961. – № 5. – С. 107–123.

¹⁷ Для нас особенно интересными являются следующие работы Л.А. Уткина: *Уткин Л.А.* Народные лекарственные растения Сибири // Труды Науч.-исслед. хим.-фарм. ин-та. – М.; Л, 1931. – Вып. XXIV. – 135 с.; *Уткин Л.А., Гаммерман А.Ф., Невский В.А.* Библиография по лекарственным растениям. – М.; Л., 1957. – 725 с.

¹⁸ Хочется согласиться с подобной характеристикой, данной этому исследованию

К.В. Чистовым и Н.Е. Мазаловой. См. об этом: *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 3–8, 478–489.

¹⁹ *Бромлей Ю.В., Воронов А.А.* Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. – 1976. – № 5. – С. 3–18; Пестряков А.П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // СЭ. – 1975. – № 6. – С. 156–160; *Чеснов Я.В.* К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры) // СЭ. – 1987. – № 3. – С. 23–34.

²⁰ *Громыко М.М.* Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII – XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 71–109; *Миненко Н.А.* Живая старина: (Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в.) – Новосибирск, 1989. – 160 с.; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). – Новосибирск, 1979. – 350 с.; *Островская Л.В.* Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века // Из истории семьи и быта... – С. 131–142; *Покровский Н.Н.* Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // СЭ. – 1981. – № 5. – С. 96–108; *Покровский Н.Н.* Материалы по истории магических верований сибиряков XVII – XVIII вв. // Из истории семьи и быта... – С. 110–131.

²¹ *Листова Т.А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: (Семейный и общественный быт). – М., 1989. – С. 142–171; *Лобимова Г.В.* Категории «знающих» людей в сибирской деревне: (Материалы к словарю понятий и терминов) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2003. – Вып. 5. – С. 117–121; *Хаккарайнен М.В.* Лечащие специалисты в народной медицинской традиции поселка Марково (Чукотка) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. – СПб., 2001. – Вып. I. – С. 82–99.

²² *Литинская В.А.* Традиционное жилище в системе народной медицины русских сибиряков // Этнография Алтая... – С. 73–79; *Майничева А.Ю.* Ведение русскими сибиряками домашнего хозяйства: (Убранство и оборудование избы Приобья в конце XIX – начале XX в.) // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – Т. 2. – С. 236–239; *Майничева А.Ю.* К вопросу о семантике печи в культуре сибиряков-старожилов Приобья // Словоцкие чтения-99. – Тюмень, 1999. – С. 211–212; *Майничева А.Ю.* Традиции строительного дела и верования крестьян Приобья (конец XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 3. – С. 82–89.

²³ *Зверев В.А.* Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX–XX в.). – Новосибирск, 1997. – С. 130–154; *Шелегина О.Н.* Санитарное состояние жилища // Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1992. – С. 81–86; *Шеглова Т.К.* Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая... – С. 154–163.

²⁴ В настоящее время наиболее обстоятельными исследованиями, посвященными бане, являются: *Баня и печь в русской народной традиции.* – М., 2004. – 288 с.; *Никонова Л.И.* Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: (Историко-этнографическое исследование). – Саранск, 2003. – 288 с.

²⁵ Вадейша М.Г. Русская баня по материалам фольклора: (Идеальный человек в идеальном мире) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. – СПб., 2001. –

Вып. I. – С. 125–143; *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: (Истоки и полисемантизм образов). – СПб., 2001. – Т. 1. – 584 с.

²⁶ *Фурсова Е.Ф.* «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – Новосибирск, 1992. – № 1. – С. 49–54; *Фурсова Е.Ф.* Запреты, обереги, обряды, связанные с льноделием (по материалам восточных славян Приобья) // Народы Сибири: (История и культура). – Новосибирск, 1997. – С. 128–141; *Фурсова Е.Ф.* Магические представления, связанные с костюмом у селян Приобья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. – Омск, 1992. – Т. 2. – С. 74–76; *Фурсова Е.Ф.* Семико-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – начала XX в. // Этнограф. обозрение. – 1998. – № 3. – С. 35–48; *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1997. – 151 с.

²⁷ *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография. – Л., 1990. – С. 67–75; *Ипполитова А.Б.* Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 267–300; *Ипполитова А.Б.* Этноботаника в русских травниках XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. – М., 2002. – С. 394–419; *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: (Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). – М., 1995. – 512 с.; *Турилов А.А., Чернецов А.В.* О письменных источниках изучения восточнославянских верований и обрядов // СЭ. – 1986. – № 1. – С. 95–103; *Турилов А.А.* Народные поверья в русских лечебниках // ЖС. – 1998. – № 3. – С. 33–36 и др.

²⁸ *Болонев Ф.Ф.* Русские заговоры Сибири: (Бытование и проблема изучения) // Русский фольклор и фольклористика Сибири. – Улан-Удэ, 1994. – С. 9–11; *Болонев Ф.Ф.* Русские православные посты. – Новосибирск, 1992. – 56 с.; *Болонев Ф.Ф.* Семейские: (Историко-этнографические очерки). – Улан-Удэ, 1992. – 206 с.; *Словарь* говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск, 1999; *Юмсунова Т.Б.* Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск, 1992. В результате анализа выявлено, что в силу некоторых культурных особенностей народная медицина играет в их среде весьма важную роль. При этом она органично вписывается в сложившиеся нормы и традиции, нередко имеющие профилактическое значение.

²⁹ Разработкой данной темы занимается такой специалист по народной медицине русских, как Н.Е. Мазалова. Эта проблема была недостаточно разработана в предыдущие периоды, т.к. данная сфера является относительно закрытой. См. об этом: *Мазалова Н.Е.* Состав человеческого: (Человек в традиционных соматических представлениях русских). – СПб., 2001. – 192 с.

³⁰ Данные работы были опубликованы в «Записках» ЗСО ИРГО за 1884 и 1886 гг. Богатый сравнительный материал по сибирскому региону можно почерпнуть из работы И.Я. Словцова. См.: *Словцов И.Я.* Флора Тюменского округа // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1891. – Кн. XII. – С. 73–250.

³¹ *Морозов А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1900. – Кн. XXVII. – С. 1–23; *Н.Г.* Быт первых русских поселенцев в Западной Сибири // ТЕВ. – 1903. – № 3. – Отд. неофиц. – С. 55–61; *Обозрение* его Преосвященством Преосвященнейшим Григорием, Епископом Омским и Семипалатинским, церквей и приходов в 1897 году // ОЕВ. – 1898. – № 10. – Ч. неофиц. – С. 1–

7; № 11. – С. 1–3; № 12. – С. 7–10; № 13. – С. 4–7; *Петропавловский Н.* По Ишиму и Тоболу: (Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – С. 1–90; *Путевые записки*, веденные во время поездок летом 1885 года в верховья рек Тартаса и Тары // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – С. 1–24.

³² *Богоявленский Д.* Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии за 1902–1903 учебный год // ОЕВ. – 1904. – № 18. – Ч. офиц. – С. 3–19; *Богоявленский Д.* Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии за 1907–1908 учебный год в учебно-воспитательном отношении // ОЕВ. – 1910. – № 17. – Ч. офиц. – С. 7–19; *Богоявленский Д.* Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии за 1908–1909 учебный год в учебно-воспитательном отношении // ОЕВ. – 1910. – № 22. – Ч. офиц. – С. 8–20; *Богоявленский Д.* Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–1911 учебный год // ОЕВ. – 1912. – № 6. – Ч. офиц. – С. 10–27; *Богоявленский Д.* Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год // ОЕВ. – 1914. – № 8. – Ч. офиц. – С. 7–30; *Об учреждении* медицинских классов при Тобольской духовной семинарии в 1802 году // ТЕВ. – 1882. – № 15. – Отд. неофиц. – С. 300–308; *Священник* как врач телесный // ТЕВ. – 1898. – № 21. – Отд. неофиц. – С. 533–537; *Голошубин И. (свящ.)* Случай из практики сельского священника // ТЕВ. – 1889. – № 15–16. – Отд. неофиц. – С. 339–343; *Городков Н.* Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии // ТЕВ. – 1892. – № 11–12. – Отд. неофиц. – С. 251–253; *Кривенко С.* Очерк жизни крестьян Тарского округа Тобольской губернии // Мир Божий. – 1894. – № 9. – С. 25–38; № 10. – С. 101 – 114; *Ландышев Е. (свящ.)* Из области народных предрассудков и суеверий // ТЕВ. – 1890. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 40–41; *Несколько слов* о знахарстве: (Из дневника сельского священника) // ТЕВ. – 1907. – № 17. – Отд. неофиц. – С. 501–503; *О суевериях* и предрассудках в народной жизни, вредных для жизни и нравственности // ТЕВ. – 1888. – № 15–16. – Отд. неофиц. – С. 304–320; *Переселенцы* из Европейской России по наблюдениям сибирского священника // ТЕВ. – 1911. – № 22. – Отд. неофиц. – С. 509–517; *Петров И. (свящ.)* Путевые заметки разъездного священника // ТЕВ. – 1910. – № 15. – Отд. неофиц. – С. 370–376; № 16. – Отд. неофиц. – С. 397–403; *Петров И. (свящ.)* Путевые заметки разъездного священника за 1909 год // ТЕВ. – 1911. – № 5. – Отд. неофиц. – С. 103–108; *Савицкий Т. (псаломщик)* Когда кончатся суеверия // ТЕВ. – 1911. – № 10. – Отд. неофиц. – С. 218–220; *Темные стороны* в жизни пасомых Тобольской епархии // ТЕВ. – 1892. – № 17–18. – Отд. неофиц. – С. 393–396; *Угнивенко М. (свящ.)* Церковные обычаи в переселенческих приходах // ОЕВ. – 1915. – № 17. – Ч. неофиц. – С. 34–36.

³³ *Бекреев М. (свящ.)* Два случая врачебной помощи пастыря // ТЕВ. – 1886. – № 12. – Отд. неофиц. – С. 220–222; *Береженного* Бог бережет: (Наставления для сельских жителей как беречь себя, дабы Господь привел уберечься от заболевания холерой) // ТЕВ. – 1892. – № 15–16. – Отд. офиц. – С. 144–146; *В-ков Г. (свящ.)* Случаи врачебной помощи приходского священника // ТЕВ. – 1889. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 40–43; *Врачебные* и ветеринарные советы // ТЕВ. – 1882. – № 11–12. – Отд. неофиц. – С. 246–249; *В чем состоят* холерные заболевания // ТЕВ. – 1893. – № 7–8. – Отд.

неофиц. – С. 129–139; *Гигиенические правила* // ТЕВ. – 1898. – № 5. – Отд. неофиц. – С. 111–120; *Гр-ев Д.* О расколе и расколоучителях в село-Чашинском приходе // ТЕВ. – 1890. – № 17–18. – Отд. неофиц. – С. 399–407; *Для народной беседы о холере* // ТЕВ. – 1893. – № 7–8. – Отд. неофиц. – С. 123–129; *Наставление*, как оберегать себя от холеры // ОЕВ. – 1908. – № 6. – Ч. неофиц. – С. 39–46; *Недосеков К. (протоиерей)* Врачебные советы приходского пастыря // ТЕВ. – 1883. – № 18. – Отд. неофиц. – С. 376–380; *О мерах* к прекращению дифтерита // ТЕВ. – 1885. – № 20. – Отд. неофиц. – С. 461–468; *Ребрин А. (свящ.)* Простые и всем доступные средства от холеры // ТЕВ. – 1893. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 174–175; *С.А.Р.* Простые народные средства от различных болезней // ТЕВ. – 1885. – № 21–22. – Отд. неофиц. – С. 498–504; *Яковлев А.* Простые средства // ТЕВ. – 1892. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 229–232.

³⁴ *Истомина А. (учитель)* «Усьян» // ТЕВ. – 1916. – № 42. – Отд. неофиц. – С. 882–883; *М.А. (учитель)* О возможной медицинской помощи в деревне // Школьный листок при ТЕВ. – 1908. – № 19. – С. 241–242; *Муравейский В. (учитель)* О народный суевериях // ОЕВ. – 1912. – № 18. – Ч. неофиц. – С. 16–22.

³⁵ В ГАОО имеется фонд, в котором аккумулированы материалы Омского отдела Всесоюзного Географического общества (Ф. Р-1075).

³⁶ *Томилов Н.А., Кадырова Л.М., Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Народные знания: (Программа сбора материалов для участников археологической и этнографической практики студентов и экспедиций). – Омск, 1997. – 14 с.

³⁷ *Леонова Т.Г.* Главные аспекты изучения регионального фольклора // Мат-лы Третьего науч.-практ. семинара Зап.-Сиб. регион. вуз. центра по народ. культуре. – Омск, 1996. – С. 21–28; *Москвина В.А.* Рассмотрение символики заговоров в связи с проблемой их происхождения // Там же. – С. 52–58; *Москвина В.А.* Символика группы «небесных тел» в заговорах // Народная культура. – Омск, 1997. – С. 35–41; *Москвина В.А.* Атрибуты заговорного обряда // Народная культура Сибири. – Омск, 1998. – С. 71–74; *Подкорытова Т.* Дева, дерево и смерть: (К семиотике купальских ритуалов) / От текста к контексту. – Омск, 1998. – С. 84–101.

Среди достижений сибирских фольклористов необходимо отметить следующие работы: *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*. – Томск, 1992. – Т. 1. – 226 с.; Т. 2. – 244 с.; Т. 3. – 356 с.; *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: (Дополнения)*. – Омск, 1998. – Вып. 1. – 153 с.

Глава 2

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР

Профилактика в народной медицине русских Омского Прииртышья, как правило, включает два основных «слоя» – личную и общественную составляющие.

Важное место занимала *профилактика гинекологических заболеваний*, т.к. от нее зависело здоровье женщины. Большое значение отводилось родильной обрядности, на всех этапах которой (дородовом, родовом и послеродовом) проявлялась связь рационального с иррациональным. К профилактическим мероприятиям можно отнести также запреты для беременных, рожениц и новорожденных.

Целый спектр запретов религиозно-магического характера для родового периода связан с влиянием поведения матери на судьбу ребенка. Так, беременной запрещалось переступать через коромысло, т.к. окружающие верили, что ребенок «гнутья будет». Она также не должна была пинать домашних животных (свинью, собаку, кошку), т.к. ребенок мог родиться с физическими дефектами (волосатым, пятнистым и т.п.). Вероятно, эти запреты можно отнести к санитарно-гигиеническим правилам, ведь нередко животные служили переносчиками различных заболеваний, могли укусить, оцарапать или испугать женщину. Беременным запрещалось посещать похороны, что служит доказательством заботы о психологическом состоянии и психическом здоровье женщины и т.д.¹

Похожие запреты существовали у украинцев² и татар³ Омского Прииртышья, а также у русского населения Новосибирской и Тюменской областей⁴. Например, в Тобольском районе Тюменской области беременным запрещалось: ходить на высоком *подборе* (каблуке), чтобы не искривился позвоночник; посещать похороны, вечерки и гулянки; переступать через веревку, оглоблю или «черен» (считалось, что от этого пуповина могла замататься вокруг шеи ребенка). Кроме того, беременным нельзя было переступать через острые предметы – топор, нож, пилу⁵. У татар Муромцевского района Омской области беременным запрещалось садиться туда, где лежали щепки от колотых дров⁶.

В источниках наибольшее отражение нашли профилактические мероприятия послеродового периода. Во многих районах Омского Прииртышья роженица сразу после родов несколько раз посещала баню вместе с повитухой, которая терла ей животик, «выгоняла золотник»

(под *золотником* некоторые информаторы понимали матку), т.е. делала своеобразный массаж. В бане и перед баней «бабушка» перевязывала родильнице низ живота⁷. Количество этих посещений варьировалось от одного (сразу после родов) до четырех-пяти каждый день в течение трех суток⁸.

Украинцы с. Павлоградка Павлоградского района Омской области после родов проводили своеобразные очистительные действия: роженицу укладывали в русскую печь; пол застилали травами (зверобоем, мятой, ромашкой, чабрецом и др.) и сбрызгивали их кипятком, затем все покрывали рядом⁹. Эти процедуры, на наш взгляд, можно рассматривать как один из вариантов бани (традиция «мытья в печи» была распространена у украинцев Сибири)¹⁰.

Повсеместно у русских Омского Прииртышья и у казаков Северо-Казахстанской области баня, как правило, устраивалась в доме роженицы. В Тюменской области иногда роженица вместе с ребенком ездила в баню к бабке-лекарке. Повитуха «выправляла» роженицу своими заговорами («чтобы все зажило») и заговаривала малыша от грыжи¹¹. У украинцев Полтавского района роженицу мыли в хате (в бане мылись лишь те, у кого она была). Здесь же повитуха «подбирала» роженице живот. В течение 9 дней после родов женщине нельзя было выходить на улицу, т.к. считалось, что она «была как раскрытая могила»¹². У татар Омского Прииртышья первые 40 дней после родов женщине запрещалось много ходить, носить тяжести, есть картофель, капусту и другие продукты, от которых мог «заболеть живот», т.к. это могло неблагоприятно отразиться на ребенке¹³. Все эти запреты предохраняли роженицу от гинекологических, простудных и иных заболеваний, которые могли нанести вред ей и ребенку. Большинство из них было направлено на то, чтобы женщина как можно быстрее окрепла после родов и смогла вернуться к хозяйственной деятельности.

В послеродовой период запреты существовали и в отношении новорожденного. Его нельзя было первое время никому показывать, «чтобы не сглазили». Вероятно, в такой форме осуществлялась профилактика детских заболеваний, т.к. новорожденный уязвим для всякого рода инфекций¹⁴. У украинцев Полтавского района в течение 6 месяцев ни ребенка, ни его одежду или пеленки нельзя было выносить на улицу, за пределы двора¹⁵.

Существовали также меры по предупреждению заболеваний позвоночника и суставов ребенка, которые только начинали формироваться. В связи с этим первый месяц ребенка «ровненько» обвязывали поясом (*крайкой*) – *сповывали* (своеобразный вариант пеленания). Считалось, что это нужно делать, чтобы он не был «косолапым» и имел ровный позвоночник. Иногда сповывание продолжалось до шести месяцев¹⁶.

Казахи Щербакульского района выработали свою систему профилактики детских заболеваний. В течение самого опасного периода в жизни ребенка – первых сорока дней – его нужно было купать и делать своеобразную гимнастику: поднимать то за правую, то за левую руку, приговаривая: «Расти, расти, расти!»¹⁷. У татар Большереченского района Омской области в течение сорока дней после рождения ребенок должен был находиться в той комнате, где родился. В зависимости от семейных традиций, его показывали или нет посторонним¹⁸.

Сразу же после родов повитуха перевязывала новорожденному пуповину. Для этих целей она использовала иногда шерстяную ниточку (*жичку*), иногда – шелковую. Ребенка обмывали водой, затем перевязывали пуповину. Считалось, что если перевязать ее слишком близко к телу, то будет развиваться грыжа. Кроме того, чтобы место перевязки не загноилось, использовали своеобразный антисептик – древесную труху. Эта процедура существовала и у украинцев Омского Прииртышья¹⁹. У татар Большереченского района место обрезания пуповины должно было располагаться на расстоянии длины указательного пальца от основания пуповины²⁰. Эти мероприятия также можно отнести к числу профилактических, т.к. правильные действия повитухи закладывали основу для предотвращения пупочной грыжи.

Таким образом, в профилактической сфере существовала тесная взаимосвязь между гинекологией и педиатрией, потому что здоровье матери и ребенка рассматривались как единое целое. Кроме того, во время родов большую роль до второй половины XX в. играла повитуха. С 1960-х гг. женщины стали рожать в основном в родильных домах, поэтому некоторые из процедур, проводимых повитухами, отошли на второй план. Однако сохранялось большинство запретов для дородового и послеродового периодов. Их устойчивость можно объяснить рациональностью и продуманностью основ.

Много внимания уделялось и *профилактике желудочно-кишечных заболеваний*. К числу профилактических мер следует отнести систему питания русского населения Омского Прииртышья. Наиболее употребляемыми продуктами были молоко и молочные изделия (творог, простокваша), речная и озерная рыба (пескари, окуни, чебаки, караси, гальяны), различные виды мяса («скотское», баранина, свинина, домашняя и дикая птица), ягоды (земляника, малина, ежевика, брусника, смородина) и грибы²¹. Важным элементом питания были овощи – огурцы, репа, лук, морковь, картофель и др.²² В разных районах, в зависимости от особенностей хозяйства, варьировалось лишь соотношение используемых продуктов.

Система питания была рационально построена по сезонам. Летом и весной (на это время выпадал основной объем работ) большую роль

играли продукты рыбной ловли и собирательства (в них много питательных веществ и витаминов, они легко перевариваются организмом). Зимой же в пищу употребляли много солений, дичи, добытой на охоте, ели гораздо больше мяса, чем летом. Благоприятное влияние оказывала распространенная во многих районах традиция – готовить столько, чтобы не оставалось на следующий день²³. Благодаря этому пища не портилась, в ней не появлялись болезнетворные микроорганизмы.

Большую пользу приносили отвары из лекарственных трав, используемые вместо чая. К ним относятся: зверобой (*Hypericum perforatum* L.), душица (*Origanum vulgare* L.), белоголовник (*Chrysanthemum Leucanthemum* L.), мята (*Mentha arvensis* L.), шиповник (*Rosa cinnamomea* L.) и др. Их заливали кипятком и ставили на некоторое время на стол или в печь, «чтобы настоялись»²⁴. Такой чай делали украинцы и татары Омской области²⁵, а также русские Новосибирской, Тюменской и Северо-Казахстанской областей. Отличалась лишь процедура его приготовления²⁶. Например, в с. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области в чай «запаривали» лабазник (*Filipendula hexapetala* Gilib., или *Filipendula ulmaria* Maxim.), зверобой (*Hypericum perforatum* L.) и душицу (*Origanum vulgare* L.). Эти растения туго набивали в чугунок, сверху «наливали медком» и ставили в русскую печь. Когда они упревали, их выставляли. Вареву превращалось в затвердевшую массу, которую резали на мелкие кусочки и использовать вместо заварки²⁷. Подобный набор растений был характерен для всей территории Сибири²⁸.

Некоторые из лечебных чаев можно считать своеобразной *профилактикой сердечно-сосудистых заболеваний*, особенно те, в состав которых входили шиповник (*Rosa cinnamomea* L.) и зверобой (*Hypericum perforatum* L.). Важную роль играло употребление растений, регулирующих кровяное давление: боярышника (*Crataegus sanguinea* Pall.), укропа (*Anethum graveolens* L.) и др.

Особое место занимали соблюдение постов и пищевые запреты. Однако существовали они не во всех семьях²⁹. Широко распространено было мнение, что до Яблочного Спаса (19 августа) нельзя есть плоды, особенно яблоки, а до Орехового Спаса (29 августа) – орехи³⁰. Кроме того, имелись и местные запреты. Так, в с. Междуречье Тарского района в первой половине XX в. запрещалось употреблять в пищу незрелую зелень, иначе, по представлениям местных жителей, могли появиться многочисленные бородавки и прыщи³¹. У казаков Северо-Казахстанской области старые люди до Иванова дня (7 июля) ягоды не заготавливали, а набирали только «на чай»³². В Новосибирской же области клубнику и землянику начинали собирать с Петрова дня (12 июля), а малину – с Ильина дня (2 августа)³³. Считалось, что до этого време-

ни ягоды накапливают в себе полезные вещества и созревают. Сейчас подобные запреты не всегда соблюдаются.

Необходимо также отметить существование возрастной дифференциации. Так, например, детей до трех лет старались не сажать за общий стол, а кормили отдельно. Из их рациона исключали соленья и жареное мясо, которые могли вызвать расстройство пищеварительной системы³⁴.

В ряде районов Омского Прииртышья среди русского населения до середины XX в. было широко распространено льноводство и домашнее ткачество³⁵. Поэтому одежда в основном была из натуральных материалов, что снижало риск развития аллергий и кожных заболеваний. Кроме того, для окраски тканей чаще всего применяли натуральные красители: дубовую кору, ил, железо, желтую глину, растения. Для получения коричневого цвета дубовую кору сушили, кипятили и в этот отвар опускали холст или готовое изделие. Чтобы получить черный цвет, изделие, окрашенное дубовой корой, топтали в иле. Шерсть красили травой серпухой (*Serratula coronata* L.), которую сушили, кипятили и полученный отвар использовали в качестве закрепителя. Шерсть красили «в квасу», а полотно – в воде и соли³⁶. Вообще в Сибири и на Алтае серпуху использовали для окраски тканей в желтый цвет еще в XIX в. Перед Первой Мировой войной для этой цели стали покупать искусственный краситель, но с закрытием границ население вновь вернулось к старому способу получения краски.

Известному исследователю лекарственных растений Сибири Л.А. Уткину удалось в ходе своих поездок зафиксировать несколько способов окраски тканей. Краску из трав готовили следующим образом: сначала выдерживали в горячей печи воду с золой, затем в полученный «щелок» добавляли высушенную траву. Смесь снова варили. Получалась желтая жидкость, в которой красили шерсть и пряжу. Другим способом серпуху варили с квасцами, потом опускали в этот раствор для окраски шерсть, которую предварительно квасили «в квасу». Кроме того, Л.А. Уткину удалось выяснить, что русские Сибири и Алтая для окраски шерстяных тканей в желтый цвет применяли также отвар корней желтого подмаренника (*Gallium verum* L.)³⁷.

Одежде принадлежало важное место в системе *профилактики простудных заболеваний*. Так, в с. Мыс Муромцевского района Омской области осенью и весной, «когда шли доить коров», одевали балахон (*шабур*). Шили его из домотканой материи: основа – из льна, уток – из овечьей шерсти. Получался довольно плотный и теплый материал, который защищал от неблагоприятного воздействия холода и ветра. Кроме того, балахон позволял хозяйке «не пачкать одежду»³⁸. Иногда шабур называли *балахной* и надевали во время работ во дво-

ре³⁹. Для профилактики простудных заболеваний практически все носили в холодную погоду шерстяные и теплые вещи: фуфайки, носки, варежки, шарфы, шапки и т.п.⁴⁰

В полевых материалах зафиксированы некоторые косметические средства, которые можно включить в систему профилактики. Например, чтобы волосы росли красивыми и здоровыми, их мыли отварами луковой шелухи, тысячелистника (*Achillea millefolium* L.), корней и листьев лопуха (*Arctium lappa* L.). Луковую шелуху, например, заливали горячей водой и кипятили около 20 минут. Потом 2–3 часа отвар остужали, а затем ополаскивать им волосы⁴¹. Эти средства также использовали сибирские украинцы и латыши⁴². Для ухода за телом применяли отвары из трав. Причем, использовали любые травы в произвольных пропорциях⁴³.

Существовали и *меры предохранения от заразных болезней*. Жители с. Хомутинка Нижнеомского района Омской области, чтобы не заболеть тифом, натирали все тело керосином и долго лежали на теплой печи. Об этом средстве рассказал одному из информаторов его дед, а использовалось оно здесь вплоть до 1960-х гг.⁴⁴

Профилактика тесно переплеталась с санитарно-гигиеническими нормами и представлениями об этиологии заболеваний. В с. Междуречье Тарского района Омской области местные жители до сих пор верят, что лишаи появляется «от хождения по мусору, по золе или через то место, где валялись и катались лошади, собаки и другие животные». Чтобы не заболеть, старались избегать таких мест⁴⁵. Этому можно найти и рациональные объяснения: животные, как правило, катаются по земле, чтобы избавиться от паразитов; наступив в золу, можно обжечься; если ходить по мусору, то испачкаешься или поранишься.

Сферой, где переплетались общественная и личная профилактика, была *санитария и гигиена*. В целом они представляют собой неотъемлемую часть народной медицины. Соблюдение санитарно-гигиенических норм способствует предотвращению многих заболеваний. Эта область народно-медицинских знаний находится в тесной связи с такими составляющими традиционной культуры, как пища, одежда и жилище.

При характеристике санитарии и гигиены исследователи разных эпох рассматривали следующий круг вопросов: 1) санитарное состояние жилища и источников водоснабжения; 2) традиции ассенизации; 3) роль общины в организации санитарного надзора; 4) природно-экологические знания и навыки; 5) повседневная личная гигиена; 6) первичные санитарно-гигиенические навыки и умения; 7) пути и средства поддержания чистоты; 8) способы борьбы с бытовыми насекомыми и грызунами; 9) формы профилактики эпидемических заболеваний и борьба с ними; 10) пищевые традиции и ограничения⁴⁶.

Анализ указанных аспектов позволяет выявить в структуре санитарно-гигиенических норм и профилактике общественную и индивидуальную составляющие. В реализации некоторых из них большую роль играла группа (община, семья и т.п.), а в осуществлении других (повседневная гигиена) важное место принадлежало отдельной личности. Одна из наиболее удачных схем исследования данной сферы была предложена Т.К. Щегловой в одной из работ по санитарии и гигиене сельского населения Алтайского края⁴⁷. Данная схема может быть использована и применительно к другим регионам.

Историю исследования санитарно-гигиенического состояния населения Сибири рассматривал В.А. Зверев⁴⁸. Сведения о санитарно-гигиенической обстановке и традициях русского населения Сибири можно получить и из других работ⁴⁹. Они, конечно, не в полной мере отвечают на поставленные вопросы, однако дают общее представление о существовавших нормах.

Красной нитью через все подобные исследования проходит следующий тезис: для сибиряков характерны чистоплотность и аккуратность⁵⁰. Вот как описывает сибирские деревни земледельческой полосы* М. Петров, сравнивая их с деревнями Европейской части России: «...деревни ея (Сибири – *И.В.*) гораздо лучше русских: они выглядят многолюдными селами. Тут много красивых, двухэтажных домов, вокруг которых теснятся угодья и службы; крыши этих изб-домов крыты тесом, а на них и на выкрашенных ставнях часто красуются резные, деревянные узоры... В комнатах у крестьян чисто и уютно; пол хозяйка метет несколько раз в день, а моет его и скребет ножом некрашенные полы и лавки не меньше, чем раз в неделю. Избы обыкновенно имеют несколько комнат, и только самые бедные живут в одной. Стены и потолки выбелены...»⁵¹.

В работах XIX – начала XX в., освещающих жизнь крестьян Западной Сибири, противопоставлялись санитарно-гигиенические традиции старожилов и переселенцев. Если для старожилов была характерна чистота, то для русских переселенцев – грязь. Эта тенденция прослеживается и в исследованиях об Омском Прииртышье. В местной периодической печати можно найти немало подтверждений этому. Вот как, например, описывает быт жителей Тарского округа священник Иоанн Петров (участник Тарского разъездного причта): «Переселенцы весьма резко отличаются от старожилов; живут они довольно грязно, хозяйственный и домашний обиход жизни ведут неряшливо, все делают, так сказать, спустя рукава, не торопясь. Одежда самоходов, как называют их старожилы, представляет полный кон-

* Сюда автором включены следующие округа: Курганский, Тюкалинский, Ишимский, Ялуторовский, Тюменский, Каинский, Мариинский, а также южные части Туринского, Тобольского, Тарского и Томского.

траст с обстановкой их жилища. Хозяин в суконной визитке, сапоги с галошами, брюки на выпуск, жена в шелковой кофте, в шерстяной кофте, а сама босиком, - и в хате пола покрыты грязью на вершок, везде пыль и грязь; тут и свиньи, и телята, и овцы, и гуси, и куры...»⁵². Наблюдал он и такую картину: «...в Аюбаше (Аюбашский поселок был расположен в Тевризской волости – *И.В.*) я встретил вопиющую нищету; избы большей частью без полов, вследствие чего всюду сырость и вонь, и вдобавок к этому – в углу спят свиньи... на печи, скорчившись, сидели голые дети; они представляли из себя жалкий вид детского скелета... Такое ужасное зрелище представляется не единолично, не случайно, но почти в каждом поселке»⁵³.

В качестве основных факторов, способствующих существованию такого противопоставления, можно выделить первоначальную бытовую неустроенность переселенцев, а также традицию выхаживания домашних животных в жилых помещениях, свойственную некоторым из них. Но процессы адаптации сглаживают различия, поэтому подобное противопоставление не зафиксировано в более поздних источниках и правомерно лишь для конца XIX – первой половины XX в.

Важным условием профилактики заболеваний является санитарное состояние жилища. При этом необходимо учитывать все многообразие факторов, влияющих на жилищную гигиену – способы, орудия и режимы уборки помещения, внутреннюю планировку и обстановку жилища, внешний вид помещения, способы борьбы с насекомыми и др.

Особое внимание в контексте санитарно-гигиенических условий жизни необходимо уделить состоянию водоснабжения в регионе. К негативным моментам можно отнести недостаточную обеспеченность населения (не только русского) некоторых районов водой, загрязнение жителями источников водоснабжения, что приводило к нехватке доброкачественной воды, а следовательно, и к росту заболеваемости.

В силу сложного положения с водоснабжением (см. Приложение 2) жители вынуждены были искать дополнительные источники воды: летом – делали колодцы на болотах, использовали болотную воду; зимой – таяли снег, лед и т.п.⁵⁴ Такая вода наносила значительный ущерб здоровью, способствуя распространению болезней (тифа, лихорадки и др.).

Кроме того, положение с водоснабжением оказало некоторое влияние на режим и способы наведения чистоты. В XIX в., по сведениям путешественников и наблюдателей из числа местных жителей, обычный режим уборки состоял из еженедельной чистки помещений и генеральных уборок, для обозначения которых в народном календаре существовали специальные дни – «Чистый четверг» (четверг на последней неделе Великого поста) и «Чистый понедельник» (первый день первой недели Великого поста). Дни эти обозначали начало и окончание

Великого поста, являясь своеобразными рубежами для русского крестьянина⁵⁵. Позднее в режим уборки были включены и другие праздники – день Аграфены Купальницы (6 июля) и Иванов день (7 июля), Новый год и Крещение (19 января). Днями наведения чистоты в доме на протяжении всего изучаемого периода были пятница и суббота. Помимо этих мероприятий, несколько раз в день хозяйки мели пол в доме.

Особой чистоплотностью, по свидетельству современников, отличались не только сибирячки, но и казачки. Вот как описывает их Ф.Н. Усов: «Женщины-казачки очень заботливы о содержании чистоты и убранства в доме. Потолки и стены белят глиной, полы каждую субботу моют, скоблят и покрывают половиками. Иногда стены обивают дешевенькими обоями, а полы красят»⁵⁶. В исключительных случаях (праздники, свадьба, похороны и т.п.) режим уборки несколько изменялся.

Нужно также заметить, что в XIX – середине XX в. приемы наведения чистоты и порядка различались у старожильческих и переселенческих групп русских. Различия существовали также между северными и южными районами Омского Прииртышья. Традиции жилищной санитарии и гигиены старожилов сибиряков и казаков были обусловлены тем, что внутри жилое помещение и встроенная мебель были деревянными, неокрашенными. Основными приемами уборки являлись выскребывание, жесткая чистка и вымывание⁵⁷. Главными орудиями уборки жилищ в северных и центральных районах (особенно в Муромцевском и Тюкалинском) Омской области являлись нож (им скоблили пол и мебель), «крыльшки» (веники из крыльев домашних гусей), веник из травы и тряпка. Для наведения чистоты в бане использовался веник-голик (из прутьев). В качестве средства для уборки выступала вода.

Лишь с конца 1950-х гг. в старожильческой среде появилась своеобразная краска для пола – «охра», которая состояла из смеси желтой глины с олифой, полученной из льняного семени (ее использовали и для окраски холстов)⁵⁸. С появлением охры выскребывание отошло на второй план, а на первый вышло мытье и вымывание. Немного позднее на смену охре пришла водоземulsionная краска, но приемы наведения чистоты практически не претерпели изменений, разве что уменьшились усилия, прилагаемые для уборки жилища.

Что касается переселенцев, то основным приемом жилищной гигиены у них было «подбеливание» глиной, а позднее – известью. Особенно ярко это проявлялось в южных районах Омской области. Здесь русские практически к каждому празднику белили стены жилых домов, а печь «подбеливали» еженедельно.

Необходимо отметить, что подобное разделение способов жилищной гигиены было характерно практически для всей Западной Сибири и Алтая⁵⁹.

В дни уборки чистили утварь, особенно кастрюли и самовары. Часто чистку мелких предметов доверяли детям и подросткам. Для «наведения блеска» на алюминиевые или медные вещи использовали озерный или речной песок, которым тщательно натирали утварь до тех пор, пока она не приобретала сияющий вид.

У татар Омского Прииртышья необходимость ежедневного мытья посуды была закреплена на уровне иррациональных представлений. Татары д. Речапово Тарского района Омской области верили, что если оставить на ночь немытую посуду, то «придет черт и облизнет ее», тогда человека будут ожидать неприятности⁶⁰.

Очень важным показателем санитарно-гигиенических условий являлось наличие насекомых и методы борьбы с ними. Для конца XIX – начала XX в. много информации о существующих в среде русского населения Омского Прииртышья методах борьбы с насекомыми может дать анализ местной периодической печати. Здесь обнаруживаются статьи о способах избавления от мух, комаров, клопов и вшей. Основное их содержание сводится к рекомендациям по борьбе с насекомыми⁶¹.

Особые хлопоты доставляли вши. От них избавлялись следующим способом: на ночь мазали голову керосином, а утром мылись в бане⁶². Керосин от вшей, по сведениям Л.А. Уткина, применялся практически на всей территории Сибири⁶³. Не меньшее беспокойство доставляли блохи. Для того чтобы от них избавиться, на пол в доме накладывали траву полыни (*Artemisia absinthium* L.)⁶⁴. Украинцы Омской области выводили насекомых из льняной одежды, для чего в спленном дереве выжигали сердцевину, заваривали древесную золу, выливали отвар в получившееся углубление и замачивали там одежду⁶⁵.

Татары Омского Прииртышья со временем усовершенствовали способы борьбы с насекомыми. Если раньше они вымораживали тараканов (зимой на несколько дней покидали свой дом, оставляя открытыми двери), то потом стали использовать для избавления от них химические инсектициды⁶⁶.

Казаки Северо-Казахстанской области от мух избавлялись, принося из леса грибы-мухоморы (*Amanita muscaria* Pers.) и расставляя их в блюдах с водой на подоконниках. Эффективность данного средства подтверждает тот факт, что мухоморы применялись для этой цели практически на всей территории Сибири. Кроме того, в Сибири и на Алтае исследователями отмечен целый комплекс растений, называемых «мухоморами» или «мухоморниками» (*Aconitum barbatum* Patr., *Veratrum nigrum* L. и др.) и используемых для отравления мух⁶⁷.

Для уничтожения клопов в щели, где их обнаруживали, заливали кипятком. От тараканов избавлялись с помощью соленой воды. Помогало также и другое средство: нужно было на тарелку положить хлеб,

смоченный борной кислотой⁶⁸. По сведениям, полученным в Северо-Казахстанской области, от всех вредных домашних насекомых можно было избавиться золой, которую выгребали из печки в «Чистый четверг». Эту золу сыпали по углам дома, либо в подполе⁶⁹.

В Сибири и на Алтае для борьбы с клопами применяли в основном растительные средства, издававшие сильный запах. Такие травы, как вонючка (*Cimicifuga foetida* L.), клоповник (*Lipidium ruderales* L.) и егорево копые (*Pedicularis uncinata* Steph.), достаточно было просто держать в доме, а вот папоротник (*Pteridium aquilinum* L.), хмельник (*Rhinanthus Crista galli* L.) и копеечник (*Thlaspi arvense* L.) для появления запаха необходимо было пережигать в печи или в посуде типа чугунок. Тараканов уничтожали при помощи этих же средств⁷⁰. В Новосибирской области от насекомых избавлялись, развешивая в доме пижму (*Tanacetum vulgare* L.)⁷¹.

Важным фактором личной гигиены было умывание и мытье. Особенное внимание уделялось детской гигиене. В Муромцевском районе Омской области для стирки пеленок и мытья ребенка существовали специальные ванны. В воде сначала мыли ребенка, потом стирали и полоскали холодной водой пеленки⁷². Большая роль отводилась бане.

Основными средствами личной гигиены до середины XX в. были домашнее мыло и «щелок». В Муромцевском районе Омской области мыло варили как для повседневного использования, так и туалетное (с добавлением духов и соды). Вот как описывает этот процесс жительница с. Мыс Е.А. Баркова: «Мама варила мыло из кишок (кишки предварительно необходимо было почистить и заквасить на некоторое время – И.В.). Варила в котле, в бане, разливала в деревянное корыто, а когда засохнет, то резала на куски. Иногда в городе она покупала духи и соду. Добавляя их, она варила туалетное мыло»⁷³. Мыло это использовали для мытья и стирки. В домашних условиях готовили мыло и сибирские эстонцы. В д. Лилейка Седельниковского района записан следующий рецепт: «Топят сало, затем добавляют каустик, все это кипятят около 2 часов, получается белое мыло с приятным запахом. Им моются и стираются»⁷⁴.

Однако в ряде местностей были распространены более простые материалы – глина, зола и «щелок». Так, в некоторых населенных пунктах Северо-Казахстанской области жители мыли голову золой «от хороших дров», которую предварительно заваривали. Для стирки же использовали красную глину: ею натирали белье, а потом его полоскали⁷⁵. Украинцы Омского Прииртышья для стирки употребляли белую глину⁷⁶. Со второй половины XX в. в крестьянский обиход прочно вошло покупное мыло.

У русского населения Омского Прииртышья практически не сохранились иррациональные общественные санитарные нормы, направ-

ленные на ограждение от болезней целых селений. В источниках не нашли отражения такие меры, как раскладывание костров по дорогам, ведущим из зараженных местностей, оцепление зараженных селений и домов, ограждение от заражения рек и источников и так называемое «опахивание», зафиксированные многими исследователями у славянского населения России. Однако они бытовали, но в несколько измененных формах. Например, женщины обходили селение во время эпидемий и эпизоотий с иконами или же служили в церкви молебен⁷⁷. Кроме того, в некоторых деревнях в день Ивана Купала жители обкладывали дома и подворья крапивой или чертополохом, чтобы убежать от неблагоприятных действий колдунов и эпидемий. Особенно часто это встречалось в переселенческой среде и в районах компактного проживания белорусского населения⁷⁸.

Что касается рациональных профилактических мер, используемых во время эпидемий, то одним из наиболее популярных действий до середины XX в. была изоляция заболевших в отдельном помещении – своеобразный карантин. Что касается случаев массовых эпидемий, то подобную изоляцию проводили чаще всего в каком-нибудь одном помещении, например, заболевших свозили в одну избу и там за ними ухаживали. Кроме того, жители близлежащих населенных пунктов ограничивали контакты с населением тех сел и деревень, где свирепствовали болезни. Еще одной профилактической мерой было изменение режима уборки – старались убираться чаще, одежду кипятили или пропаривали в бане и т.п. Начиная с середины XX в., все большую роль в этом процессе стало играть государственные органы по оказанию медицинской помощи в случае возникновения эпидемий.

Таким образом, профилактику можно разделить на действия, осуществляемые профессиональными врачами, и мероприятия, доступные широким слоям населения. Большую роль в профилактике многих заболеваний играет соблюдение санитарно-гигиенических норм и традиций. На всем протяжении изучаемого периода основными были меры общей профилактики, о чем косвенно свидетельствует отсутствие в источниках указаний на существование мер, направленных на профилактику конкретных заболеваний.

В сфере профилактики, как и в народной медицине в целом, проявлялась тесная связь с календарной обрядностью (существование определенных запретов, связанных с календарными и религиозными праздниками) и такими элементами культуры жизнеобеспечения (и материальной культуры), как одежда, пища и жилище.

Проверенные опытом и практикой профилактические мероприятия отличались большой рациональностью. Иррациональность проявлялась в основном в сфере общественной профилактики. Кроме того, ирраци-

ональные приемы существовали в области акушерства, гинекологии и педиатрии, считавшихся в традиционной культуре сакральными. Профилактика и диагностика в народной медицине русских Омского Прииртышья были тесно связаны.

В целом, несмотря на богатство диагностических и профилактических мер, многие заболевания в народной медицине русских Омского Прииртышья нашли отражение лишь на уровне способов лечения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 15-1. – Л. 8, 9; п. 23-3. – Л. 86; п. 92-3. – Л. 64; п. 112-1. – Л. 77–79, 82–83; п. 153-6. – Л. 15.

² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 74, 103; п. 23-2. – Л. 149, 155, 160.

³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 90-4. – Л. 141–142, 145–148, 153–155, 160–161; п. 102-2. – Л. 3, 13, 14, 59.

⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 138. – Л. 86, 93, 95, 99.

⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 138. – Л. 49, 86, 90, 93, 95, 99.

⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 102-2. – Л. 58.

⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 7; п. 19-2. – Л. 39, 40; п. 93-2. – Л. 43; п. 15-1. – Л. 8, 9; п. 92-3. – Л. 60, 64; п. 112-1. – Л. 77–79, 80–83; п. 153-6. – Л. 15.

⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 43; п. 77-1. – Л. 74; п. 15-1. – Л. 8, 9; п. 112-1. – Л. 77–83.

⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 103.

¹⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 77–83.

¹¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 108.

¹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-2. – Л. 154, 163.

¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 94-3. – Л. 147.

¹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 75; п. 112-1. – Л. 77–79, 82–83.

¹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-2. – Л. 151, 163.

¹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-2. – Л. 151, 154, 163.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 28-1. – Л. 142–145.

¹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 90-4. – Л. 141–142, 145–148, 153–155, 160–161.

¹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 47; п. 23-2. – Л. 155; п. 112-1. – Л. 77–83; п. 23-2. – Л. 160.

²⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 90-4. – Л. 56.

²¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 82, 88–101; п. 18-4. – Л. 80–82, 84–90, 99–101.

²² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 78, 80–82, 88–101; п. 18-4. – Л. 80–82, 84–90, 99, 101.

²³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 88–101; п. 18-4. – Л. 80–82, 84–90, 102.

²⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 77-1. – Л. 115; п. 163-3. – Л. 1, 11.

²⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 1-23. – Л. 17, 31–32, 34, 38; п. 7-4. – Л. 23; п. 50-3. – Л. 95, 100.

²⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 31, 33; п. 87-2. – Л. 98.

²⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 98.

²⁸ Уткин Л.А. Народные лекарственные растения Сибири // Тр. Науч.-исслед. хим.-фарм. ин-та. – М.; Л., 1931. – Вып. XXIV. – С. 65.

²⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 88–101; п. 163-3. – Л. 67.

- ³⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 160.
- ³¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 7.
- ³² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 63-1. – Л. 84.
- ³³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 56, 62.
- ³⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 88–101; п. 18-4. – Л. 102.
- ³⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 78–82, 84–87, 153.
- ³⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 80–81.
- ³⁷ Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 65, 67.
- ³⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 153.
- ³⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 80–81, 86.
- ⁴⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 80–81.
- ⁴¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 61, 67.
- ⁴² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 100; п. 97-4. – Л. 16.
- ⁴³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 105.
- ⁴⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-3. – Л. 21.
- ⁴⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 6.
- ⁴⁶ Бартнев В.В. На крайнем северо-западе Сибири: (Очерки Обдорского края) / Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX в. – Екатеринбург, 1998. – С. 112–218; Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX вв.). – Новосибирск, 1997. – С. 130–154; Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX в. – Новосибирск, 1991. – 210 с.; Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север... – С. 34–111; Шелегина О.Н. Санитарное состояние жилища // Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1992. – С. 81–86; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. / Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2003. – Вып. 5. – С. 154–163 и др.
- ⁴⁷ Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура...
- ⁴⁸ Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований... – С. 130–131. См., например: Отчет Медицинской части Самарского уездного земства. – Самара, 1881. – 75 с.
- ⁴⁹ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии (период с 1806 по 1819 г.). – СПб., 1889. – С. 267; Головачев П.М. Сибирь: (Природа. Люди. Жизнь). – М., 1902. – 300 с.; Петров М. Западная Сибирь: (Губернии Тобольская и Томская). – М., 1908. – 205 с.; Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу: (Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – С. 1–90; Швецов С.П. Очерки... – С. 34–111; Гамалецкий К.В. Демьянская волость / Тобольский Север... – С. 220–299 и др.
- ⁵⁰ Любимова Г.В. Эпидемия в сибирской деревне: (Взгляд со стороны практической медицины и религиозно-магической практики) (конец XIX – начало XX вв.) // Этнография Алтая... – С. 182–187; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). – Новосибирск, 1979. – С. 111; Описание Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. – Новосибирск, 1982. – С. 271, 292, 304; Петров М. Западная Сибирь... – С. 77–79; Шелегина О.Н. Сани-

тарное состояние... – С. 81; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура... – С. 154–163 и др.

⁵¹ Петров М. Западная Сибирь... – С. 77–79.

⁵² Петров И. (свящ.) Путевые заметки разъездного священника // ТЕВ. – 1910. – № 15. – Отд. неофиц. – С. 372.

⁵³ Петров И. (свящ.) Путевые заметки... – № 16. – Отд. неофиц. – С. 401–402.

⁵⁴ Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1900. – Кн. XXVII. – С. 1–23; Обзорение его Преосвященством Преосвященнейшим Григорием, Епископом Омским и Семипалатинским, церквей и приходов в 1897 году // ОЕВ. – 1898. – № 10. – Ч. неофиц. – С. 1–7; Сибирское казачье войско: (Список населенных мест по сведениям за 1876 год) / Сост. Ф.Н. Усов. – Омск, 1877. – С. 2–7; Усов Ф.Н. Статистическое описание сибирского казачьего войска. – СПб., 1879. – 284 с.

⁵⁵ Русский праздник: (Праздники и обряды народного земледельческого календаря): Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2002. – С. 634–646; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура... – С. 154–163.

⁵⁶ Усов Ф.Н. Статистическое описание... – С. 266.

⁵⁷ Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М., 1862. – С. 195; Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований... – С. 136–137; Петров М. Западная Сибирь... – С. 77–79.

⁵⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 80–81.

⁵⁹ Миненко Н.А. Экологические знания...; Швецов С.П. Очерки... – С. 34–111; Шелегина О.Н. Санитарное состояние... – С. 81–86; Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура... – С. 154–163 и др.

⁶⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 7-4. – Л. 50.

⁶¹ Как избавиться от комаров и мух // ТЕВ. – 1903. – № 11. – Отд. неофиц. – С. 270–271; Лучшее средство от постельных клопов // ТЕВ. – 1895. – № 13–14. – Отд. неофиц. – С. 251; Истребление паразитов и вредных животных // ТЕВ. – 1896. – № 12. – Отд. неофиц. – С. 280–284 и др.

⁶² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 82.

⁶³ Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 56.

⁶⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 43.

⁶⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 104–105.

⁶⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 94-3. – Л. 147–148.

⁶⁷ Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 63; МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 10, 62, 64.

⁶⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 10, 62, 64.

⁶⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 76, 111.

⁷⁰ Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 63–91.

⁷¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 80, 157.

⁷² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 80–81.

⁷³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-2. – Л. 79.

⁷⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 96-1. – Л. 36.

⁷⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 62.

⁷⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 105.

⁷⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 63-1. – Л. 56; п. 77-1. – Л. 70.

⁷⁸ ПМА. – 2005. – П.о. 2.

Глава 3

ДИАГНОСТИКА И ВЗГЛЯДЫ НА ЭТИОЛОГИЮ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Диагностика включает в себя процедуры, направленные на выявление природы и причины болезни. Именно поэтому она, как и другие сферы народной медицины, очень тесно связана с представлениями об этиологии заболеваний. Здесь проявляется особенность, свойственная народно-медицинским знаниям в целом – рациональное очень тесно переплетается с иррациональным. Кроме того, эта область знаний постоянно изменяется и развивается.

В периодической печати конца XIX – начала XX в. приведены многочисленные врачебные наблюдения, содержащие подробную диагностическую систему распространенных в этот период заболеваний (дифтерит, сибирская язва, тиф и холера). Основная цель данных публикаций – донести до крестьян результаты многолетних научных опытов. Часто для достижения этой цели прибегали к помощи священников и учителей, которые являлись своеобразными проводниками научных медицинских знаний. При сравнении этих наблюдений с представлениями, бытовавшими в среде крестьянства, обнаруживаются параллели и совпадения. Особенно это касается рациональной составляющей народно-медицинских знаний.

Сибирская язва имела множество наименований – «огненный веред» (*нарыв, опухоль*), «антонов огонь», «змеиный прострел», «злокачественный черный прыщ» и т.д. Чаще всего данное заболевание характеризовалось следующими признаками: человек сначала чувствовал сильную жгучую, «колючую» боль, за которой вскоре появлялось красноватое пятно, меняющееся на темное, в окружности которого примечалась рожистая, похожая на отек, опухоль темно-синеватого цвета. Опухоли эти обыкновенно появлялись на открытых местах: лице, шее, затылке, верхней части груди, руках. Реже (особенно у женщин) они были замечены в паху, на внутренней поверхности бедра и даже на спине. Число и размеры этих опухолей были различны. Иногда вместо них оказывались водянистые прыщи или темно-синие волдыри.

Перечисленные внешние признаки сопровождалась горячкой (температурой), усталостью и слабостью. С развитием болезни кожа ста-

новилась сухой и жесткой, а глаза – мутными. Все это сопровождалось обильным выделением пота, которое внезапно прекращалось. Основной признак болезни – «стеснение» в области сердца. Этот признак крестьяне, по словам исследователей, не могли выразить словами¹.

Еще в первой половине XIX в. лекарь Томской губернии Ковреин, много лет наблюдавший за действием сибирской язвы на людей и животных и сам переболевший этим недугом, выдвинул ряд рациональных, по его мнению, «предрасполагающих или отдаленных» причин распространения болезни. Среди них: «болотистое местоположение», жаркая погода, разные «гнилые испарения», недостаток хорошего корма и хорошей воды, «большое изнурение» у людей и животных, «худое» расположение домов и конюшен, а также пренебрежение и «превратное лечение» больных². Однако в официальной медицине господствовала другая точка зрения. Медики считали, что основная причина болезни – это яд маленького насекомого, которого часто называли «адской фурией» и представляли в виде маленького червяка. Именно потому врачи всячески старались обратить на это внимание крестьян, чтобы помешать развитию болезни. Но, как следует из архивных материалов, крестьяне мало значения придавали «первоначальному укусу адской фурии» и выявляли сибирскую язву лишь после появления волдырей и прыщей. Чаще всего в крестьянской среде она именовалась «злокачественным черным прыщем». Вероятно, в подобном названии отразились основные симптомы, сопровождающие недуг³.

По сообщению П.А. Городцова – одного из авторов специальной работы по исследованию данного заболевания, крестьяне подразделяли язву на «нутряную» и «наружную» («верховую»). «Нутряная» болезнь, по их описанию, развивалась внутри организма и не имела никаких внешних признаков, за исключением «мутных глаз», которые становились как будто покрытыми синеватыми пленками. «Наружная» болезнь характеризовалась появлением на теле чирья и подкожных опухолей, подразделялась знахарями и крестьянами на 2 вида – «черьевая» или «поплавная» болезнь. «Черьевая» болезнь имела подкожную опухоль с гноящимся чирьем на ее вершине, «поплавная» же проявлялась в виде подкожной опухоли, которая очень быстро увеличивалась и расходилась под кожей, как бы расплывалась⁴.

Чума очень похожа на сибирскую язву по своим признакам. Она также характеризовалась наличием опухолей в паху, под мышками, на шее, либо «вереда» с черным наверху пятном, струпом или пузырьком, наполненным «темноватой влагою», либо пятна и полосы на теле, сопровождающихся головной болью. В дальнейшем тяжесть и боль в голове усиливалась, наблюдалась сонливость, нередко с бредом⁵. В народе эта болезнь получила названия «мор», «морская язва».

В Европейской части России чуму олицетворяли с женщиной огромного роста, простоволосой и в белой одежде. Считалось, что она разьежает по свету в повозке или заставляя какого-нибудь человека носить себя по городам и селам. Своей костяной рукой она вьет на все четыре стороны красным (кровавым) или огненным платком, вслед за взмахом которого вокруг все вымирает. По словам А.Н. Афанасьева, подобные верования существуют в большей части земель, заселенных славянами. Представляли, что чума может оборачиваться различными животными и предметами – кошкой, лошадьё, коровой и даже куском пряжи. Где она покажется – там начинают выть собаки, туда прилетают вороны или филин и, садясь на кровлю, криком своим предвещают беду⁶.

В полевых источниках основные признаки и представления о причинах этих заболеваний не нашли должного отражения, т.к. крестьяне старались лишней раз не упоминать ни их названий, ни признаков. Они были убеждены, что это может повлечь за собой опасность заболеть перечисленными недугами. Как правило, эти болезни считались «наказанием божьим» или следствием злого умысла колдунов и знахарей. Именно таким образом в народной среде выражалась степень опасности чумы, тифа и сибирской язвы, ведь народ задолго до научной медицины отнес их к числу «заразных», «поветрий». Для распознавания этих заболеваний крестьяне учитывали, говоря современным научным языком, эпидемиологические данные. Они обращали внимание на наличие подобных недугов в соседних местностях, особенно в тех, с жителями которых они контактировали.

К этой группе заболеваний может быть причислена и малярия (лихорадка), при определении которой русское население Омского Прииртышья руководствовалось следующими симптомами: озноб, «ломота во всем теле», особенно в коленных суставах, головная боль и насморк. У казачества Северо-Казахстанской области они считались признаками легкой и средней форм заболевания. При тяжелой и запущенной формах добавлялось нарушения зрения (перед глазами стояли видения, «чаще всего – тетка») и слуха⁷.

В Нижнеомском районе Омской области малярию характеризовали так: сначала озноб, а потом жар. Человеку «в глаза лезло что попало», мерещилась пожилая тетка, поэтому иногда малярию называли «теткой». Жительнице с. Хомутинка М.И. Ольхиной (см. Приложение 1) малярия померещилась в виде пожилой женщины, лет 60–70, среднего роста, с плетеной корзиной и палочкой (клюкой), которая выглядывала из-за угла и пристально смотрела на больную, смеясь⁸.

У украинцев Полтавского района Омской области основным симптомом малярии было то, что «бросало то в жар, то в холод». И сей-

час ее именуют здесь «77 болезней»⁹, т.к. существовало множество названий этого недуга. Все они весьма выразительны. Объяснения причин возникновения малярии тоже были довольно многочисленны: «с ветру нападает, ступишь, не благословясь, с печали, от дурного слова, с испугу, от простуды»¹⁰. По всей видимости, и лихорадку местные жители относили (иногда неосознанно) к заразным заболеваниям, в большинстве случаев олицетворяя ее с женщиной (как чуму, холеру и др.). Больные старались не называть ее лихорадкой, а именовали «теткой», «тетушкой», «кумахой» и т.д.

Этот пласт воззрений в определенной степени отражает мифические представления о заразе, сложившиеся, по мнению В.Ф. Демича, еще во времена язычества и связанные с представлениями о том, что «у каждой болезни свой дух»¹¹. В качестве их отражения, вероятно, следует рассматривать широко распространенные у восточных славян сказания о сестрах, насылающих лихорадку. Количество сестер у разных групп населения различно – 3, 7, 9, 12, 77 и даже 99. Чаще всего исследователи приводят легенды и заговоры, в которых фигурируют 12 сестер¹².

Русские Омского Прииртышья восприняли это широко распространенное олицетворение лихорадки с образом двенадцати сестриц. При лечении болезни пользовались заговорами с перечислением данных персонажей.

Таким образом, можно выделить группу заразных болезней, представления об этиологии которых отличались иррациональностью и олицетворялись с женскими образами. В их диагностике большое внимание уделялось внешним признакам, т.к. внутренние изменения не могли быть отражены на основе существующей традиционной терминологии. Перечисленные симптомы были выделены в народной и научной медицине и нашли отражение в названиях данных болезней.

Вторую группу составляют болезни, которые не имели видимых причин. В объяснении их этиологии важное место принадлежало таким явлениям, как порча или сглаз. Чаще всего их не разделяли и осмысливали в качестве равнозначных понятий. Но в ряде мест порчу и сглаз понимали как явления похожие, но различающиеся по степени воздействия. Так, в с. Усть-Тара Тарского района жители рассказывали, что сглаз отличается большей легкостью в лечении, а порчу снять тяжелее, не всем врачевателям это под силу¹³.

По представлениям русских Омского Прииртышья, порча могла по-разному проявляться на человеке: люди ходили сонные, «стрекотали по сорочьи», лаяли, мычали, заикались. Чаще всего порчу «напускали на сердце», тогда это было смертельно, но бывали и промахи. Место, куда попадала порча, болело: ноги «парализовывало», язык отнимался¹⁴. Схожие воззрения существовали относительно сглаза (*озена, урока*).

Многие болезни (особенно детские) объясняли испугом. Они имели различные названия, в зависимости от места бытования, но обладали схожими признаками. Испуг у детей, как правило, характеризовался заиканием, плачем и криком¹⁵. Наличие похожих признаков отличало и такую болезнь, как «куриная крикса»: ребенок плакал, кричал по ночам, не спал, т.к. его «тянула крикса»¹⁶. В Тобольском районе Тюменской области детское заболевание, при котором ребенок всю ночь плачет, обозначалось термином «полуношница». По сообщениям местных жителей, «полуношница» по своим особенностям была очень близка к «щекотухе». Эти недуги рассматривались как тождественные.

В Омском Прииртышье «полуношницей» называли бессонницу у взрослых¹⁷. Здесь, видимо, проявились представления об олицетворении различных недугов, нарушающих спокойный сон детей, вызывающих крики по ночам и т.п., с такими болезнетворными духами, как «полуночники», «щекотуны» и «крикливцы». По сведениям профессора Н.Ф. Высоцкого, предания о них были распространены главным образом в Малороссии¹⁸. У взрослых испуг относили к нервным болезням и связывали его с расстройством психики и бессонницей¹⁹.

Для выявления подобных заболеваний применялись специальные процедуры – «выливали на воду» воск или кидали в воду угольки²⁰. «Выливание на воду» было широко распространено в основном в северных и центральных районах Омского Прииртышья. Проводилось оно следующим образом. Больного сажали на стул (если это маленький ребенок, то его обычно держала на коленях мать) у печки, под *маткой* (*матица* – несущая балка в доме) или на пороге. Затем врачеватель растапливал воск и выливал его в посуду (металлический ковш или блюдце) с водой, которую держал над головой больного. В это время знахарь что-то шептал над водой, делая крестообразные движения металлическим распятием по воску. На воске появлялись своеобразные узоры, которые, якобы, показывали то, чего испугался человек.

Иногда вместо воска использовали яичный белок. Тогда брали стакан с водой, отделяли в него белок, который переливали из одной половины скорлупы в другую над стаканом. В результате белок принимает форму того, что напугало больного. Так обычно лечили маленьких детей²¹.

В Знаменском районе наличие сглаза определяли следующим образом: брали 3 уголька, клали их в стакан с водой. Если они тонули, значит человека сглазили, если нет, то сглаза не было. Аналогичный способ проверки бытует поныне у татар д. Малые Туралы Тарского района Омской области²². У сибирских татар д. Чергалы Муромцевского района Омской области вместо воска и угля используется

медь²³. Подобные мероприятия проводят украинцы Омской области и русские Тюменской области²⁴. Необходимо отметить, что данные процедуры одновременно являются диагностическими и лечебными.

Существуют также косвенные признаки, по которым производят диагностику сглаза и испуга. Например, жительница с. Усть-Тара Тарского района Омской области Н.М. Сажина рассказала, что если человек, который пришел лечиться, действительно испуган или его сглазили, то у того, кто его лечил (в их семье это были она, ее бабушка и свекровь), текли градом слезы или нападала зевота при чтении молитвы²⁵. В д. Вставское того же района сглаз определяли так: врачеватель брал ребенка на руки и быстро считал от 9 до 1. Если он сбивался, то считалось, что ребенка сглазили²⁶.

Главный признак этих недугов – беспричинное беспокойство. Может быть, именно этими факторами и обусловлена иррациональность представлений об этиологии данных заболеваний и способы их диагностики.

Часто диагностика многих заболеваний проводилась по внешним признакам. Так, в некоторых районах Омского Прииртышья упоминали о таком детском заболевании, как «летучий огонь». Диагностика его была достаточно проста – по появлению у детей на лице, особенно вокруг рта, большого количества мелких красных прыщиков. Объясняли это тем, что дети «плевали на огонь»²⁷. По мнению русских Тюменской области, «летучим огнем» могли заболеть не только дети, но и взрослые, если они плевали на огонь или на горячую печь. Основным признаком недуга было образование коросты на щеках и вокруг губ²⁸. В среде русских старожилов Восточной Сибири в начале XX в. эту болезнь называли «коростой на рыле»²⁹. В перечисленных представлениях проявились общеславянские воззрения о существовании взаимосвязи между природными стихиями и человеком, нарушение которой может привести к болезням³⁰. Татары же с. Уленкуль Большереченского района определяли «летучий огонь» как коросту, которая бывает от купания в речке³¹. Эти представления сохранились до настоящего времени.

По внешним проявлениям (наличию шишек в районе заднего прохода, которые болели) определяли также и геморрой³². В Новосибирской области геморроидальные шишки получили название «редьки». Жители с. Верх-Ики Маслянинского района рассказывали, что бывали случаи, когда колдуньи через воду, ветер и т.д. насылали на человека болезнь типа геморроя – «редьку могли посадить»³³.

Неоднозначной была трактовка такой болезни, как *рожа*. В Тарском районе главным признаком рожи служило наличие гнойного нарыва красного цвета³⁴. У казаков Северо-Казахстанской области основной симптом ее состоял в том, что «рука покраснела до локтя»³⁵. У русских Большереченского района рожа характеризовалась

наличием язв³⁶. В Знаменском районе жители выделяли рожу двух видов – чирьевую (когда образуются гнойные язвы) и ветряную (когда язвы не гноятся, а главная причина появления – порча, «сделанная на ветер»)³⁷. Общим основным признаком рожи являлись образования красного цвета. По мнению информаторов, она могла появиться на любой части тела, а причины ее образования разнообразны. Так, в с. Междуречье Тарского района Омской области рожа появилась у женщины после того, как она показала чужим людям грудь во время кормления ребенка³⁸. Кроме того, рожа характеризуется тем, что постоянно увеличивается в размерах.

Обозначенные болезни были очень тесно связаны с иррациональной сферой, что ярко проявилось в объяснении основных причин их возникновения.

Существовали, однако, заболевания, объяснение возникновения которых отличалось большей рациональностью, а диагностика была очень проста. Большое внимание населения и медицинских чинов XIX в. привлекал дифтерит. Он являлся по преимуществу детской болезнью. Крестьяне Сибири слово «дифтерит» (*дихтерит, дихтерик*) узнали лишь в первой половине XX в. До этого болезнь называли, перечисляя главные симптомы: «горлышко схватило или завалило» и др.³⁹ Взгляды на определение основных признаков и причин дифтерита в народной и научной медицине начала XX в. совпадали. Они были следующими: горло внутри «опухало», часто «опухала» и шея; ребенку становилось трудно и больно глотать пищу. В первые дни болезни дети становились бледными, вялыми и сонными. Глотание становилось затрудненным и болезненным. В теле наблюдался постоянный «жар». В качестве основной причины выделялась простуда⁴⁰.

Со второй половины XX в. упоминания о дифтерите уже не встречаются в источниках, что, вероятно, связано с развитием лечебных средств.

Простуда служила объяснением многих заболеваний. Простуде приписывали «грудные болезни», «ломоту» в мышцах и костях и т.д. Основной причиной возникновения простуды считалось воздействие низких, «холодных» температур или резкая смена погоды. Здесь проявилась связь внутреннего состояния организма и окружающей среды. Основное место среди признаков болезней, возникающих из-за простуды, принадлежало изменению температуры тела и появлению так называемой «ломоты» в мышцах и костях, т.е. внешним проявлениям.

Диагностическая сфера была тесно связана с физиологическими и анатомическими представлениями, бытовавшими практически у всех групп русских. Для них характерна особенность, выделенная Н.Е. Мазаловой – определенная асимметрия. Знания о внешних органах и их

строении, основанные на зрительном восприятии и наблюдениях, были обширны и разнообразны. Представления о внутренних органах оказались менее развитыми, потому что основываются на реальном эмпирическом опыте (например, вскрытии трупов), который практически отсутствовал у русских Севера и Сибири на этапе формирования народно-медицинских знаний. Первичные представления о строении человеческого тела крестьяне, по всей видимости, получали в процессе ухода за животными. В дальнейшем эти знания накапливались и систематизировались. Может быть, именно поэтому в народной анатомии существует так много параллелей с миром животных и растений⁴¹.

Судя по информации, содержащейся в полевых материалах, русские Омского Прииртышья были знакомы с такими внутренними органами, как сердце, легкие и почки. Их представления о функциях данных органов были весьма ограничены. Так, в с. Кондратьево Муромцевского района местные жители верили, что от сильного крика и плача легкие могли оторваться⁴². В целом же у русских Омского Прииртышья не существовало четкого представления о том, где и какие органы находятся, какие они функции выполняют. В источниках нередко содержится лишь их перечисление. Иногда все внутренние органы именовали «нутром», т.к. находились они «внутри». Вероятно, эта ситуация является отражением общерусских представлений, охарактеризованных такими исследователями, как Н.А. Богоявленский, Г.С. Виноградов, Н.Ф. Высоцкий, В.Ф. Демич, Н.Е. Мазалова, М.Д. Торэн и др.⁴³

Кровеносные сосуды крестьяне нередко называли «жилами», поэтому нарушения кровоснабжения и связанные с этим заболевания часто характеризовали так – «жилы болят». «Жилы», по народным представлениям, предназначались для того, чтобы носить кровь. Русское население Омского Прииртышья использовало общерусскую терминологию для обозначения крови. Ее именовали «рудой» (чаще всего в заговорах) и «красками» (или «краской»). «Руда» – это кровь, появляющаяся при кровотечениях и кровопусканиях, а «краска» – месячные очищения женщин⁴⁴. Распространенными были представления о «дурной крови», которая рассматривалась как причина многих заболеваний – головной и зубной боли, «ломоты» в суставах и др.

Данные воззрения очень сильно влияли на лечебную сферу, т.к. в целях избавления от «дурной крови» использовались либо кровопускания, либо лечение пиявками (считалось, что они пьют лишнюю и дурную кровь, присасываясь только к больному месту)⁴⁵. В тесной связи с обозначенными представлениями находилась характеристика кровотечений и ран.

Что касается кардиологических заболеваний, то, вероятно, русское население Омского Прииртышья было знакомо с местоположе-

нием сердца и основной его функцией – обеспечением циркуляции крови в организме. Основным симптомом нарушения работы сердца было так называемое «колотье» в месте его нахождения. Иногда кардиологические заболевания выражали следующими словами: «под ложечкой колет». По наблюдениям многих исследователей, русское население Сибири очень часто путало болезни сердца и желудочно-кишечные заболевания⁴⁶. Связано это было с обозначенной выше диспропорцией в анатомо-физиологических представлениях.

Русские обладали определенными анатомическими знаниями, связанными с некоторыми особенностями строения черепа человека. В некоторых районах Омского Прииртышья нами зафиксирована процедура определения наличия и степени тяжести сотрясения головного мозга. Ее применяли в случае получения ударов, ушибов головы и т.п., которые сопровождались длительными головными болями. Необходимо было взять любую тесьму (лучше светлую), завязать ее вокруг головы больного так, чтобы узелок находился на затылке. Отметить на этой тесьме 4 зоны: у переносицы, за ушами и на затылке (здесь маркером служил узелок). Затем снять тесьму, не развязывая, и измерить участки между обозначенными зонами. Они должны были быть одинаковыми. Если длины участков не совпадали, это служило основанием для определения направления смещения мозга («крен на сотрясения мозга») и степени тяжести сотрясения. Чем больше была разница, тем сильнее считалось сотрясение. Аналогичная процедура отмечена и у русского населения с. Верх-Ики Маслянинского района Омской области⁴⁷. Фиксировал ее и Г.С. Виноградов у русских старожилов Восточной Сибири в начале XX в.⁴⁸

Неоднозначна трактовка такого заболевания, как «волос». Считалось, что «волос» изъедает кости и тело больного, выпивает его кровь и «не дает ему покою»⁴⁹. В Знаменском районе Омской области «волос» до настоящего времени рассматривается как заболевание ног, а не всего организма⁵⁰. По сведениям, полученным в Тарском районе, «волос» мог появиться на руках и характеризоваться болями в суставах, возникновением опухолей на них⁵¹. Причина его появления не выяснена.

У русского населения Новосибирской области встречается такая болезнь, как «живой волос». Вот как объясняют его причины и симптомы жители с. Дубровка Маслянинского района: «Живой волос – это животное. Образуется от конского волоса. У него вырастает голова. Он длинный. Живет в воде, чаще застоявшейся (озерах, например), но есть и в реке. В воде его почти не видно. Он укусывает человека, но весь не впивается в него (не успевает). Головка остается в теле человека и начинает размножаться. Человек долго болеет, пока обнаружит. Место, куда он укусил, распухает, расширяется. Лишь тогда

человек замечает, что его укусили. Тело гниет и вываливается кусками до кости. Очень долго заживает и после еще остается впадина»⁵².

В XIX в. схожие представления о «волосе» и «волосатиках» отмечены В.Ф. Демичем у русских Европейской части России, а также у малороссов⁵³. Эти данные подтверждены и исследованиями профессора медицины Н.Ф. Высоцкого. Основой для возникновения подобных поверий, по его мнению, послужил способ лечения «волосатика» – так называемое «выливание волосатика». Проводилось оно следующим образом: необходимо было взять пригоршню печной золы (чистой или с примесью различных вяжущих средств, например, с черемуховой мукой), положить ее в небольшую кадочку или ведро, залить кипящей водой и оставить стоять полученный «щелок» до тех пор, пока «тело его может терпеть». Тогда этим «щелоком» обливали медленно язву или погружали в него большую часть тела. «Волосни» при этом выпадали из язвы в «щелок» и погибали.

Наглядные доказательства присутствия «волосатика» в теле больного, по народному убеждению, дает зола, оставшаяся на дне ванны. Одна лекарка, очень удачно (по ее словам) «пользовавшая язвы», принесла Н.Ф. Высоцкому комок золы, взятый из ванны, в которой держали больную ногу девочки. Комок был завернут в тряпку. Профессор пишет: «Лекарка при мне вынула золу, разломала ее на несколько частей и с торжеством показала мне на разломах целый ряд волосков темного цвета, которые совершали очевидные, хотя и медленные движения. Исследование под микроскопом показало, что это были волокна шерсти. Движения их обуславливались, видимо, испарением воды»⁵⁴. В первой половине XX в. в ряде районов Омского Прииртышья «волос» тоже лечили «выливанием», только вместо золы и «щелока» использовали ржаные колосья⁵⁵.

По представлениям русских Омского Прииртышья, очень важным и многосторонним заболеванием была грыжа. Под грыжей понимали «грызущую боль», которая часто сопровождала всевозможные подкожные образования. При этом народное определение грыжи не всегда совпадало с медицинским.

По сведениям известной исследовательницы народной медицины русских Марии Давыдовны Торэн, грыжей народ называл не только всякую наружную опухоль, но и всякую застарелую боль в животе. Грыжа носила еще название «грызь», под которой подразумевали резь, боль, ломоту, ноющую острую боль, происходящую от различных болезней живота. Грыжа, по народным наблюдениям, появлялась в результате «надсады». По определению А.А. Макаренко, в первой половине XX в. грыжею крестьяне Сибири считали также некоторые виды болезненного состояния «нутра», имеющие острое и длительное

течение грызущего свойства: страдания кишок, желудка, мочеполовых органов, пупка, кровеносных сосудов и костей⁵⁶. Схожие представления, по сведениям В.Ф. Демича, были и у белорусов, малороссов и крестьян Европейской части России⁵⁷.

Суждения русских Омского Прииртышья о природе и наборе качеств, характеризующих грыжу, во многом совпадали с вышеперечисленными представлениями. В силу широкой симптоматики, народм выделял несколько видов грыжи: родовая, паховая, «костяная», «жиляная», «кروвяная», «пупная» и «подпупная», «мудная» и «подмудная». Особенно часто встречаются упоминания о пупочной грыже. Считалось, что центр ее размещается возле пупка. Именно на это место и было направлено основное внимание и дальнейшее лечебное воздействие⁵⁸.

В целом представления о «волосе» и грыже несли в себе общеславянский пласт воззрений на причины и природу этих заболеваний, что в дальнейшем оказало влияние и на лечебную сферу.

В источниках упоминается и такое заболевание, как «косточка» на ногах. В Муромцевском районе Омской области оно получило название «могильные кости». Так его называли и старожилы Восточной Сибири. Основной признак болезни – сильно выступающая кость у основания большого пальца⁵⁹. Причины возникновения «косточки» не нашли отражения в изученных источниках.

В области акушерства и гинекологии не существовало четкой системы определения большинства заболеваний. Практически все они именовались «женскими болезнями». Широко распространенными и систематизированными, судя по источникам, были лишь приемы определения пола будущего ребенка. Наиболее эффективные из них используются и сейчас. На наш взгляд, их можно выделить в отдельную область диагностики.

Большая часть этих приемов связана с наблюдением за внешними изменениями, происходящими с беременной женщиной. Так, например, если у женщины много пигментных пятен (особенно на лице), то родится девочка, если же пятен нет – мальчик. Двойню определяют по объему живота⁶⁰. Кроме того, большое значение имеют пищевые предпочтения беременной. В с. Низовое Муромцевского района, например, в 1960-1980-х гг. существовала такая примета: если женщина «на сносях» не ест свиного мяса, а ест вареную картошку, то родится мальчик⁶¹. В д. Дурново того же района считалось, что если беременная хочет рыбы, то будет мальчик, а если яблок – девочка⁶². Очень показательна и форма живота: если он круглый, то родится девочка, если «выпуклый, или горшочком» – мальчик⁶³. Эти методы диагностики были знакомы практически каждой женщине.

Однако существовали и диагностические приемы, которыми владели лишь специалисты в этой сфере («повитухи», «повилухи» и т.п.), приобретавшие свои знания и умения во время многочисленных родов. Например, именно они на поздних сроках беременности определяли, правильно ли лежит ребенок, не возникнут ли осложнения при родах⁶⁴.

В источниках встречаются упоминания о случаях иррациональных способов диагностики болезней, связанных с наличием индивидуальных способностей у врачавателя, либо с трактовкой каких-либо примет, имеющих мифические корни. «Была одна бабушка, когда к ней идешь, нельзя было ничего думать, она все мысли угадывала. Придешь, она говорит: “Знаю, знаю, чем болеет”. И бежит, воды принесет и лечит»⁶⁵. В Полтавском районе Омской области у одной женщины «ребенок чах и мучался поносом, т.е. у него были «сухоты». Врачи ничем не могли помочь. Пошли к бабке. Та сказала: «Надо принести муки, черемухи, чтобы сделать вареники. Если сварить вареники и все будут плавать, то ребенок будет жить, а если потонут, то помрэ. Варить вареники нужно было тогда, когда коровы (стадо) будут идти с поля»⁶⁶.

К числу диагностических мероприятий следует отнести и ряд иррациональных мероприятий, проводившихся русскими некоторых районов Омского Прииртышья с тем, чтобы определить состояние здоровья в последующие периоды. Так, например, в с. Междуречье Тарского района Омской области в 1960–1980-х гг. жила «верующая бабка», которая ходила под Новый год вокруг кладбища, чтобы узнать, как она будет жить. Если не будет никакого шума, то в следующем году она болеть не будет, а если слышны шумы и шорохи, то весь год болеть⁶⁷. В с. Бергамак Муромцевского района Омской области в четверг перед Троицей (Семик) «завивали» венки на березах, а на Троицу (в воскресенье) шли смотреть на этот венок. Если он оставался зеленым – будешь здоров, а если засох – это к смерти⁶⁸.

При определении заболеваний местными жителями не обходилось без курьезов. В с. Могильно-Посельское Большереченского района Омской области один из информаторов, работавший ветеринаром, выдвинул такую версию выявления импотенции: «Если мужик долго не женится, то явно, что импотент. Такое с мужиками могло случиться или с работы, от надрыва, от тяжелой работы, или если парень до 30 лет девку не трогал, то произошло залегание»⁶⁹. Иногда импотенцию называли «нестоячкой» и считали, что она могла появиться, потому что кто-то «наслал порчу»⁷⁰.

Таким образом, сфера диагностики была тесно связана с представлениями об этиологии заболеваний, которые в большинстве своем укладывались в общеславянскую традицию. В целом же у русских изучаемого региона диагностика была недостаточно система-

тизирована, отличалась некоторой асимметрией (эту особенность можно считать общесибирской и даже общерусской), что доказывает путаница в названиях болезней. Кроме того, в полевых источниках практически нет сведений по таким отраслям медицины, как венерология и кардиология.

Определенной ясностью отличалось лишь выявление заболеваний, характеризующихся внешними изменениями (множество точек соприкосновения с научными знаниями). Это связано с тем, что оно основано на наблюдениях и эмпирическом опыте. Диагностика же заболеваний внутренних органов была весьма противоречива, что можно объяснить отсутствием обширных знаний о человеческой анатомии и физиологии.

Необходимо отметить, что в области диагностики у русских Омского Прииртышья существовали приемы, доступные широкому слою населения, а также те, которыми владели лишь специалисты в некоторых сферах – «повитухи», «костоправы» и т.п.

Представления об этиологии заболеваний можно разделить на 2 группы: 1) связанные с накопленным рациональным опытом и объясняющие происхождение недугов очевидными причинами; 2) объясняющие возникновение болезни воздействием неблагоприятных внешних факторов, имеющих иррациональную природу (различных духов, как правило, в женском обличье, «дурного глаза», влияния колдунов и т.п.).

В целом же диагностика и представления об этиологии заболеваний оказывали и оказывают большое влияние на лечебную сферу народно-медицинских знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *О сибирской язве и способах ее лечения* // ЖМВД. – СПб., 1830. – Ч. II, к. 1. – С. 127–145; кн. 2. – С. 104–138; ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 303. – Л. 25–31 об.; д. 304, т. 2. – Л. 311–313 об.

² ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 303. – Л. 30.

³ *О сибирской язве...*; ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 303. – Л. 23–23 об., 25–31 об.; д. 304, т. 2. – Л. 311–313 об.

⁴ *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 153–154.

⁵ *Краткие замечания о чуме, составленные Медицинским Советом Министерства внутренних дел* // ЖМВД. – СПб., 1829. – Ч. I, кн. 1. – С. 159–184; ГАОО. – Ф. 2, оп. 1. – Д. 304, т. 1. – Л. 154–157.

⁶ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки нашей народной медицины // Зап. Моск. археолог. ин-та. – М., 1911. – Т. XI. – С. 39–41.

⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 69–70.

⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-3. – Л. 22.

⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 83.

¹⁰ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Си-

бирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. – 1915. – Вып. IV. – С. 330.

¹¹ *Демич В.Ф.* Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа: (Очерки народной медицины) // ВОГСПМ. – 1894. – Т. XXII, кн. III. – Отд. «Практическая медицина». – С. 138–148.

¹² *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Лихорадка, ее происхождение, причины и способы лечения по народным воззрениям. – Казань: Типолиитография Имп. ун-та, 1907. – С. 19–27; *Громыко М.М.* Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII – XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 92–96; *Демич В.Ф.* Лихорадочные заболевания...; *Ляцкий Е.* К вопросу о заговорах от трясавиц // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 121–136; *Островская Л.В.* Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века // Из истории семьи и быта... – С. 138; *Отреченное* чтение в России XVII – XVIII веков. – М., 2002. – С. 154–155, 336–337; *Польские* заговоры (в записях 1970–1990 гг.). – М., 2003. – С. 294–304.

¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 13.

¹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 110-2. – Л. 103; п. 153-6. – Л. 49.

¹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-6. – Л. 94.

¹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34-35; п. 94-3. – Л. 142.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 138. – Л. 38.

¹⁸ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки... – С. 44.

¹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 15-1. – Л. 9; п. 94-3. – Л. 142.

²⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 53; п. 163-7. – Л. 84, 85–86.

²¹ ПМА. – 2005 г. – П.о. 2.

²² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 1-23. – Л. 86; п. 163-7. – Л. 84.

²³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 102-2. – Л. 60.

²⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 79, 91; п. 61-1. – Л. 52–54.

²⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 13.

²⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 63–67.

²⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 26.

²⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 68–69.

²⁹ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 352.

³⁰ *Мазалова Н.Е.* Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север: (К проблеме локальных групп). – СПб., 1995. – С. 64–66 и др.

³¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 1-23. – Л. 14.

³² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 21.

³³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-3. – Л. 4.

³⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 8.

³⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 17.

³⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-6. – Л. 81.

³⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 89.

³⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 8.

³⁹ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки... – С. 16.

⁴⁰ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 329–330; *О мерах* к прекращению дифтерита // ТЕВ. – 1885. – № 20. – Отд. неофиц. – С. 461–468.

⁴¹ *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий: (Человек в традиционных соматических представлениях русских). – СПб., 2001. – С. 12.

⁴² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-7. – Л. 35.

⁴³ *Богоявленский Н.А.* Медицина у первоселов русского Севера: (Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XI–XVII вв.) – Л., 1966. – 160 с.; *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 325–432; *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки... – С. 1–168; *Демич В.Ф.* Легенды и поверья в русской народной медицине // ВОГСПМ. – 1899. – № 10. – 1899. – 60 с. – Отд. оттиск; *Демич В.Ф.* Лихорадочные заболевания... – Т. XXII, кн. III. – С. 133–169; Т. XXIII, кн. I. – С. 1–29; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – 23 с. – Отд. оттиск; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – 50 с. – Отд. оттиск; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // ВОГСПМ. – 1911. – № 11, 12. – 81 с. – Отд. оттиск; *Демич В.Ф.* Педиатрия у русского народа // ВОГСПМ. – 1891. – Отд. II: Общественная гигиена. – Т. XI, кн. II. – С. 125–135; Т. XI, кн. III. – С. 187–212; Т. XII, кн. II. – С. 111–123; Т. XII, кн. III. – С. 169–186; *Демич В.Ф.* Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. – СПб., 1901. – 60 с. – Отд. оттиск; *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий...; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 10–276 и др.

⁴⁴ *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий... – С. 55–58; МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 144.

⁴⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 14–15; п. 93-2. – Л. 71–75, 82; п. 163-3. – Л. 3; п. 163-7. – Л. 82, 84.

⁴⁶ Об этом много писали Г.С. Виноградов, В.Ф. Демич, Л.А. Уткин и др.

⁴⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 119.

⁴⁸ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 341.

⁴⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-6. – Л. 78.

⁵⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 85.

⁵¹ ПМА. – 2005 г. – П.о. 2.

⁵² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 94.

⁵³ *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 12–15.

⁵⁴ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки... – С. 25–26.

⁵⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 85; ПМА. – 2005 г. – П.о. 2.

⁵⁶ *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 159–160.

⁵⁷ *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 8–12.

⁵⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 31.

⁵⁹ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 349–350; МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-6. – Л. 89.

⁶⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 60; п. 93-2. – Л. 42; п. 112-1. – Л. 77–79.

⁶¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 80–81.

⁶² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 43.

⁶³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 61; п. 93-2. – Л. 41; п. 112-1. – Л. 77–79.

⁶⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 15-1. – Л. 8.

⁶⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 19.

⁶⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 80.

⁶⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-4. – Л. 74.

⁶⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-4. – Л. 6.

⁶⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 110-2. – Л. 91–92.

⁷⁰ ПМА. – 2005 г. – П.о. 2.

Глава 4 СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Под способами лечения, как правило, подразумевается определенная врачебная техника, набор приемов, обусловленных представлениями об этиологии заболеваний и влияющих на выбор лечебных средств. Исходя из природы данных приемов, все способы лечения, применяемые русскими Омского Приирьшья в конце XIX – XX в., условно можно разделить на рациональные и иррациональные.

Среди иррациональных способов важное место занимало лечение испуга. Испуг чаще всего снимали «выливанием на воск». В источниках зафиксировано несколько вариантов данной процедуры.

В Знаменском районе испуг лечили следующим образом. Испуганного человека (ребенка) сажали под «матку» (балку, поддерживающую потолок), обычно возле печки. Чистый пчелиный воск растапливали и выливали над головой больного в ковш с водой. При этом читали особую молитву. Считалось, что фигурка, получившаяся из застывшего в воде воска, показывает, чего испугался больной. Оставшейся после процедуры водой умывались, а затем ее пили. Лечиться нужно было 2 раза в день: утром – до того, как солнце встанет; вечером – после захода солнца. Лечение продолжалось 3 дня¹.

В Полтавском районе подобные действия проводили на пороге. Ребенка сажали на порог и говорили над его головой следующие слова: «Испуг-переполох, выйди на порог. У раба Божьего (имярек) не быть, желтых костей не сушить, красной крови не пить. Иди в город Вертепа, там мертвое тело, волосы рви, кости ломай. Дам тебе напитки, дам тебе наездки. Из раба Божьего (имярек) выйди, отныне и навек. Аминь!». При этом необходимо было растопленный воск постепенно вылить в чашку с холодной водой, которую держали над головой больного. Так выливали 3 «зори»: утром, в обед и вечером. Поили этой водой больного 3 раза. Если ребенок сильно болел, то процедуру надо было проделать 9 раз². Подобный способ лечения имел широкое распространение практически у всех групп славянского населения России и в ряде мест получил название *переполога*. Подобное название, вероятно, было связано с тем, что испуг в некоторых случаях именовали *переполохом*³. В Тарском районе в

среде белорусов испуг тоже лечили «выливанием», но вместо воска использовали сырое куриное яйцо⁴.

Иногда от испуга лечили наговором на воду. Специальные молитвы, которые при этом читали, зафиксированы в источниках. Например, в Полтавском районе Омской области на воду наговаривали следующую молитву-заговор: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь! Встану я, раба (имярек врачевателя), помолюсь у дверей, в ворота, на восточную сторону, на океан-море. Там стоит церква, в церкви – стол, за столом сидит Пресвятая Матушка-Богородица. Подойду я к ней поближе, поклонюсь пониже. Пресвятая Матушка-Богородица, заступница наша, уйми, утоли раба Божьего (имярек больного) от колоти, от боли, от глаза, от бабы-крутоголовки, от девки простоволосой. Разойдитесь, колоти, боли, глаз, в чистое поле, в широкое раздолье, в дремучий лес. Встаньте все косточки-суставчики на местечко так, как мать родила»*. Эти слова необходимо было повторить 3 раза, затем 3 раза подуть и повторить эту процедуру еще 8 раз. Такой водой больного поили и протирали его тело⁵. Иногда вместо воды использовали масло или вазелин, на которые также наговаривали молитву, а затем ими натирались⁶. Здесь из процедуры «выливания» убирался такой компонент, как воск. Вполне вероятно, что использование воска рассматривалось как диагностический, а не лечебный способ. Очень похожей была процедура лечения испуга (*озепа*), при которой, помимо наговоров, в воду бросали угли⁷. Во всех перечисленных способах избавления от испуга важную роль играла вода.

В Тарском районе Омской области у русских и белорусов зафиксирован еще один, очень своеобразный способ лечения испуга. Чаще всего для этого использовали льняную (суровую) нитку. Этой ниточкой у детей мерили каждый суставчик, завязывая на узелок, отмечавший его длину. Затем нитку с узелками сматывали над головой ребенка, приговаривая: *«Испуг, испуг, выйди из рук, из ног, из пальчиков, из суставчиков, из животика, из пупка, из головы. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!»*. После этого нитку бросали в печку⁸. Подобным же образом лечили испуг у взрослых в д. Дубровка Маслянинского района Новосибирской области. Однако в заговоре испуг именовался «страхами-переполохами»⁹. Вероятно, на распространение данного способа лечения большое влияние оказали особенности хозяйства. Зафиксирован он у тех групп населения, хозяйственная деятельность которых традиционно была связана с выращиванием и обработкой льна.

В соседних регионах лечение испуга тоже осуществлялось с помощью иррациональных приемов. Например, одна из врачевательниц

с. Архангельского Северо-Казахстанской области во время детских приступов, особенно если они сопровождаются судорогами, накрывала ребенка куском от венчальной шали своей покойной матери, якобы наделенным целительной силой. Аналогичный способ применяла и ее сестра, жившая в г. Петропавловске. Некоторые жителей с. Архангельского таким же образом использовали мешок из-под муки, которым накрывали ребенка во время приступа на 1–2 минуты¹⁰. Вообще же накидывание какого-либо полотна было распространенным приемом при лечении так называемого «родимца» или «младенческой» болезни, сопровождавшихся припадками у ребенка. Этот способ использовали как русские, так и малороссы¹¹.

Большой иррациональностью отличалось лечение сглаза (*озепа, урока*). Как правило, его лечили при помощи специальных заговоров. При этом часто заговоры называли молитвами, а способ лечения характеризовали следующим образом – «божественным лечат». В ряде мест вместо заговоров использовали своеобразные приговоры (наговоры), которые, как правило, выполняли «на воду». Иногда процедуру усложняли, добавляя в воду соль. Так делали, например, в Полтавском районе Омской области. Если ребенка сглазили, то говорили, что его «кизурочили», и несли к знахарке. Она наливала воду в кружку, бросала в нее немного соли, а затем ставила эту кружку под скобу двери. Потом брала ложку, зачерпывала ей воду из кружки, лила эту воду на скобу, приговаривая: *«Как со скобки вода, так с рабы (имярек) урок»*. Повторялось это 3 раза. Затем этой водой она брызгала на ребенка 3 раза: на руки, ноги, тело. Остаток воды выливали наотмашь под дверную пятку¹².

Наряду с солью могли использовать хлеб или угли. В Муромцевском районе зафиксирована следующая процедура лечения сглаза. Перед «порченным» ставили булку хлеба и посуду с водой. Отщипывая 3 раза от хлеба, приговаривали над водой: *«От серого глаза, от черного глаза, от всякого глаза»*. Затем эту воду необходимо было выпить и чуть-чуть сбрызнуть ею лицо больного¹³.

Русские в соседних регионах для лечения сглаза (*урока*) применяли в основном заговоры, в которых часто перечислялись названия сглаза – «страх», «переполох», «урок», «призор», «ветряная зевница» (отсюда «озевать»), «родимец» (обычно обозначал внезапные припадки, особенно у детей) и «щепотица». При этом тоже использовали такие способы лечения испуга, как «выливание на воск» или наговор на воду с угольками¹⁴.

Анализ бытовавших заговоров выявил существование возрастной градации для больных: детей до 12 лет называли «младенцами», а старше – «рабами». Однако эти возрастные границы были весьма

условны и подвижны. Так, при лечении ожогов «младенец» – это ребенок до 8 лет, «отрок» – 8–16 лет, «раб Божий» или «раба Божья» – старше 16 лет¹⁵.

Наговоры использовали и при лечении такого своеобразного заболевания, как *куриная крикса*. В Полтавском районе Омской области для избавления от нее ребенка несли под насест, «к куриям», где врачеватель говорил: «*Кури, петухи, заберите криксу с собой. Кричите вы, а криксу заберите с собой*»¹⁶. Если ребенок «исходил криком», то иногда считали, что его сглазили. Для снятия такого сглаза использовали заговор, в котором тоже упоминались куры и петухи: «*Утренняя заря – Марья, вечерняя – Прасковья, полночная – Акулина. Вы, зарницы, 3 сестрицы, возьмите с (имярек) рев ревучий, крик крикучий, денной, полуденный, утренний, вечерний. Возьмите, понесите за темные леса, за крутые горы, за желтые пески. Летите, ревите за младенца (имярек) куры и петы (петухи). Аминь!*»¹⁷.

По симптомам очень схож с «куриной криксой» такой младенческий недуг, как *крик*. Для его лечения необходимо было выйти к воротам и «в ворота сделать скрип», проговорив при этом: «*Ты в воротах скрипи, а у младенца крик возьми*». Существовал и другой прием: нужно было взять все имеющиеся в доме ложки, вилки и ножи, обмыть их в воде, а затем этой водой умыть младенца¹⁸.

При данных способах лечения важным считалось время проведения лечебных сеансов. Как видно из источников, процедуры проводились чаще всего рано утром (существовало 2 трактовки этого временного отрезка – в одних местностях утром считалось время перед восходом солнца, а в других – до полудня) и поздно вечером (после захода солнца).

Таким образом, при лечении сглаза (*озепа, урока*), испуга, «порчи» и «куриной криксы» (*крика*) большую роль играла вода как очищающая субстанция. В приведенных способах избавления от недуга можно выделить две процедуры: умывание и сбрызгивание. При умывании с человека «смывалось» биологическое состояние и болезнь, понимаемая в качестве мифологического существа. Сбрызгивание же, по представлениям крестьян, могло излечить практически любой недуг¹⁹. Произнесение определенных словесных формул иногда дополняли другими приемами (например, выливанием). Заговоры или наговоры являлись неотъемлемой частью иррациональных способов лечения²⁰. Их использовали при врачевании многих болезней, в том числе и тех, которые объяснялись вполне рациональными причинами.

С помощью наговоров, например, вытаскивали занозу. Для этого произносили: «*Из моря – в море, из кремня – огонь. У раба (имя-*

рек) выйди заноза вон»²¹. Если ее не удавалось извлечь, то в кипящую воду 5 раз окунали палец с занозой, «чтобы не нарывало»²². В Новосибирской области для успешного лечения рекомендовали место, где была заноза, помазать смолой. После этого, якобы, заноза показывалась наружу, и ее можно было вытащить²³.

Наговоры помогали и при таком заболевании, как «скрип в руке». В Муромцевском районе записан такой наговор: «*Дверный скрип, возьми (имярек, например, Мариин) скрип, дай не скрип*». Во время его произнесения необходимо было прижать руку дверью²⁴. Аналогичный способ лечения «скрипа» зафиксирован у русских Тюменской области²⁵.

Заговоры являлись более сложной формой лечения. Часть из них нашли отражение в источниках, а некоторые утеряны. При помощи заговоров, например, лечили рахит. Для этого больного укладывали на лен и произносили над ним заговор (не записан)²⁶. Учитель одной из сельских школ Тобольской губернии А. Истомин описал и другие способы лечения рахита, который здесь называли *усьяном*. Представления об этой болезни очень схожи с воззрениями на лихорадку: лекари выделяли 12 «усьянов», каждый из которых лечили по-разному. В беседе с одной из врачевательниц А. Истомин записал 4 способа избавления от данного заболевания.

Один из них заключался в следующем: необходимо было в течение нескольких дней подряд, «когда укиснет квашня», 3 раза ткнуть голым локтем правой руки в получившееся тесто и в образовавшиеся ямки налить воды. Этой водой поили больного.

Другой способ подразумевал использование «квашенника» (тупого ножа, которым «стряпки» скоблили тесто «от квашни»). Лезвием и черенком этого ножа надо было трижды в день «легонько тыкать вокруг живота больного»²⁷. Похожий способ описал Г.С. Виноградов в работе, посвященной русским старожилкам Восточной Сибири. Применяли его при «колотье в груди и в боках». Здесь тоже использовали «квашенник», который в данной местности называли «поскребком». Им обводили 3 раза вокруг того места, где чувствовалась боль, произнося: «*Как в квашне оскребается тесто, так и у тебя (имя больного) боли должны отскрестись*»²⁸. Это служит наглядной иллюстрацией того, как, не смотря на различия в названии заболеваний, крестьяне отмечали их сущность и для лечения болезней со схожими симптомами применяли похожие приемы. Иногда вместо «квашенника» при лечении «усьяна» использовали «банник» (деревянную кочергу от печи в бане).

От «усьяна» лечили и при помощи «наземной жижи», которую следовало один день пить, а другой день – натирать ею живот. Все упо-

мянутые нами процедуры необходимо было проводить до тех пор, пока больному не станет легче²⁹.

Использовались заговоры и при лечении зубной боли. Они были весьма разнообразны. Важное место в них отводилось обращениям к сюжетам, связанным с миром мертвых и с месяцем. Практически во всех заговорах для лечения зубной боли упоминалось, что у мертвых или у месяца зубы не болят. Процедура «заговаривания зубов» почти везде проводилась с учетом фаз Луны. Чаще всего лечебные действия осуществлялись «на молодой месяц»³⁰. Кроме того, для избавления от зубной боли применяли различные растения, в основном с высоким содержанием эфирных масел или обладающие легким наркотическим действием – белену (*Hyoscyamus niger* L.), кошачью лапку (*Antennaria dioica* L.), «дидлю». Их, как правило, подвергали термическому воздействию (поджигали), но т.к. они были несколько ядовиты, дым не вдыхали. Из неядовитых растений делали своеобразные «сигареты», которые курили для того, чтобы боль утихла³¹. Очень часто заговоры сопровождалась магическими действиями, которые и определяли название того или иного лечебного приема.

Такое заболевание, как «волос», в силу существовавших в среде русского населения Омского Прииртышья воззрений, чаще всего лечили «выливанием». Эта процедура имела несколько вариантов. Один из них вспомнила жительница д. Слобода Знаменского района Омской области В.К. Семенова (см. Приложение 1). «Моя бабушка (мать отца) лечила волос (заболевание ног). Для этого она брала 9 колосков, которые собирала тогда, когда молотили рожь. Во время лечения колоски она держала в одной руке, а в это время поливала ноги теплой водой перед тазом и читала молитву. Лечиться нужно было ходить 6 раз на закате солнца. При этом и тот, кто лечил, и больной обязательно должны были быть крещеными в церкви. Погруженным лечение не помогало, да и сами они лечить не могли»³². Похожий способ с использованием ржаных колосков бытует до сих пор у белорусов в Тарском районе Омской области³³. В XIX в. он был зафиксирован одним из исследователей у украинцев юго-западной России.

Второй вариант был немного сложнее. Нужно было в Чистый четверг приготовить золу (выгрести ее из печки до зари, просеять и ссыпать в мешочек), а потом из нее сделать «щелок». Во время лечения этот «щелок» сливали на «белый полынок» (местное название растения) или на зеленый березовый веник. При этом в первый раз брали 3–4 пучка по 3–4 веточки растения, во второй раз – 9 пучков. Затем все повторяли, но начинали с трех пучков, потом брали 6, а в конце – 9. Во время «выливания» произносили следующий заговор: «*Во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Встает раба Божья из дверей в двери, из*

ворот в ворота, перекрестясь, в чистом поле помолясь. В подвосточной стороне стоит соборная церковь. В этой церкви – свято злат престол. На престоле – Божья Матушка. Батюшка, истинный Христос, спаси, сохрани, помилуй раба Божьего (имярек), его живое тело, правую (или левую) руку, большой (средний, указательный, безымянный, мизинец) палец. От всяких скорбей, болезней, от волосу, змеевицы, едучих, ломучих, жгучих волос. Живой волос, мертвый – от 10 до 9, от 9 до 8, от 8 до 7, от 7 до 6, от 6 до 5, от 5 до 4, от 4 до 3, от 3 до 2, от 2 до 1, от 1 до 0. Чтобы не было у раба Божьего (имярек) в живом теле ни одного волоса в пальце, ни лошадиного, ни овечьего, ни собачьего, ни человеческого. Чтобы его тело и кости не изъедал, кровь не вытивал у раба Божьего (имярек). Чтобы от нашей молитвы рабу Божьему (имярек) покою давал. Не я раба Божья выговариваю, не я раба Божья останавливаю, останавливает и выговаривает скорбящая Божья Матушка, Михаил-архангел, батюшка, небесными силами грозными выводами вынимал в грязь-тину, забивает под дубовый корень, закладывает, там и преть, отныне до веки. Аминь! Аминь! Аминь! Пошли, Господь Бог, доброго здоровья, крепкого сна, счастья, доли и весь век рабу Божьему (имярек). Аминь! Аминь! Аминь!»³⁴. Обязательным условием являлось то, что, выливая «волос», его никому нельзя показывать, чтобы «не сурочили». Данный вариант был, видимо, перенесен из Европейской России³⁵.

В Новосибирской области «волос» лечили также и при помощи рациональных приемов и средств, например, прикладывали листья белены или траву лебеды. По словам информаторов, эти средства «были проверены на опыте и хорошо помогали»³⁶.

Необходимо отметить, что использование «щелока» и ванн зафиксировано исследователями в основном у русского населения, тогда как применение ржаных колосков отмечено у украинцев юго-западной России³⁷.

Для лечения грыжи всех видов до сих пор используется такой прием, как «загрызание». Данная процедура достаточно вариативна, но в основном она включала непосредственно действие «загрызания» (т.е. когда кожу вокруг пупка как бы грызли), сопровождавшегося заговором. Таких заговоров существовало довольно много. Самый простой из них был следующим: «*Бабка, бабка, чё грызешь? – Грыжу, грыжу загрызаю. Спокон веку никогда не повторись!*». Эти слова повторяли 6 раз. Затем нужно было 3 раза плюнуть в правую сторону. Информаторы говорят, что «когда грыжу грызешь – она урчит». После двух раз «загрызания» у ребенка мог появиться понос «зелеными шмотками», от которого не нужно было принимать таблетки. Лече-

ние включало 6 сеансов, проводившихся утром («до солнца») и вечером («пока солнце не встанет»). Если болезнь была запущенной, процедуру повторяли 12 раз. По имеющимся сведениям, подобное лечение было весьма эффективным, т.к. в течение месяца грыжа переставала расти, а за 2 месяца проходила вообще³⁸.

Встречаются и более сложные формулы заговоров, с перечислением видов грыжи, например: «*Я грызу грыжу родовую, паховую, костяную, жиличную, кровяную, пупную и подпупную, мудную и подмудную, чтоб у раба Божьего (имярек) отныне и вовеки веков не было. Аминь!*». При этом в запущенных случаях тоже требовалось провести 12 сеансов, тогда как грыжу в начальной стадии лечили за 3–4 сеанса³⁹.

Иногда грыжу олицетворяли с девицей, тогда при «загрызании» произносили следующий заговор: «*Что кусаешь? – Грыжу, грыжу, закусываю. Грыжа–грыженица, красная девица, тут тебе не место. Тебе место на лесине, на осине, на проклятой осине. Вовеки веков. Аминь!*»⁴⁰.

В Европейской части России в конце XIX – первой половине XX в. помимо «загрызания» был распространен и другой лечебный прием, направленный на избавление человека от поселившегося в нем духа болезни. Для этого больного везли в ближайший лес. Там раскалывали дубок и вбивали в образовавшееся отверстие клинья. Затем больного 3 раза протаскивали сквозь данное отверстие. После этого с него снимали рубашку, вешали ее на дерево и уходили. Такая рубашка считалась «нечистой», поэтому трогать ее руками или снимать с дерева запрещалось⁴¹.

Схожий прием бытовал в ряде районов Сибири. Здесь после протаскивания больного сквозь отверстие дерево связывали. Если оно в дальнейшем начинало срастаться, то это считалось гарантией скорейшего выздоровления⁴². Описанный способ лечения назывался «пропусканием сквозь дубок».

Похожий способ лечения зафиксирован и И.П. Сахаровым, но применялся он для лечения детской «чахлости» и «сухотки», получивших в селах название *стеня*⁴³. Однако второй частью данной процедуры было купание в воде, собранной из девяти рек или колодцев. Здесь прослеживается сходство с лечением испуга, сглаза и лихорадки.

Одна из жительниц с. Цингалы Ханты-Мансийского автономного округа А.И. Бобылева (см. Приложение 1) рассказала еще об одном способе избавления от грыжи малолетних детей. Нужно было взять льняную нитку и закрутить ее в обратную сторону. Затем необходимо было проковырять в дверном косяке дырочку, положить туда эту нитку и забить дырку осиновой палочкой. Длина нитки измерялась

следующим образом: у мальчиков – от мошонки до пяток, у девочек – от пупка до пяток. По словам информатора, при этом не надо было ничего шептать⁴⁴.

У малоросов Полтавской губернии, по сведениям Г. Коваленко, данный способ лечения носил название «завирчевания» и использовался при лечении «переполюха», основным симптомом которого были боли в животе. Процедура его совершения была немного сложнее, чем зафиксированная в полевых источниках⁴⁵. Упомянутый прием очень похож на метод лечения «ломотных» заболеваний и бородавок. Важную роль в нем играло употребление льна и осины.

Среди русских Тюменской области был зафиксирован весьма своеобразный способ лечения пупочной грыжи в зимнее время. Необходимо было выдолбить прорубь на реке, вытащить из проруби жука, затем посадить этого жука на грыжу ребенку. Считалось, что если жук укусит больное место, а потом сам отпадет, то грыжа пройдет. Однако бытовали здесь и традиционные способы врачевания недугов⁴⁶.

При лечении большинства наружных заболеваний использовались как рациональные, так и иррациональные приемы. От чирьев, например, избавлял заговор. Его «наговаривали» на листики березового веника, которые потом прикладывали к чирьям. Другой способ лечения заключался в следующем: брали шкурку зайца, намыливали ее внутреннюю сторону и прикладывали к чирью. Через некоторое время нарыв должен был «прорваться». Кроме того, считалось, что от чирьев очень хорошо помогает печеный лук (*Allium sera L.*), который обмазывали хозяйственным мылом и прикладывали к нарыву⁴⁷. Основная цель этих приемов – добиться «прорывания» чирья.

Лечение лишая тоже сочетало в себе рациональные и иррациональные приемы. Самым распространенным способом было использование растительных соков (например, калинового⁴⁸). Казаки Северо-Казахстанской области применяли для этой цели сок молочая (*Euphorbia maculate L.*)⁴⁹. Однако считалось, что от лишая помогает и «заговор на сучок». Вот что рассказала жительница с. Междуречье Тарского района Омской области: «Бабушка выбирала полено с сучками, потом водила ножом (любым) по сучку, после этого водила этим же ножом по телу, читая при этом молитву. Процедура повторялась 3 раза подряд. В целом же лечение длилось 3 дня»⁵⁰.

Ожоги лечили специальной молитвой, которую наговаривали на воск. Потом этот воск помещали на холщовую тряпку, которую накладывали на ожог⁵¹. В Тюменской области для лечения ожогов применяли следующий заговор: «*Бежала лиска из лесу. Не боялась лиска ни жару, ни пару, ни огня, ни пламя. А боялась лиска только Божьего слова. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа вовеки веков.*

Аминь! Аминь! Аминь!». При чтении заговора границы обожженного места нужно было обводить пальцами и крестить (пальцы должны быть сложены как при крестном знамении)⁵².

Но чаще всего для лечения ожогов использовали всевозможные животные масла (в основном гусиное сало, которое в степных районах иногда заменяли жиром сурка). Их накладывали на обожженное место⁵³. Иногда применяли некое подобие мази, основой которой служило растительное масло. Так, например, казаки Северо-Казахстанской области использовали для лечения ожогов смесь растительного масла и козьего или овечьего помета (иногда помет пережигали). Такую же смесь, по сведениям А.И. Фоминой (см. Приложение 1), применяли русские д. Ионино Усть-Ишимского района Омской области и п. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа⁵⁴.

Однако если причина заболевания была не совсем ясна, то от него избавлялись в основном при помощи иррациональных способов. Бородавки (шипицы), например, лечили следующим образом: брали нитку, завязывали на ней узелки и клали под «пятку» двери в сырое место. Иногда нитку с узелками (по количеству бородавок) закапывали в землю. Считалось, что бородавка исчезнет, когда сгниет нитка⁵⁵. Существовал и другой способ избавления от бородавок. Для этого необходимо было на Пасху помазать бородавку пшеничной кутьей, затем выкинуть эту кутью под стол, чтобы ее съела собака или кошка⁵⁶.

Жительница п. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа А.И. Фомина рассказала еще об одном способе, который испытала на себе: «Я пришла к одной женщине – Катерине, которая умела сводить бородавки (прийти нужно было обязательно рано утром, пока она не начала топить печь). Она взяла мочалку, протерла этой мочалкой мне руку, на которой были бородавки, и бросила потом эту мочалку в только что затопленную печь. Как только мочалка сгорела, бородавки тут же и сошли»⁵⁷.

Казаки Северо-Казахстанской области считали: чтобы «свести» бородавку, нужно на улице найти «головешку» (кусок обуглившегося дерева) или голик (веник из прутьев) и потереть ей (или им) бородавку, прочитав наговор (к сожалению, не записан). Считалось, что после проведения данной процедуры бородавка исчезнет⁵⁸. Здесь же зафиксирован и рациональный способ избавления от бородавок. Для этого надо было часто смазывать бородавки крепким настоем полыни (*Artemisia absinthium* L.), либо прикладывать к ним свеженатертые антоновские яблоки.

Иногда для уничтожения бородавок использовали уксусную эссенцию и хлеб. Немного размоченный хлеб пережевывали, после чего из него делали плотный шарик. Этот шарик осторожно обмакивали в

уксусную эссенцию и прикладывали к бородавке на очень короткий промежуток времени. Называлось это «выжечь бородавки»⁵⁹. Способ был очень болезненным, поэтому более популярными оставались иррациональные приемы. Основной принцип иррациональных способов лечения бородавок – избавление от болезни путем ее перенесения на какой-либо предмет. Для этого необходимо было провести определенные процедуры, а затем дождаться, пока этот предмет исчезнет (обязательно без участия больного).

Перенесение заболевания на какой-либо предмет было положено и в основу лечения желтухи русским населением с. Цингалы Ханты-Мансийского автономного округа. Одна из знаменитых врачевательниц этой местности А.Ф. Редикульцева, по словам ее дочери Т.И. Фалькович (см. Приложение 1), лечила желтуху при помощи щуки. Сначала больного отправляли на рыбалку, где он обязательно должен был поймать щуку и принести ее живой к врачевателю. Агриппина Филипповна складывала щуку в ванну и что-то над ней шептала. Затем больного заставляли смотреть на эту рыбу, не отрываясь, пока щука не издохнет. Считалось, что болезнь переходит на рыбу, а с ее смертью исчезает. Этому приему А.Ф. Редикульцева научилась у врачевательниц г. Тобольска. Аналогичный способ зафиксирован исследователями в других районах Сибири и России⁶⁰.

«Рожу» лечили следующим образом: к больному месту прикладывали сливочное масло (обязательно на красной тряпке). При этом читали особый заговор (не записан). Такой же способ лечения применяли и в п. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа⁶¹. В Новосибирской области вместо красной тряпки использовали тряпку кухонную⁶². В Европейской части России среди русского населения существовало убеждение, что «рожу» нельзя мочить, поэтому во время лечения больных не мыли⁶³.

У русских старожилов Восточной Сибири для лечения «рожи» использовали красное сукно и мел. Особо отмечалось, что все процедуры должны проходить «без единой капли воды». Мелко крошенный мел насыпали на сукно, которое прикладывали к воспаленному месту, смазанному «деревянному маслом». Сукно предварительно нагревали и меняли по мере остывания. По сведениям Г.С. Виноградова, в ряде мест лекарки к маслу прибавляли мыло в виде мелких стружек⁶⁴. Не смотря на существование нескольких вариантов лечения, общим условием для них являлось применение материи красного цвета.

Для лечения «ячменя» тоже использовали в основном иррациональные приемы. Его могли «заговорить» следующим образом: глаз закрывали, брали металлическую ложку, прикладывали ее ручкой крест-накрест к «ячменю», говоря при этом: «*Ячмень, ячмень – ку-*

киш. *Чего себе купишь? Купи себе топорок, руби себя поперек*. После этого надо было открыть глаз больного и поплевать в него⁶⁵. Иногда вместо ложки просто прикладывали безымянный палец правой руки⁶⁶. Широко был распространен усеченный вариант такой процедуры. «Ячменю» показывали «кукиш» и приговаривали: *«Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что надо, то и купишь»*. После этого сплевывали 3 раза через левое плечо⁶⁷. Иногда суровой ниткой перевязывали третий или четвертый палец на той руке, которая была противоположной тому месту, где появился «ячмень» (т.е. если «ячмень» был на левом глазу, то перевязывали правую руку, и наоборот)⁶⁸.

Для лечения змеиных укусов чаще всего использовали заговоры⁶⁹. Их произносили как до укуса змеи, так и после. В полевых источниках зафиксировано несколько таких заговоров. Например, в д. Вставское Тарского района Омской области после укуса читали следующий заговор: *«Стану я, бысловясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в подвосточную сторону. На море, на океане, на острове Буяне стоит куст кудели. В этой кудели лежит змея карастели. Пойду я к Петру-Павлу, возьму острую саблю, ссеку, высеку, достану змеин крови. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!»*⁷⁰.

В д. Дурново Муромцевского района Омской области, чтобы избежать змеиного укуса, перед походом в лес 3 раза произносили такой заговор: *«Чур, змея-полетуша, бойся крестьянского духа, яруанской воды, постной коляды»*⁷¹.

Иногда заговоры сочетали с нанесением на укушенные змеей места лекарственных средств, например, дегтя. В ряде мест деготь применяли для изготовления лечебного препарата, которым смазывали место укуса. Препарат этот состоял из дегтя, в котором была растворена змея. Лучшее средство, приготовленное из змеи того вида, представительница которого укусила человека. Похожий способ лечения зафиксирован И. Лепехиным в 1768–1769 гг. у мордвы⁷².

Если человека кусала бешеная собака, то пострадавшее место необходимо было посыпать пеплом от клочка ее шерсти⁷³. Сходство этого приема со способами лечения ожогов и укусов змеи, вероятно, может быть объяснено наличием поражения кожных покровов. При этом характер данных поражений был различным, что определяло специфику лечебных средств.

При ухудшении зрения в д. Секменево Большереченского района Омской области рекомендовалось насыпать 40 пшеничных зерен в стакан воды и опустить туда серебряную монету достоинством 10 или 15 копеек. Потом следовало произнести заговор и выпить воду.

Считалось, что зрение у человека после этого улучшается (якобы, прозревали даже почти слепые)⁷⁴.

Манипуляции с зернами проводили и при лечении лихорадки. В частности, в Муромцевском районе зафиксирован следующий способ. Нужно было взять осиновую палочку, сделанную из сердцевинки «годовой осинки». Затем 60 зерен проса смешивали с ногтями и волосами больного. Больной носил эту палочку сорок дней, потом знахарка снимала ее, и рано утром больной выкидывал ее через левое плечо на дорогу⁷⁵.

Как уже отмечалось, лихорадку представляли в женском облике, наделяли ее рядом человеческих качеств. Исходя из этого, использовали некоторые лечебные приемы. Например, больному показывали конскую голову, считая, что лихорадка испугается и уйдет⁷⁶. «Пугали» ее и тем, что больного внезапно обливали холодной водой. Считалось также, что лихорадка (малярия, «тетка») не любит сильных запахов, поэтому иногда тело больного обкладывали полынью, оставляя открытым только нос. Вероятно, в подобных иррациональных воззрениях отразились народные наблюдения за лечебным воздействием полыни горькой (*Artemisia absinthium* L.), т.к. очень часто употребляли ее отвар как внутреннее средство для лечения лихорадки⁷⁷.

Кроме того, от лихорадки «на яйцо лечили». Это выглядело так: над вареным яйцом произносили специальный заговор, потом яйцо заворачивали в тряпочку и уносили на «росстань» (перекресток). Там его бросали наотмашь через левое плечо и уходили, не оглядываясь, домой. Процедуру проделывали обычно вечером⁷⁸. В Северо-Казахстанской области лихорадку лечили очень похожим способом. Больной должен был рано утром или поздно вечером выйти на берег озера, повернуться к берегу лицом и медленно заходить в воду, делая вид, будто он от кого-то отмахивается, приговаривая 3 раза: *«Вас 77 – нате вам всем»*. После этого больной должен был молчком вернуться домой⁷⁹. Здесь обнаруживается четкая связь между способом лечения и олицетворением лихорадки с 77 сестрами.

В источниках не нашел отражения способ лечения лихорадки, широко распространенный в Европейской части России и называемый «продевание через хомут». Больного выводили во двор, надевали ему на шею хомут и обливали холодной водой. Эта процедура призвана была очистить больного от вселившегося в него недоброго духа⁸⁰.

Иногда большое влияние на лечебные приемы оказывали представления об этиологии заболеваний. Такая тесная связь, например, прослеживается при лечении «летучего огня». Важную роль здесь играла вера в силу огня. Нужно было прийти к реке, найти глазами на противоположном берегу горящий костер и, глядя на него, проговорить 3 раза: *«Огонь горючий, забери огонь летучий»*⁸¹. Если в дан-

ной местности реки не было, то врачеватель проговаривал эти слова возле горящей лучины. При этом он находился на противоположной стороне от больного, а лучина служила своеобразной границей. Затем надо было через лучину побрызгать водой на лицо больного⁸². Подобная процедура была распространена и у русского населения Тюменской области⁸³.

Очень похожий способ лечения под названием «прижигание огника» описан В.Ф. Демичем. Правда, выглядел он несколько иначе: над больным участком кожи высекали из кремня огонь, приговаривая: «*Огонь, огонь! Возьми свой огник!*»⁸⁴.

В силу распространенных представлений о существовании «дурной крови», вызывающей болезни, одним из методов лечения было кровопускание. Однако не все владели специальными навыками проведения данной процедуры. Нужно было правильно сделать надрез, четко знать, сколько крови выпустить и т.д. На больные места также ставили пиявок. Считалось, что они высасывают «дурную кровь» из больного места. Пиявок использовали при лечении всевозможных заболеваний: если болела спина – ставили на спину, если болели зубы – на десны, при повышенном давлении – по всему телу или прикладывали к голове, при шейном остеохондрозе – на шею⁸⁵.

Население при лечении активно использовало благотворное действие тепла. Так, в Знаменском районе, когда «опухали ноги», больного «садили на парь» с овса (*Avena sativa* L.) или крушины (*Cotoneaster nigra* Wahlb.). Для этого траву заливали кипятком, настаивали некоторое время, потом разбавляли холодной водой так, чтобы ноги могли терпеть. В эту воду опускали больные ноги и держали их там некоторое время⁸⁶. Получалась своеобразная ванна. Для ее приготовления в соседних регионах использовали также ветви хвойных деревьев. Например, в Новосибирской области применяли пихту (*Abies sibirica* Ledeb.)⁸⁷. Похожий прием использовали и в с. Реполово Ханты-Мансийского автономного округа. По воспоминаниям З.А. Зоркальцевой (см. Приложение 1), нужно было истопить русскую печь, подождать, пока пройдет жар, и положить туда пихтовые ветки. Затем перед печкой ставили столик или стул, садились на него так, чтобы ноги оказались в печке, на пихте. Ноги должны быть при этом прикрыты тряпкой. Сидеть необходимо было до тех пор, пока тело терпит⁸⁸.

Подобный способ очень схож с «сидением на киноваре», зафиксированным И. Лепехиным во второй половине XVIII в. у татар и русских⁸⁹. Это была своеобразная разновидность «сажания на пары». Использование растительных средств, скорее всего, было связано с тем, что применение киновари имело множество побочных эффектов, небезопасных для здоровья. Однако в XIX в., по сведениям Н.Ф.

Высоцкого, этот способ широко применяли русские в народно-медицинской практике при лечении сифилиса⁹⁰.

Русские Северо-Казахстанской области считали, что тепло оказывает положительное действие и при лечении зоба. Именно поэтому от зоба прикладывали бутылку с горячей водой, нагретые отруби или горячую соль, насыпанную в шерстяной чулок⁹¹.

Один из священников Тобольской епархии в качестве проверенного и действенного средства при желудочных коликах и вздутии живота рекомендовал тепловое воздействие. Он предлагал следующее: делать на живот теплые припарки из сенной трухи, отрубей или золы; ставить на область желудка «хреновики» (аналог горчичников); втирать в область желудка нашатырный спирт. Перед проведением этих процедур необходимо было очистить желудок с помощью какого-нибудь слабительного средства. Кроме того, специально оговаривалось, что во время лечения нельзя употреблять алкоголь. Подобные средства некоторые священнослужители рекомендовали использовать при поносах⁹².

Для лечения простудных заболеваний, основную причину которых видели в воздействии холода, тоже использовали тепло. Большую роль при этом играла баня. Рекомендовалось попариться в ней, а потом уже выполнять другие процедуры⁹³. Например, намазаться коровьим маслом или бараньим салом, а потом лечь в постель⁹⁴. В качестве своеобразного заменителя бани в д. Дурново Муромцевского района использовали интересный лечебный прием. В кадку накладывали солому и кирпичи. Все это заливали кипятком и давали немного постоять, чтобы остыло. Затем сажали в эту кадку больного, чем-нибудь его накрывали и парили⁹⁵. В с. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области зафиксирован похожий способ лечения, только проводился он на русской печи (вероятно, чтобы усилить лечебный эффект)⁹⁶.

Чтобы избавиться от насморка и прогреть дыхательные пути, делали ингаляции. Самая простая из них – посидеть над парами только что сваренного картофеля. При этом больного во время процедуры обязательно накрывали одеялом или покрывалом, чтобы тепло не уходило. Делать это советовали на ночь⁹⁷. Для усиления эффекта одновременно с ингаляцией парили ноги в горчице. Иногда сухую горчицу насыпали в носки и ходили так некоторое время. Горчицу применяли и в качестве самостоятельного лечебного средства.

Для избавления от кашля использовали различные теплые «мягчительные» и отхаркивающие средства. Способ их употребления был таков: приготовленное средство пили на ночь мелкими глотками или же через определенные промежутки времени в течение дня. Как правило, «мягчительные» средства состояли из молока, в которое добавляли всевозможные растения: чеснок (*Allium sativum* L.), анис (*Anisum*

vulgare Gaerth. (*Pimpinella anisum* L.)), морковь (*Daucus sativus* (Hoffm.) Roehl.), а также средства животного происхождения (чаще всего сливочное масло). Иногда употребляли отвары лекарственных трав, например, мать-и-мачехи (*Tussilago farfara* L.)⁹⁸.

К числу простудных заболеваний относили воспаление легких и туберкулез (чахотку). Для их лечения применяли в основном животное сало – баранье, медвежье, барсучье, лисье, песцовое. Его растапливали и пили в определенных дозах. При этом сало использовали как в чистом виде, так и в смеси с другими средствами – медом, алоэ (*Aloe arborescens* Mill.), молоком. Иногда сало применяли как наружное средство: им натирались на ночь и укутывались чем-нибудь теплым, делая своеобразный компресс⁹⁹.

Наносили лечебные средства на ночь и для того, чтобы избавиться от чесотки. Средство это, как правило, включало серу (иногда ее заменял порошок) и еще ряд компонентов – деготь, сметану, масло, куриный помет. После этого утром нужно было вымыться в бане¹⁰⁰. Сейчас деготь является основным компонентом лекарственных средств от чесотки.

Специализированный слой врачей – «костоправы», которые лечили вывихи, переломы и заболевания позвоночника. Иногда среди них были профессиональные врачи. В качестве примера можно привести деятельность врача Муромцевского района Таловского, который лечил боли в позвоночнике, подкладывая под спину шерстяной клубок и используя некоторые приемы массажа¹⁰¹.

Для лечения переломов применяли своеобразное подобие шины: поврежденное место заворачивали в бересту и стягивали веревкой. Береста служила особым перевязочным средством практически на всей территории Сибири на протяжении XIX – середины XX в.¹⁰²

Часто «костоправы» снимали последствия сотрясения мозга – «правили голову». Способ лечения органично вписывался в диагностические приемы, используемые при определении данного заболевания. В источниках зафиксированы приемы, позволяющие «править голову» самому себе. Для этого необходимо было взять в рот сито и, легонько постукивая по нему, поглаживать голову: сначала – от середины лба по направлению к вискам, а потом – от середины затылочной части головы по направлению к ушам. После этого нужно было туго стянуть голову полотенцем и лечь спать¹⁰³. Основная цель состояла в том, чтобы «ликвидировать смещение мозгов, поставив их на место, зафиксировав полотенцем».

Иногда грыжу и ряд других заболеваний внутренних органов объясняли «надсадой», тогда для их лечения применяли массажные приемы. Подобные действия осуществляли, как правило, «костоправы».

Процедуры были очень схожи с приемом «накидывания горшка», который использовали бабки-повитухи, когда «поправляли живот» роженице. К сожалению, четкая техника их исполнения не нашла отражения в имеющихся полевых источниках. Известно, что данный способ лечения состоял из массажных движений, которые осуществлялись по направлению «к пупу», и собственно из процедуры «накидывания» какого-либо сосуда. «Костоправы» при надсаде «накидывали» стакан или кринку, а бабки-повитухи – горшок. При этом иногда совершались и иррациональные действия – произносились определенные наговоры и заговоры (не записаны). Что касается места проведения перечисленных процедур, то повитухи осуществляли их почти всегда в бане. В с. Сибирское Ханты-Мансийского автономного округа З.А. Зоркальцева (см. *Приложение 1*) на живот, когда он болел, «накидывала» глиняные горшки или кринки, внутри которых зажигала бумагу. Перед этим она смазывала место, на которое ставила горшки, жиром или салом и делала массаж¹⁰⁴.

По описаниям одного из членов Омского отдела Всесоюзного географического общества, цыгане Тобольской губернии в начале XX в. при болезнях живота «правили» его руками, густо натертыми мылом, а в некоторых случаях ставили на него горшки. К сожалению, исследователю не удалось зафиксировать технику массажных приемов, используемых в данном случае¹⁰⁵. Украинцы Омского Прииртышья при надсаде тоже применяли массаж, правда, без накидывания сосудов. Основной принцип его состоял в том, чтобы «соединить кожу узлом на пупе»¹⁰⁶. В целом же, данный прием был направлен на то, чтобы «вернуть сместившиеся органы на место, поправить их».

Своеобразная техника массажа употреблялась в лечебной практике одной из врачевательниц с. Сибирское Ханты-Мансийского автономного округа З.А. Зоркальцевой (см. *Приложение 1*) при лечении радикулита. Больной ложился животом вниз на порог. Врачевательница крестила ему голову, руки и ноги, затем брала его левую ногу и правую руку, сводила их потихоньку друг с другом, легонько потянув, и при этом надавливала на больное место пяткой¹⁰⁷.

Массажные приемы использовались врачевателями Западной Сибири и при лечении сердечных заболеваний. Техника массажа, к сожалению, не отражена в имеющихся источниках. Имеются только отрывочные сведения о некоторых моментах проведения лечения. Например, у украинцев Полтавского района Омской области в то время, пока делали отдельные элементы массажа, больной должен был глубоко вдохнуть и не выдыхать. Обнаружены упоминания лишь о том, что все действия осуществлялись в спокойной обстановке и требовали большой осторожности и мастерства¹⁰⁸. В большинстве слу-

чаев при сердечных болезнях использовали лечебные свойства лекарственных растений, употребляемых внутрь в виде отваров и профилактических чаев¹⁰⁹.

Существовали также способы лечения ряда «ломотных заболеваний», относящиеся к сфере деятельности «костоправов», доступные широкому слою населения. Все они носили в основном иррациональный характер. Если болело запястье правой руки, то в д. Секменево Большереченского района Омской области отрезали кусок левой «гужи» и застегивали на запястье. Если тревожило запястье левой руки, то брали кусок правой гужи и выполняли аналогичную процедуру¹¹⁰. Очень похожей была процедура лечения болей в руке в Тарском районе Омской области, только в качестве своеобразного браслета служила шерстяная нитка, «ссученная в обратную сторону». Ее тоже нужно было завязать вокруг запястья той руки, которая болела, и носить до тех пор, пока боль не пройдет¹¹¹. Подобный способ лечения был широко распространен и у украинцев Полтавского района Омской области, которые применяют для этой цели пуховую нитку¹¹².

Но чаще всего для лечения использовали лекарственные растения, средства животного и минерального происхождения. Употребляли их как внутрь, так и наружно. Для употребления внутрь готовили всевозможные отвары, настои, настойки и чай. Для наружного использования чаще всего применяли натирания, притирания, полоскания, компрессы, мази, пластыри, ванны и т.д.

При «ломотных заболеваниях» больные места натирали различными спиртовыми настойками. Для их приготовления использовали, как правило, цветки сирени (*Syringa vulgaris* L.), мухоморы (*Amanita muscaria* Pers.), березовые или тополиные почки (*Betulla platyphylla* Sukacz.), цветки одуванчика (*Taraxacum officinale* Wigg.)¹¹³. Универсальным средством до настоящего времени остается так называемое «муравьиное масло», или «муравьиный спирт». Основной способ его применения – натирание. Иногда муравьями просто моются, заваривая их в бане кипятком¹¹⁴. Часто люди, страдающие различными «ломотными» (ревматическими) болями, приходят в лес, и нагребают на больные места муравьев, с тем, чтобы они их кусали, выпуская муравьиную кислоту. В некоторых местностях эта процедура получила название «садиться на муравьев». Судя по информации из источников, «ломотные заболевания» с помощью муравьев лечили практически все группы населения Западной Сибири: украинцы¹¹⁵, русские¹¹⁶, татары¹¹⁷, казахи¹¹⁸ и др.

Часто «ломотные заболевания» (радикулит и т.п.) лечили в бане, используя растения, обладающие «прогревающим» эффектом. Например, редьку (*Raphanus sativus* L.) натирали на терке, затем в бане ее

накладывали на спину и держали, «пока спина может терпеть». Затем смахивали, не обмывая спину после этого. Спину мыли только на следующее утро¹¹⁹. Часто редьку применяли в смеси с другими веществами. Например, на редьке настаивали «жёлчь от свиней» (или других домашних животных). Иногда вместо редьки использовался хрен (*Cochlearia Armoracia* L.), а полученную своеобразную мазь втирали в спину. После этого больного заворачивали так, чтобы спина хорошо прогрелась.

Необходимо отметить, что подобные лечебные способы и средства были широко распространены среди русского населения Западной Сибири¹²⁰. Использовали также керосин в сочетании с солью, скипидаром и перцем, которые служили основой для изготовления «натирания» от «ломоты в суставах»¹²¹. Находила свое применение и крапива (*Urtica dioica* L., *Urtica urens* L.), которой парились в бане для достижения лечебного эффекта¹²².

В с. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области зафиксирован способ лечения болей в суставах, совмещающий воздействие тепла и лечебных свойств трав. Необходимо было выкопать яму, истопить ее дровами, затем наполнить не цветущими травами. Больной должен был высидеть в этой яме 3 сеанса: первый – 5 минут, второй – 10 минут, третий – 15 минут¹²³. Таким образом, не смотря на многообразие средств, всегда соблюдался главный принцип лечения: чтобы избавиться от заболевания, больное место нужно хорошо прогреть.

Очень часто «ломотные заболевания» спины, особенно радикулит, лечили с помощью иррациональных способов. Например, их «засекали». Выглядело это так: «Больного клали на порог, затем врачеватель брал веник и топор и начинал этот веник рубить над спиной топором, веник при этом лежал на спине. Во время лечения читались молитвы»¹²⁴. Такой же прием зафиксирован и у казаков Северо-Казахстанской области¹²⁵.

Случай использования в лечебных целях «засекания», или «присекания», описал в одной из своих заметок начала XX в. псаломщик Т. Савицкий: «В прошлом году (1910 г. – *И.В.*) к знахарке приезжает жена волостного писаря и привозит больного сына лет 2–3, который не ходит. Осмотрев ребенка с подобающей серьезностью, знахарка заявляет: “у него соколиные крылья, нужно присекать”. Берут корыто, кладут в него ребенка и ставят корыто на порог. Один человек сечет топором по корыту, а другой спрашивает: “Чего сечешь?” – “Соколиные крылья”. “Секи горазне, чтобы век не было”. Это действие повторяется трижды». Через 2 недели, по словам автора, ребенок начал ходить¹²⁶. Однако в имеющихся источниках такая болезнь, как «соколиные крылья», не была зафиксирована. Вероятно, сходство в при-

емах лечения может быть объяснено похожими представлениями о природе данного заболевания.

Иногда для лечебных целей растения просто прикладывали к больному месту. Например, если болела голова, то к ней прикладывали листья лопуха (*Arctium lappa* L.) или капусты, а затем завязывали косынкой. При болях в пояснице листья лопуха привязывали на ночь к недужному месту¹²⁷. Подобное «прикладывание вытягивающих жар средств» считается универсальным приемом, а набор самих средств варьирует в зависимости от природных условий местности.

Травы использовали и при лечении весьма серьезных заболеваний. Способ их употребления отличался комплексностью, т.е. внутреннее применение сочеталось с наружным. Например, для лечения паралича в с. Пресновка Северо-Казахстанской области использовали траву с местным названием «паравица». Ее отвар больной должен был одновременно пить и натирать им парализованные части тела. В источниках особо отмечается, что лечебная процедура обязательно должна была проходить в спокойной, тихой обстановке¹²⁸.

Сочетание наружного и внутреннего употребления растений использовали и при лечении тифа. Так, по воспоминаниям А.И. Фоминой (см. Приложение 1), в п. Горноправдинск русские во время эпидемии тифа в 1945 г. пили сок редьки (*Raphanus sativus* L.), настоящий на самогоне, и одновременно прикладывали тертую редьку к голове¹²⁹.

Растения использовали и для заживления ран. При этом выбор средства зависел от характера раны. Так, если рана была резаная, но чистая (не загноившаяся), то для ее лечения применяли сок алоэ, который иногда называли «резаком» (*Aloe arborescens* L.). Иногда к резаным ранам прикладывали сок лопуха (*Arctium lappa* L.). Для врачевания загноившихся ран применяли листья подорожника (*Plantago major* L.): их распаривали, мочили и прикладывали к ране. К гнойным ранам также иногда прикладывали повязку, смоченную в отваре мать-и-мачехи на молоке¹³⁰, или омывали их морковным соком (считалось, что он хорошо очищает раны от гноя)¹³¹. Если же свежих растений не было под рукой, то часто раны присыпали древесной трухой или порошком из высушенных трав¹³². Украинцы Полтавского района Омской области трухой от пня присыпали также опрелости у детей¹³³. Вероятно, это связано с тем, что древесная труха обладает антисептическим действием.

При болях в горле, имеющих простудный характер, чаще применялась такая лечебная процедура, как полоскание. Для этого использовали отвар цветов календулы (*Calendula officinalis* L.)¹³⁴, цветов лесной ромашки (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.)¹³⁵, цветков и листьев калины (*Viburnum opulus* L.)¹³⁶, овса (*Avena sativa* L.)¹³⁷, настоем елочных почек¹³⁸.

Лечение золотухи отличалось рациональностью. Больных детей купали в ванне из лекарственных растений: ромашки (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.), овса (*Avena sativa* L.), чистотела (*Chelidonium majus* L.) и череды (*Bidens Tripartita* L.). Для усиления эффекта рекомендовалось параллельно давать детям кушать ягоды калины (*Viburnum opulus* L.) или поить настоем из корней и листьев лопуха (*Arctium lappa* L.), веток смородины (*Ribes nigrum* L.), травы череды (*Bidens Tripartita* L.)¹³⁹. Иногда при лечении золотухи детей мазали керосином, а через некоторое время мыли в бане¹⁴⁰.

Украинцы Омского Прииртышья для лечения золотухи широко использовали ртуть, которую запаивали или закупоривали в каком-либо сосуде (чаще всего в бутылке) и вешали на шею¹⁴¹.

С помощью фитопрепаратов, употребляемых внутрь, лечили желтуху. Так, например, казаки Северо-Казахстанской области при желтухе 3 раза в день пили отвар овсяной соломы¹⁴².

Применяли рациональные способы и при лечении такого заболевания, как «шпоры». Чтобы избавиться от «шпор пяточных костей», готовили смесь из куриного яйца, скипидара и уксусной эссенции, взятых в равных частях. Эту смесь ежедневно перед сном наносили на больное место¹⁴³. Русские Новосибирской области «шпоры» «парили» (погружали в горячую или теплую ванну) отваром пижмы (*Tanacetum vulgare* L.)¹⁴⁴.

При лечении «рака» широкое распространение получили рациональные приемы и средства. Больным рекомендовалось пить свежевыжатые соки репейника (*Arctium lappa* L.) или моркови (*Daucus sativus* (Hoffm.) Roehl.). Иногда эти соки смешивали с медом или спиртом¹⁴⁵. Кроме того, использовались и настои лекарственных растений, например, подсолнечника (*Helianthus annuus* L.). Очень популярным было употребление внутрь «напара» или отвара чаги (*Inonotus obliquus* (Pers.) Pil.). В Полтавском районе Омской области условиями достижения успешного результата от применения подобных лечебных способов были отсутствие хирургического вмешательства и недопущение попадания к опухоли воздуха¹⁴⁶.

Что касается акушерства и гинекологии, то лечебные способы, зафиксированные в полевых источниках, в основном были направлены на прекращение нежелательной беременности, лечение бесплодия и облегчение тяжелых родов.

Набор abortивных средств был весьма разнообразен и отличался рациональностью. Процедуры выполняли в основном повитухи и так называемые «умелые женщины». При этом основным местом совершения лечебных приемов была баня. Действенными и проверенными средствами считались отвар луковой шелухи или пижмы (*Tanacetum*

vulgare L.), употреблявшиеся внутрь. При этом концентрация отвара была достаточно велика. В некоторых районах «умелые женщины» при не очень больших сроках беременности каким-то особым способом давили на живот, изгоняя плод, в ряде мест плод «выскабливали» при помощи веретена¹⁴⁷. Очень часто подобные лечебные способы наносили серьезный вред здоровью женщины или даже приводили к смерти, поэтому на всем протяжении XX в. они были запрещены к применению.

При болезненных родах роженице давали пить отвар «богородской травы» – чабреца (*Thymus serpyllum* L.) или использовали ладан¹⁴⁸. Один из священников Tobольской епархии описал в своей заметке средство, испытанное им в с. Бобровском Семипалатинского ведомства. Состояло оно в том, что роженице вливали в рот ложку елея, затем ложку горячей воды до тех пор, пока количество каждого из этих средств не достигло чайной чашки. После этого женщина смогла разрешиться от бремени. Правда, ребенок родился мертвым, но это, по словам автора, произошло потому, что «первая повитуха ничего не понимала в родах, т.к. была очень молода»¹⁴⁹. Иногда над рожавшей женщиной читали молитвы, «секрет которых знали только бабки-повитухи»¹⁵⁰. Но чаще всего совершали магические действия: распускали косу у роженицы, развязывали все узлы на ее одежде и т.д.¹⁵¹

Способы лечения гинекологических заболеваний у русских Омского Прииртышья были связаны в основном с менструальным периодом. В целом же лечение «женских болезней» осуществлялось при помощи средств растительного происхождения, среди которых важное место занимала ромашка (*Matricaria chamomilla* L. и *Matricaria suaveolens* Buchen.). Чаще всего использовали отвары и настойки, которые употребляли внутрь. Иногда из этих отваров делали своеобразные тампоны и примочки, которые накладывали непосредственно на пораженное место. Заболевания внутренних органов женской мочеполовой системы в основном лечили при помощи массажа¹⁵².

К своеобразным методам лечения можно отнести традиции выхаживания недоношенных младенцев. Так, в Муромцевском районе семимесячных детей клали в шапку из овчины и «допаривали» на печке¹⁵³.

В источниках встречаются единичные упоминания о способах лечения заболеваний, которые не характерны для настоящего времени. Часто информаторы могут обозначить лишь средства, с помощью которых проводилось лечение, но не могут описать саму процедуру. Например, жительница д. Секменево Большереченского района Омской области сообщила, что ее свекровь, считавшаяся в деревне знахаркой, при зубной боли брала конскую узду и лечилась удилами, а вот способ лечения она не помнит¹⁵⁴. Упоминание о чем-то похожем

есть в материалах одного из исследователей начала XX в. Он записал, что цыгане Tobольской губернии при зубной боли терли зубы конскими удилами, нашептывая какие-то слова¹⁵⁵. В этой связи очень интересна точка зрения Т. Гринцевича, который, рассуждая о народной медицине в целом, предположил, что цыгане своей кочующей жизнью разносят много предрассудков от одного народа к другому¹⁵⁶.

Существовали и способы лечения, осуществляемые во время проведения коллективных обрядов. Использовались они, как правило, для избавления от многочисленных недугов (без четкой специализации по сфере применения). Считалось, например, что иконы обладают исцеляющей силой, как и обращения к покровителям. Лечебные процедуры проводили во время крестных ходов. Здесь налицо связь народной медицины и православия в общеславянском контексте. Так, в России, Малороссии, Словении и Сербии в XIX в. во время совершения церковных обрядов выносили образ святой Параскевы Пятницы, увешанный лентами, монетами, цветами и душистыми травами. Народ толпой теснился «лобызать» изображение, в надежде избавиться от разных недугов. Цветы и травы, украшавшие образ, хранились в церкви. Их отвар давали пить безнадежным больным как «верное лекарство»¹⁵⁷. В Tobольской епархии, по сведениям священника Омского уезда, в конце XIX в. среди женщин существовал следующий обычай: во время хода с иконами класть под них больных младенцев. Считалось, что если над ними пронесут иконы, то они выздоровеют¹⁵⁸. Г.С. Виноградов отмечал, что у русские старожилы Восточной Сибири были убеждены в целительной силе икон при лечении «припадочных больных». Для избавления от болезни им необходимо было подползти под икону во время крестного хода¹⁵⁹.

Таким образом, мы видим, что русское население Омского Прииртышья в конце XIX – XX в. использовало как рациональные, так и иррациональные лечебные приемы и средства. Применение того или иного способа лечения часто зависело от представлений об этиологии заболеваний. Среди иррациональных методов важное место занимали всевозможные манипуляции с водой, поэтому иногда отличные друг от друга по технологии проведения приемы получали одинаковые названия: «выливание на воск», с помощью которого избавлялись от испуга и от сглаза, и «выливание волоса». Широко были распространены такие способы лечения, как сбрызгивание и умывание, применявшиеся в основном при лечении сглаза.

При применении иррациональных способов врачевания большое значение имел возраст больного, хотя иногда детей лечили так же, как и взрослых. При использовании рациональных приемов возраст влиял на дозировку лекарственных средств.

Большинство иррациональных способов лечения, вероятно, имеет глубокие славянские корни. Они претерпели незначительные изменения и сохранили свои главные принципы – передачу болезни, использование магии по сходству и т.п. При этом важную роль играли не только сами лечебные процедуры, но и временной фактор. Лечение проводили, как правило, сообразуясь с лунными или солнечными циклами (на ущерб месяца, рано утром до восхода солнца или поздно вечером после захода солнца).

Рациональные способы лечения у русского и нерусского населения во многом совпадали, что свидетельствует об их действенности, т.к. в народно-медицинскую практику внедрялись лишь проверенные опытным путем средства и приемы.

Кроме того, необходимо выделить основные принципы рациональных способов лечения разных заболеваний. При врачевании «ломотных» и простудных заболеваний важное значение имели тепловое воздействие на организм больного и водолечение. При лечении грыжи определяющими были массажные действия. Применялся массаж и для лечения заболеваний внутренних органов, в основном желудочно-кишечных и сердечных, т.к. главное его назначение состояло в том, чтобы «поставить орган на место». Активно использовали массаж в сфере акушерства и гинекологии. Нередко эти принципы переплетались, и тогда лечение носило комплексный характер.

Большая часть лечебных приемов и средств носила индивидуальный характер, хотя в некоторых случаях использовались и коллективные действия. В целом практически все способы лечения, бытовавшие на территории Сибири, применялись и в Европейской части России, хотя имели несколько отличные друг от друга локальные варианты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 77; п. 163-7. – Л. 85–86.
- ² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 40; п. 87-2. – Л. 75.
- ³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 96; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: (Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловия и притчи). – СПб., 1885. – С. 108–109.
- ⁴ ПМА. – 2005 г. – П.о. 2. Л. 6–8об.
- ⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 41.
- ⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 41; п. 92-3. – Л. 53; п. 163-7. – Л. 77.
- ⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 53.
- ⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 63–67.
- ⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 107, 136.
- ¹⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 49; п. 63-1. – Л. 57.
- ¹¹ *Коваленко Гр.* К народной медицине малорусов // ЭО. – 1891. – № 3, кн. X. – С. 170.

¹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34–35.

¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 77-1. – Л. 116.

¹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 52–54; п. 138. – Л. 40.

¹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 52–55.

¹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34–35.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 107-2. – Л. 21.

¹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 77-1. – Л. 116.

¹⁹ *Кириллов Н.* Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 117–120; *Мазалова Н.Е.* Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север: (К проблеме локальных групп). – СПб., 1995. – С. 68–71; *Сахаров И.П.* Сказания... – С. 106.

²⁰ Проблема определения сути данных формул и их классификация освещены в работах А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского, Н.Ф. Высоцкого, Ф.Ю. Зелинского, А.А. Потехни и др.

²¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 144.

²² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 68.

²³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 87.

²⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 144.

²⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 62–64.

²⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 74.

²⁷ *Истомин А. (учитель) «Усьян»* // ТЕВ. – 1916. – № 42. – Отд. неофиц. – С. 882–883. Необходимо отметить, что *усьяном* называли не только рахит, но и различные боли ревматического характера.

²⁸ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. – 1915. – Вып. IV. – С. 338.

²⁹ *Истомин А. (учитель) «Усьян»*...

³⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 19-2. – Л. 97; п. 61-1. – Л. 70–76; п. 112-1. – Л. 146; п. 138. – Л. 39, 42, 47; п. 153-6. – Л. 42, 79–81. Упоминание месяца при лечении зубной боли фиксируется и на Русском Севере. По мнению Н.Е. Мазаловой, данное представление связано с наличием сходства между месяцем и зубами. См. об этом: *Мазалова Н.Е.* Народная медицина... – С. 75.

³¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 47, 48, 58; п. 87-2. – Л. 93, 138.

³² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 85.

³³ ПМА. – 2005 г. – П.о. 2. – Л. 10.

³⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 153-6. – Л. 78; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // ВОГСПМ. – 1911. – № 11, 12. – С. 14–15. Подобное использование щелока для лечения «волоса» описано в одном из русских рукописных лечебников XVIII в. См. об этом: *Соколов В.* Материалы для истории старинной русской лечебной литературы // Варшавские университетские известия. – 1872. – № 6. – Отд. неофиц. – С. 68–69.

³⁵ *Высоцкий Н.Ф.* Очерки нашей народной медицины // Зап. Моск. археолог. ин-та. – М., 1911. – Т. XI. – С. 56.

³⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 94.

³⁷ *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 148–153.

- ³⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34-35. Подобная процедура «загрызания» была отмечена В.Ф. Демичем в Сибири. См.: *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 11.
- ³⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 31.
- ⁴⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 138. – Л. 46.
- ⁴¹ *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // ЖС. – СПб., 1890. – Вып. I. – С. 116.
- ⁴² *Миненко Н.А.* Живая старина: (Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в.). – Новосибирск, 1989. – С. 125.
- ⁴³ *Сахаров И.П.* Сказания... – С. 110–112.
- ⁴⁴ ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 9.
- ⁴⁵ *Коваленко Гр.* К народной медицине... – С. 171.
- ⁴⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 70–76; п. 138. – Л. 39. В ряде мест, по сведениям В.Ф. Демича, вместо жука использовали червяка, но чаще всего – крысу. См. об этом: *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 11–12; *Мазалова Н.Е.* Народная медицина... – С. 86, 90.
- ⁴⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 70.
- ⁴⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 33; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 186–187.
- ⁴⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 59.
- ⁵⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 6.
- ⁵¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 77.
- ⁵² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 55.
- ⁵³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39; п. 163-3. – Л. 19, 28; ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 2 об.; *Лепехин И.* Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. – СПб., 1795. – Ч. I. – С. 315.
- ⁵⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 30, 70.
- ⁵⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 45–46; п. 23-3. – Л. 203; п. 61-1. – Л. 70–76; п. 163-3. – Л. 7; п. 163-7. – Л. 79. Способ лечения при помощи завязанных на нитке узелков был широко распространен среди русских Сибири и Европейской части России. См., например: *Демич В.Ф.* Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. – СПб., 1901. – С. 33–34.
- ⁵⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 6.
- ⁵⁷ ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 2 об.
- ⁵⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 64.
- ⁵⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 59.
- ⁶⁰ ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 9–9об; *Островская Л.В.* Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 139; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 231 и др.
- ⁶¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 174; ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 5.
- ⁶² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 148.
- ⁶³ *Демич В.Ф.* Сифилис... – С. 12.
- ⁶⁴ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 340.
- ⁶⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34–35.

- ⁶⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 19-2. – Л. 97; п. 87-2. – Л. 90, 134.
- ⁶⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 146.
- ⁶⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 205. Как отметил Г.С. Виноградов, нитку необходимо было завязывать в виде «восьмерки». См.: *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 344.
- ⁶⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 81.
- ⁷⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 63–67.
- ⁷¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 79.
- ⁷² *Лепехин И.* Дневные записки... – С. 98.
- ⁷³ Как ни странно, в имеющихся полевых материалах и сведениях из литературы, относящихся к русскому и украинскому населению изучаемого региона, не нашло отражения употребление молочая для лечения бешенства, отмеченное М.Д. Торэн и другими исследователями у восточнославянского населения в целом. См.: *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 146–147.
- ⁷⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 58.
- ⁷⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 81.
- ⁷⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-1. – Л. 2.
- ⁷⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 19, 21; п. 153-3. – Л. 22; *С.А.Р.* Простые народные средства от различных болезней // ТЕВ. – 1885. – № 21–22. – Отд. неофиц. – С. 498; *Недосеков К. (протоиерей)* Врачебные советы приходского пастыря // ТЕВ. – 1883. – № 18. – Отд. неофиц. – С. 378. Способы лечения лихорадочных заболеваний у славянского населения Российской империи были весьма многочисленны. В целом их можно объединить в 3 группы: суеверные и симпатические методы и средства; механические способы, включающие лечение лихорадки водой и страхом; эмпирические средства и приемы. См. об этом: *Демич В.Ф.* Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа: (Очерки народной медицины) // ВОГСПМ. – 1894. – Отд. «Практическая медицина». – Т. XXII, кн. III. – С. 148–169; Т. XXIII, кн. I. – С. 1–29.
- ⁷⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 19, 21; п. 153-3. – Л. 22.
- ⁷⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 19-2. – Л. 98.
- ⁸⁰ *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // ЖС. – СПб., 1890. – Вып. I. – С. 116.
- ⁸¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 26. Влияние огня на лечение многих заболеваний и способы врачевания «летучего огня» на Русском Севере были подробно освещены в работе известной исследовательницы народной медицины русских Н.Е. Мазаловой. См.: *Мазалова Н.Е.* Народная медицина... – С. 64–69.
- ⁸² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 26.
- ⁸³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 68–69.
- ⁸⁴ *Демич В.Ф.* Сифилис... – С. 10.
- ⁸⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 14-15; п. 93-2. – Л. 71–75, 82; п. 163-3. – Л. 3; п. 163-7. – Л. 82, 84. В источниках не нашел отражения такой сюжет, как замена кровопускания иными процедурами, например, использование тысячелистника вместо пиявок (его засовывали в нос больного и, растирая, вызывали кровотечение) или «поджигание ядна», распространенные в ряде районов Сибири и описанные исследователями. Об использовании кровопускания для лечения многих заболеваний писали некоторые исследователи. См., например: *Гринцевич Т.* Народная медицина: (Очерк) // Вестник Европы. – 1892. – № 8. – С. 811–812; *Демич В.Ф.* Сифилис... – С. 14; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 26–27 и др.

⁸⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 17; п. 87-2. – Л. 118; п. 163-7. – Л. 79.
⁸⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 148.
⁸⁸ ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 23.
⁸⁹ *Лепехин И.* Дневные записки... – С. 102. Киноварь – это одно из химических соединений ртути, при термическом воздействии на которое образуются весьма ядовитые ртутные пары.
⁹⁰ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки... – С. 145.
⁹¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 45.
⁹² *Недосеков К. (протоиерей)* Врачебные советы... – С. 378; *С.А.Р.* Простые народные средства... – С. 501.
⁹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 29; п. 23-3. – Л. 205; п. 48-1. – Л. 34–35; п. 87-2. – Л. 148. Нельзя не согласиться с точкой зрения доктора Кондратковского, который писал, что горячая вода в виде ванн, компрессов и паров – это излюбленное народное средство при всевозможных острых и хронических заболеваниях. Самые разнообразные травматические повреждения (ушибы, вывихи, переломы), простудные заболевания, болезни дыхательных органов, начиная с простого бронхита и кончая последними степенями чахотки, отека и водянки, страдания всевозможных органов брюшной полости, грыжи, болезни женских половых органов и т.д. – во всех этих случаях прежде всего парят. (эта точка зрения приведена в статье Вл. Бирюковича по народной медицине, опубликованной в журнале «Русская мысль» в кн. IV за 1893 г.). Об этом же см., например: *Миненко Н.А.* Живая старина... – С. 120; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 160.
⁹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 34–35.
⁹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 73.
⁹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 150.
⁹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39.
⁹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58; п. 23-3. – Л. 205; п. 87-2. – Л. 79, 89, 117, 122, 126; п. 163-3. – Л. 9; п. 163-7. – Л. 79.
⁹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 15-1. – Л. 106; п. 20-5. – Л. 16, 18, 20; п. 48-1. – Л. 38–39; п. 87-2. – Л. 117; п. 93-2. – Л. 73; п. 112-1. – Л. 145; п. 153-3. – Л. 21; п. 163-7. – Л. 89.
¹⁰⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 138. – Л. 39, 48, 50; п. 163-7. – Л. 82; ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 6. Характеризуя способы лечения болезней кожи, В.Ф. Демич в своих «Очерках русской народной медицины» писал о том, что в целом чесотку лечили с помощью многочисленных средств, среди которых преобладали ядовитые металлы (например, ртуть) и едкие растения. Кроме того, в медицинской практике и народной среде широко использовалось лечебное действие дегтя. Рациональные средства были распространены в XIX в. практически среди всех народов Российской империи.
¹⁰¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 74.
¹⁰² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 17; п. 163-7. – Л. 82.
¹⁰³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 119; п. 163-3. – Л. 12. Подобный прием был описан и Г.С. Виноградовым. См.: *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 341.
¹⁰⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-2. – Л. 154, 163; п. 87-2. – Л. 136, 140; ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 22–23; *Бирюкович Вл.* Народная медицина // Русская мысль. – 1893. – Т. XIV, кн. IV. – С. 73–74; *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 337. Процедура «накидывания горшка», относимая некоторыми исследователями к области так называемой малой хирургии, в XIX в. была широко распространена у русских на всей территории Российской империи. Наглядным свидетельством популярности данного

приема лечения может служить воспроизведение его на лубочных картинках. Этот способ достаточно подробно описал В.Ф. Демич. См.: *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 30–31.

¹⁰⁵ ГАОО. – Ф. Р-1075, оп. 1, д. 277. – Л. 152.
¹⁰⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 97.
¹⁰⁷ ПМА. – 2003. – П.о. 2. – Л. 22 об.
¹⁰⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 97.
¹⁰⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 96.
¹¹⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 58.
¹¹¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 7.
¹¹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 97.
¹¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 29, 36, 51, 60; п. 48-1. – Л. 202; п. 101-2. – Л. 55–57; п. 163-3. – Л. 4; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 156–159.
¹¹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 202; п. 101-2. – Л. 55; *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 339; *Описание* Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. – Новосибирск, 1982. – С. 79; *С.А.Р.* Простые народные средства... – С. 498; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 156–159.
¹¹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 17-1. – Л. 102; п. 50-3. – Л. 75.
¹¹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 70; п. 63-1. – Л. 95; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 156–159.
¹¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 7-4. – Л. 25–26.
¹¹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 28-1. – Л. 126–127.
¹¹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39.
¹²⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 45, 65, 68; п. 112-1. – Л. 145; *Осокин Г.М.* На границе Монголии: (Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья). – СПб., 1906. – С. 298.
¹²¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 205.
¹²² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 118; п. 163-3. – Л. 3.
¹²³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 150.
¹²⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 142–143. Иногда радикулит называли «утином» и лечили с помощью такого же способа. См. об этом, например: *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 338; *Страхов П.И.* О русских простонародных парных банях // Московский врачебный журнал. – 1856. – Кн. 1–2. – С. 11–14; *Шустиков А.А.* Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // ЖС. – 1902. – Вып. II. – С. 203.
¹²⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 17, 18, 20, 48.
¹²⁶ *Савицкий Т. (псаломщик)* Когда кончатся суеверия // ТЕВ. – 1911. – № 10. – Отд. неофиц. – С. 219.
¹²⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 137; п. 101-2. – Л. 58; *Осокин Г.М.* На границе... – С. 295; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 162; *Шустиков А.А.* Простонародное лечение... – С. 201.
¹²⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 57.
¹²⁹ ПМА. – 2003 г. – П.о. 2. – Л. 2 об.
¹³⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 12, 18, 23–24; п. 50-3. – Л. 95; п. 87-2. – Л. 78, 80, 81, 112.
¹³¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 147.
¹³² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 24, 28, 31, 52; п. 48-1. – Л. 38–39, 43; п. 87-2. – Л. 129; п. 163-3. – Л. 3, 19.

- ¹³³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 97.
- ¹³⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 55, 56.
- ¹³⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 7; п. 18-3. – Л. 14–15.
- ¹³⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 33.
- ¹³⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 32.
- ¹³⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 84.
- ¹³⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 13–15; п. 20-5. – Л. 56, 60; п. 23-3. – Л. 203–204; п. 87-2. – Л. 89, 131, 136, 146; *С.А.Р.* Простые народные средства... – С. 501; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 178–180.
- ¹⁴⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 10.
- ¹⁴¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 50-3. – Л. 96.
- ¹⁴² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 60.
- ¹⁴³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 59.
- ¹⁴⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 132.
- ¹⁴⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-3. – Л. 13; п. 20-5. – Л. 24; п. 48-1. – Л. 36–37; п. 101-2. – Л. 58.
- ¹⁴⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58; п. 48-1. – Л. 36–37; п. 87-2. – Л. 96, 138.
- ¹⁴⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 80–81.
- ¹⁴⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 82–83.
- ¹⁴⁹ *В-ков Г. (свящ.)* Случаи врачебной помощи приходского священника // ТЕВ. – 1889. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 43. Кстати, подобное средство было им успешно использовано и при лечении паралича. Однако в деле со сложными родами, по его словам, потребовалось предварительное вмешательство одной из опытных бабушек-повитух.
- ¹⁵⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 112-1. – Л. 77–79; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – С. 11.
- ¹⁵¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 60; *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство... – С. 16–20; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 183.
- ¹⁵² Данной сфере посвящено подробное исследование В.Ф. Демича, являющееся частью его «Очерков русской народной медицины». Здесь он характеризует гинекологию в среде русского населения Европейской части России и частично Сибири. Кроме того, изучением данной темы активно занимались такие исследователи, как Т.А. Листова, Е.А. Покровский, М.Д. Торэн. См.: *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – 50 с. – Отд. оттиск.
- ¹⁵³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 42.
- ¹⁵⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 92-3. – Л. 58.
- ¹⁵⁵ ГАОО. – Ф. Р-1075, оп. 1, д. 3. – Л. 151 об.
- ¹⁵⁶ *Гринцевич Т.* Народная медицина... – С. 809.
- ¹⁵⁷ ГАОО. – Ф. 2200, оп. 3, д. 51. – Л. 10 об., 18 об.
- ¹⁵⁸ *Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии* // ТЕВ. – 1892. – № 17 – 18. – Отд. неофиц. – С. 395.
- ¹⁵⁹ *Виноградов Г.С.* Самоврачевание... – С. 343.

Глава 5 ЛЕЧЕБНЫЕ СРЕДСТВА

Комплекс лечебных средств в народной медицине русского населения Омского Прииртышья в конце XIX–XX в. был тесно связан с лечебными приемами и способами. Их широкое распространение во многом обусловило отсутствие квалифицированной медицинской помощи в регионе в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют данные официальной статистики (см. *Приложение 3*).

В народно-медицинской практике широко использовались растения и грибы, материалы животного происхождения, минеральное сырье. В источниках эти средства представлены неравномерно: большая доля принадлежит фитопрепаратам, на втором месте по степени распространенности – средства и материалы, имеющие животное происхождение, на третьем – минералы.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают представление о средствах, известных широким слоям населения, потому как деятельность профессиональных врачей в основном являлась закрытой. Но даже эта информация позволяет оценить эффективность работы народных врачей в данном регионе в конце XIX–XX в. и выявить общие закономерности функционирования комплекса лечебных средств в народной медицине русских Омского Прииртышья.

2.1. ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ И ГРИБЫ

Занимаясь изучением народно-медицинской практики русских Сибири исследователи (И.И. Лепехин, П.С. Паллас, М.Д. Торэн, Л.А. Уткин и др.) пришли к выводу, что на основании многолетних наблюдений у крестьян складывались правильные представления о пользе или вреде известных им растений. Большую роль в формировании набора лекарственных растений и обогащении народных знаний играли местные природные условия и необходимость адаптации к ним.

Травы и грибы находили применение при лечении практически всех заболеваний. Их использование включало несколько этапов: 1) сбор сырья; 2) его обработка и изготовление лекарства; 3) непосредственное употребление с лечебной целью; 4) хранение.

На этапе сбора соблюдались некоторые правила, выработанные опытным путем. Каждый вид растений и грибов имел свои сроки сбора, которые зависели от местных условий и от особенностей самого сырья. Многие исследователи отмечают, что первоначально эти сроки определялись врачевателем путем наблюдения за свойствами растений. Так, траву и цветы в основном собирали в начале июля – в ночь с Аграфены Купальницы на Ивана Купала (с 6 на 7 июля)¹. Очень часто сбор трав сопровождался действиями, имеющими символическое значение. Так, в Омском Прииртышье растения, собранные накануне Ивана Купала, расстилали на ночь в огороде, в бороздах, чтобы на них попала «иванова роса», которая, по представлениям местных жителей, увеличивала лечебную силу трав. Аналогичные действия осуществляли и русские Тюменской области². Сюжет, связанный с Ивановым днем и «ивановой росой» прослеживается практически у всех славянских народов³. Однако в полевых материалах не нашли отражения некоторые другие правила, связанные со сбором трав в день Ивана Купала и зафиксированные исследователями народной медицины русских.

У русских Европейской части России и Сибири, по данным Н.Ф. Высоцкого, бытовало представление, что при сборе трав необходимо соблюдать телесную чистоту. Кроме того, непременно нужно было попросить благословения у «Матушки Сырой Земли», прочитав определенную молитву, а также «Отче наш», «Богородицу» и ряд других. Исследователи отмечали, что у русских Европейской части России существовали определенные правила сбора различных видов растений, от которых зависело лечебное действие⁴. Однако при сборе материала на территории Омского Прииртышья подобные правила нами не зафиксированы. Они были известны в основном врачевателям и являлись их профессиональным достоянием. Именно поэтому их старались хранить в секрете. Считалось, что выполнение данных правил повышает лечебную силу растений и грибов.

Очень часто при лечении заболеваний, имевших иррациональную природу возникновения, особо оговаривались правила сбора растений. Так, у казаков Северо-Казахстанской области бытовало представление, что для снятия порчи необходимо такие травы, как белоголовник (*Chrysanthemum Leucanthemum* L.) и полынь (*Artemisia absinthium* L.), собирать обязательно утром, повернувшись «задом к солнцу». Сроки сбора определялись врачевателем, использующим этот способ лечения⁵.

Выявленные врачевателями сроки сбора со временем стали соблюдаться широкими слоями населения, однако при этом учитывались в основном рациональные характеристики. Например, выделя-

лась группа растений, собираемых раньше дня Ивана Купала. По мнению местных жителей, именно эти растения имели наибольшую лечебную силу в данное время. Считалось, что при нарушении сроков сбора их сила терялась безвозвратно. В северных районах Омской области в их число включали брусничник (веточки брусники) (*Vaccinium vitis idaea* L.), дон, зверобой (*Hypericum perforatum* L.), крапиву (*Urtica dioica* L.), мать-и-мачеху (*Tussilago farfara* L.), «репешок», троялистку (*Menyanthes trifoliata* L.) и тысячелистник (*Achillea millefolium* L.), собираемые в мае, в период цветения⁶. В южных районах это были листья лопуха (*Arctium lappa* L.) и цветы сирени (*Syringa vulgaris* L.)⁷.

Подобный сдвиг сроков сбора зафиксирован и у русского населения соседних регионов. Так, казаки Северо-Казахстанской области в мае ходили собирать «сорок трав», которые в этот момент имели наибольшую целебную силу⁸. Некоторые травы собирали в августе, например, багульник (*Ledum palustre* L.), кровохлебку (*Sanguisorba officinalis* L.) и толокнянку (*Actostaphylos Uva ursi* Spreng.)⁹. В настоящее время биологи объясняют подобные сроки сбора тем, что они совпадали с периодом цветения данных растений, когда в них накапливается наибольшее количество действующих веществ.

В августе-сентябре обычно копали корни, т.к. в это время растения готовились к зиме, откладывая значительный «запас» полезных веществ в корневой системе¹⁰.

Плоды и ягоды чаще всего собирали после их созревания. Например, ягоды калины заготавливали осенью или зимой, после первых морозов¹¹. Необходимо также отметить, что в некоторых местах даже существовали запреты на сбор незрелых плодов, рассматриваемые в качестве профилактических мероприятий.

Почки собирали чаще всего весной, почти сразу после их появления¹². Тогда же собирали и кору¹³.

После сбора растения и грибы подвергали обработке. Траву и цветы выбирали от мусора и чаще всего сушили на открытом воздухе, в тени, в хорошо проветриваемом месте. Корни хорошо мыли, чистили и сушили, предварительно измельчив. Кору сушили в сухом, хорошо проветриваемом помещении. Что касается ягод, то их очень часто использовали в свежем виде, очистив от мусора. Иногда их сушили на воздухе или подвергали термической обработке. Грибы, как правило, употребляли свежими. В целом же процесс обработки зависел от характера лекарства, на изготовление которого шло то или иное сырье, и от сезонной картины заболеваемости в регионе. Важным фактором были и выработанные с течением времени знания об изменении лечебной силы каждого вида сырья в процессе обработки.

От этого же зависели сроки и условия хранения растительного сырья. Чаще всего лекарственные растения хранились в холщовых мешках или стеклянных сосудах в течение одного года. Если сырье было редким в данной местности, то его можно было хранить 2–3 года (но это правило не действовало в отношении ядовитых растений и грибов).

В народно-медицинской практике русские Омского Прииртышья в конце XIX–XX в. использовали в основном местное сырье. При этом наблюдаются некоторые различия в наборе лечебных средств, бытовавших в северных и южных районах исследуемого региона. Во многом они были обусловлены природно-географическими особенностями данных районов.

По результатам исследований наиболее существенной закономерностью Омского Прииртышья является широтная зональность, в соответствии с которой растительность региона изменяется от темнохвойных лесов до злаково-разнотравных степей. В центральной части области леса сменяются осиново-березовой лесостепью. На территории исследуемого региона выделены три растительные зоны: лесная (подразделяется на две подзоны – южно-таежную и мелколиственных лесов), лесостепная и степная¹⁴.

В лесной зоне, охватывающей в основном северные районы современной Омской области, правобережье Иртыша и Тары, основу растительности составляют хвойные породы и сопутствующие им растения – башмачки (*Sypredium guttatum* Sw.), папоротники (*Dryopteris*), грушанка, брусника (*Vaccinium vitis idaea* L.), костяника (*Rubus saxatilis* L.), клубника (*Fragaria collina* Ehrh.) и др. Иногда к ним можно добавить такие кустарники, как ива (*Salix alba* L.) и рябина (*Sorbus aucuparia* L.), а также влаголюбивые растения, произрастающие по берегам мелких рек и ручьев. Левый берег Иртыша и Тары, где располагалось множество старожильческих поселков, представляет собой луговину, обыкновенными растениями которой являются лютик едкий (*Ranunculus acer* L.), ломонос, гравилат (*Geum rivale* L.), сабельник и др. Хвойные леса здесь немногочисленны, а основной массив составляют лиственные леса. В обеих частях лесной зоны весьма распространенными видами являются кровохлебка (*Sanguisorba officinalis* L.), малина (*Rubus idaeus* L.), манжетка, клевер (*Trifolium medium* L.) и чина (*Lathyrus pratensis* L.).

В лесостепной зоне лесная растительность вытесняется луговой, широкое распространение получают древесно-кустарниковые заросли, представленные чаще всего осиновыми кустами. Что касается степной флоры, то здесь обращают на себя внимание такие виды, как ковыль, кипец, млечник и др.

Имея два центра расселения – Омск и Тару, русские первоначально столкнулись с растительностью лесной и лесостепной зон. Так сформировался определенный набор лекарственных растений, используемый в народной медицине населением и южных, и северных районов. В него входили следующие виды растений: зверобой (*Hypericum perforatum* L.), пижма (*Tanacetum vulgare* L.), подорожник (*Plantago major* L.), полынь (*Artemisia absinthium* L.), тысячелистник (*Achillea millefolium* L.) и др. Иногда отличались лишь сферы их применения (см. Приложение 4).

Дальнейшее расселение русских в Омском Прииртышье наложило отпечаток на набор растений, используемых в народной медицине. Переселенцы в процессе адаптации все чаще сталкивались с лесными богатствами правобережья Иртыша и Тары, привлекая при этом и знания старожил, крупные поселения которых располагались на левом берегу этих рек. Что касается русского населения южных районов, то помимо природных условий большое влияние на формирование местного набора лечебных средств оказывали казачество и украинские переселенцы, активно занимающиеся огородничеством. Именно поэтому в северных районах широкое применение нашли такие ягоды, как клюква (*Oxycoccus palustris* Pers.), брусника (*Vaccinium vitis idaea* L.), черника (*Vaccinium myrtillus* L.), голубика (*Vaccinium uliginosum* L.) и различные части хвойных деревьев. В южных же районах чаще использовали в лечебных процедурах садово-огородные культуры и дикорастущие кустарники. Подобное разделение, судя по полевым материалам, сохраняется и сейчас.

Навыки использования лекарственных средств формировались постепенно, по мере накопления опыта. Так же постепенно складывался и набор основных лекарственных растений. Его развитие протекало по тем же закономерностям, что были выделены исследователями при изучении изменений в наборе лекарственных средств у русских Сибири и Европейской части России. Эти изменения в основном зависели от природно-географических условий и от особенностей сложившейся системы хозяйства¹⁵.

Первыми лечебными средствами, вероятно, были травы и ягоды, употребляемые в пищу: щавель (*Rumex acetosa* L. и *Rumex confertus* Will.), крапива (*Urtica dioica* L.), анис (*Anisum vulgare* Gaerth. (*Pimpinella anisum* L.)), брусника (*Vaccinium vitis idaea* L.), калина (*Viburnum Opulus* L.), рябина (*Sorbus aucuparia* L.), смородина (*Ribes nigrum* L.), черемуха (*Prunus padus* L.), шиповник (*Rosa cinnamomea* L.) и др. Очень часто в разряд лекарственных переходили растения, используемые для заваривания в качестве чая: белоголовник (*Chrysanthemum Leucanthemum* L.), иван-чай (*Epilobium angustifolium* L.), душица

(*Origanum vulgare* L.), чабрец (*Thymus serpyllum* L.) и др. Особенно этот было характерно для казаков, т.к. у этой группы русского населения травяные чаи нашли наибольшее применение. Сегодня чай из лекарственных растений используется всеми группами русских.

Затем через короткий промежуток времени в качестве лекарственных растений в широкий обиход вошли лечебные средства, связанные с хозяйственными занятиями населения – продукты огородничества, земледелия и т.д. При этом их набор тоже менялся. Старые культуры (капуста, морковь, редька, свекла и др.) дополнялись новыми (картофель, подсолнечник, физалис, укроп и др.). Наиболее ярко это характеризует ситуация с использованием льна. Так, в XIX – середине XX в. семена льна широко использовались населением северных районов для уничтожения опухолей. Помимо льна обыкновенного при лечении болей в животе широко применялся и дикий лен¹⁶. Однако с середины XX в. в источниках уже нет упоминаний об использовании данных растений в народно-медицинской практике русского населения Омского Прииртышья. Его применяли в основном потомки белорусов и украинцев в процедурах, направленных на избавление от испуга и имеющих иррациональный характер.

Достаточно рано в народной медицине стали употребляться грибы, в том числе ядовитые, например, мухомор (*Amanita muscaria* Pers.).

В дальнейшем начали применяться культуры, хотя и связанные с определенной географической средой, но являющиеся заимствованными. Нередко это были специально культивируемые растения. К их числу можно отнести алоэ (*Aloe arborescens* Mill.), валериану (*Valeriana officinalis* L.), «живое дерево», женьшень (*Panax ginseng* C. A. Mey) и др. Очень интересным заимствованием является употребление богатыми казаками в качестве «эликсира молодости» маральего корня (*Leuzea carthamoides* DC.), который доставляли китайцы – мелкие торговцы мануфактурой¹⁷.

Очень часто степень эффективности, а также ареал распространения и особенности растений фиксировались в названиях. Представления эти были достаточно ранними и выделены исследователями у русских практически на всей территории России¹⁸. В Омском Прииртышье были распространены в основном традиционные общерусские воззрения. Однако существовали некоторые растения, имевшие местные названия. К их числу следует отнести «чигинецкую траву» (от названия татарской деревни Чигинцы¹⁹), дон и дубровку (названия, вероятно, связаны с ареалом распространения).

Помимо этого, у русского населения Омского Прииртышья, как и у русских в целом, существовало представление, что разные травы и грибы имеют различную силу воздействия: одна трава помогает от

какой-нибудь одной болезни, а другая – от нескольких. Среди трав, обладающих широким спектром действия, необходимо отметить зверобой (*Hypericum perforatum* L.)²⁰, пижму (*Tanacetum vulgare* L.)²¹, подорожник (*Plantago major* L.)²², ромашку (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.)²³ и шиповник (*Rosa cinnamomea* L.)²⁴. Среди грибов подобными характеристиками, судя по полевым материалам, обладали мухомор (*Amanita muscaria* Pers.) и чага (*Polyporus obliquus* Fr.)²⁵. Аналогичный набор растительных лекарственных средств бытовал и у русских соседних регионов (Новосибирская и Тюменская области)²⁶. Похожие компоненты были в его состав и у казаков Северо-Казахстанской области, дополненные лишь березовыми почками и сиренью²⁷.

Одни травы употреблялись самостоятельно, а другие – в составе каких-либо сборов и смесей. Например, подорожник, помимо самостоятельного применения, вместе с алоэ (*Aloe arborescens* Mill.), репейником (*Arctium lappa* L.) и медом входил в состав смеси, используемой, «когда все болело внутри»²⁸. Пропорция ингредиентов смеси не указывалась. Дело в том, что в народной медицине русских, с одной стороны, большую роль играл индивидуальный подход, а с другой – состав смеси во многом зависел от их сочетаемости и взаимозаменяемости. Все это определяло набор лечебных средств, используемых населением Омского Прииртышья при лечении некоторых групп заболеваний – простудных, гинекологических, кардиологических, желудочно-кишечных и т.д.

Растения, обладающие противовоспалительным действием, часто использовались при лечении гинекологических заболеваний, обозначаемых в среде русского населения Омского Прииртышья, как «женские болезни». В данной сфере большой популярностью пользовались такие растения, как ромашка (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.) и тысячелистник (*Achillea millefolium* L.)²⁹, употребляемые в качестве самостоятельных средств. При этом оговаривалось, что тысячелистник обязательно должен иметь розовые цветы (его считали «женским», в отличие от «мужского» с белыми цветами).

Применялись здесь и смеси. Например, в Тарском районе Омской области нами зафиксирована смесь, состоящая из зелени укропа (*Anethum graveolens* L.), тысячелистника (*Achillea millefolium* L.) и брусничника (*Vaccinium vitis idaea* L.)³⁰.

Иногда выделялись средства, используемые при лечении конкретных заболеваний. В случае обильных «женских кровотечений» в Знаменском районе Омской области применялось растение, называемое местными жителями «доном»³¹. К сожалению, информаторы сейчас

уже не помнят, почему это растение носит такое название. Славянское население России и Сибири, по наблюдениям исследователей XIX в., часто использовало при врачевании полынь горькую (*Artemisia absinthium* L.), зверобой (*Hypericum perforatum* L.), крапиву (*Urtica dioica* L., либо *Urtica urens* L.), душицу (*Origanum vulgare* L.), листовенную губку (*Agaricus albus* L.) и так называемые «вороньи ягоды» (корень их был ядовит, но в Тюменском округе в конце XIX в. применялся в качестве рвотного и слабительного средства). Отмечены и средства, издавна применяемые для того, чтобы «вызвать крови». К их числу относились чернобыльник (*Artemisia vulgaris* L.), герань луговая (*Geranium pratense* L.), пижма (*Tanacetum vulgare* L.), шалфей (*Salvia officinalis* L.) и кирказон³².

К сожалению, в полевых материалах не нашли отражения средства, используемые при многих других гинекологических расстройствах. В трудах XIX в., посвященных данной сфере народной медицины, важное место отводится всевозможным болям в матке. Исследователи уделяли большое внимание средствам лечения этого недуга, относя к числу наиболее эффективных «царь-траву», белую кашку, тысячелистник (*Achillea millefolium* L.), чернобыльник (*Artemisia vulgaris* L.), хмель, пастушью сумку (*Capsella bursa pastoris* (L.) Medic.), ромашку (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.) и мать-и-мачеху (*Tussilago farfara* L.)³³. Таким образом, из-за отсутствия четкой дифференциации болезней в данной сфере русские изучаемого региона использовали средства, обладающие широким спектром действия.

Для лечения желудочно-кишечных заболеваний в большинстве своем использовались травы, обладающие одновременно противовоспалительным и ранозаживляющим действием: аир, зверобой (*Hypericum perforatum* L.), калган (*Кровавик*), пижма (*Tanacetum vulgare* L.), подорожник (*Plantago major* L.) и ромашка (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.)³⁴. Скорее исключением, чем правилом, было применение для лечения желудка в северных районах Омской области мухомора (*Amanita muscaria* Pers.), дона и троялистки (*Menyanthes trifoliata* L.)³⁵.

При расстройствах желудка (особенно при диарее) часто использовали культуры с ярко выраженными вяжущими свойствами: пижму (*Tanacetum vulgare* L.), тысячелистник (*Achillea millefolium* L.), черемуху (*Prunus padus* L.), корень конского щавеля (*Rumex acetosa* L. и *Rumex confertus* Will.)³⁶. Конский щавель (*Rumex confertus* Will.), кроме того, в Муромцевском районе Омской области применяли для лечения язвы желудка³⁷. В этом районе существовала также определенная возрастная дифференциация средств для лечения желудочно-

кишечных заболеваний. При детских кишечных болезнях здесь использовали в основном корень кровохлебки (*Sanguisorba officinalis* L.)³⁸. При лечении у взрослых применяли один из видов полыни (*Artemisia*), так называемые «сосновые пальчики» и багульник³⁹. По наблюдениям одного из священников Тобольской епархии, полынь действительно очень хорошо помогала при изнурительных поносах у взрослых, однако для лечения детей он рекомендовал использовать другие средства⁴⁰. В соседних регионах в качестве вяжущих средств активно использовались кровохлебка (*Sanguisorba officinalis* L.) и чеснок (*Allium sativum* L.)⁴¹.

По мнению жителей Усть-Ишимского района, хорошим средством «от надсады» были «медвежьи ушки» (*Actostaphylos Uva ursi* Spreng.)⁴². Русское население Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. «при надсаде» чаще всего употребляло осиную кору, березовый деготь или крапиву (*Urtica dioica* L., *Urtica urens* L.)⁴³. Отмечены подобные средства и в соседних регионах. В Северо-Казахстанской области для повышения аппетита применяли траву, которую называли «паравица»⁴⁴. В качестве слабительного здесь использовали конопляное масло, которое было широко распространено и у жителей юго-западного Забайкалья⁴⁵.

Среди средств, оказывающих благотворное влияние на дыхательную систему, важное место принадлежало малине (*Rubus idaeus* L.), повсеместно используемой для лечения простуды и ее симптомов⁴⁶.

К сожалению, в полевых источниках не нашло отражения употребление при простуде очень эффективного средства, широко используемого русским населением Сибири и Алтая – «дорогой травы» (водяники – *Empetrum nigrum* L.), или *шикши*. Такое положение объясняется тем, что это было растение редкое, не относящееся к местной флоре, а потому дорогое и доступное не всем слоям населения. В народной медицине Сибири «дорогая трава» применялась почти от всех болезней: как мочегонное средство – при водянке, отеках, затрудненном мочеиспускании (отсюда и народные названия «зассыха», «засцыха»); как седативное и противосудорожное средство – при эпилепсии, параличах, головной боли; при нервных расстройствах, гипертонии, бессоннице, переутомлении, нарушениях обмена веществ; как вяжущее средство – при поносах и кровоточащих цинготных ранах; как источник витаминов – при цинге. Отвар ее ветвей использовали для ванн как средство, снимающее усталость и при параличах, а также для обмывания ран. Ненцы, ханты и эвенки ветки водяники, обладающие бактерицидными свойствами, вымачивали в течение получаса в горячей воде и привязывали к ранам и ссадинам для быстрого заживления, а также готовили из них блюдо под названием «толку-

ша» (смесь плодов шикши с рыбой и тюленьим жиром). На Алтае это растение и сейчас является частью сборов для лечения заболеваний печени (в том числе гепатита любой формы) и почек⁴⁷.

Важную роль играли средства от кашля. Так, при сухом кашле в конце XIX в. употребляли своеобразный чай из малины или шалфея с мятой. Этим чаем запивали смесь из масла («деревянного» или подсолнечного) и меда⁴⁸. Существовали и универсальные средства от кашля – багульник (*Ledum palustre* L.), липа, мать-и-мачеха (*Tussilago farfara* L.), медуница (*Pulmonaria mollissima* Kern.), чабрец (*Thymus serpyllum* L.), чеснок (*Allium sativum* L.) и анис (*Anisum vulgare* Gaerth. (*Pimpinella anisum* L.))⁴⁹. Мать-и-мачеха (в Тарском районе Омской области ее называли *маточником*, а в Северо-Казахстанской области – *мачехой*), кроме того, помогала при ангине, астме и удушье⁵⁰. В случае ангины и при любых простудных заболеваниях использовалась также календула (*Calendula officinalis* L.), обладающая мощным антисептическим действием⁵¹. Чтобы избавиться от болей в горле во время простуды русские Омского Прииртышья очень часто употребляют липовый цвет или зеленые елочные «шишки»⁵². Казаки Северо-Казахстанской области в данной ситуации предпочитали применять ромашку (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.) и чабрец (*Thymus serpyllum* L.), обладающие противовоспалительным и антисептическим свойствами. Употребляли они для этой цели и свеклу⁵³.

При болезнях бронхов за хорошее отхаркивающее действие использовался корень солодки⁵⁴. Для очищения дыхательных путей в Муромцевском районе Омской области употребляли подорожник (*Plantago major* L.) и алоэ (*Aloe arborescens* Mill.)⁵⁵. В некоторых районах при бронхите и воспалении легких хорошим противовоспалительным средством считался овес, который в конце XIX в. рекомендовали употреблять против «грудной чахотки» наравне с высушенным крапивным корнем⁵⁶.

Подобный набор лечебных средств зафиксирован исследователями не только у русских сибиряков, но и у некоторых групп славянского населения России⁵⁷.

Нередко следствием простуды являлись всевозможные болезни суставов и позвоночника. Тогда особенно эффективными оказывались средства, обладающие прогревающим эффектом. Именно поэтому от радикулита и простуды очень действенным средством в некоторых районах считались спиртовая настойка мухомора (*Amanita muscaria* Pers.) и редька (*Raphanus sativus* L.)⁵⁸. В Северо-Казахстанской области в подобных случаях помимо редьки (сок которой употребляли также при желудочных болях) применяли хрен, который, по мнению

казаков, разгонял кровь и «помогал от ломотья»⁵⁹. Для лечения больных суставах часто использовали «репешок», а также настой березовых или тополиных почек, цветов одуванчика и сирени, листьев белены и корней лопуха (*Arctium lappa* L.)⁶⁰. Если «болели ноги», то в северных районах Омской области к ним рекомендовалось прикладывать лист лопуха (*Arctium lappa* L.) или натирать спиртовыми настоями цветов сирени и «куриной слепоты»⁶¹. При лечении «шпор» и радикулита использовалась крапива-жгучка (*Urtica dioica* L., *Urtica urens* L.)⁶².

Важную роль в комплексе растительных средств играли растения, применяемые при кардиологических заболеваниях, именуемых в Омском Прииртышье «болезнями сердца». Повсеместно в качестве укрепляющего и тонизирующего средства при этом употребляли шиповник (*Rosa cinnamomea* L.)⁶³ и боярышник (*Crataegus sanguinea* Pall.)⁶⁴. Боярышник в Сибири первоначально считался средством «от болей живота», которые проявлялись так, как будто «подкатывает к сердцу». Подобное применение было связано с незнанием анатомо-физиологических знаний. Кроме того, по сведениям Ю. Киллома и М. Колоколова, у староверов бытовало представление, что ягоды боярышника есть грешно, т.к. «ветви боярки послужили венцом на главу Иисуса Христа, поэтому и ягоды ее имеют кровавый цвет»⁶⁵. Однако со временем боярышник занял важное место как в народной медицине русских, так и в официальной медицине.

Для лечения сердечных заболеваний использовались и другие средства. В д. Дурново Муромцевского района от болей в сердце избавлялись, применяя отвар корней дубровки⁶⁶. В южных районах Омской области с 1970 г. стали применять для этих целей женьшень, а до того времени активно использовали зверобой, оказывающий успокаивающее действие на нервную систему⁶⁷. Русское население Большереченского района Омской области и казаки Северо-Казахстанской области при болезнях сердца применяли адонис, который они именовали «стародубкой», и чабрец (*Thymus serpyllum* L.), называемый «богородской травой»⁶⁸. Стародубка наравне с полынью (*Artemisia absinthium* L.) издавна использовалась ими и при малярии⁶⁹. Применение стародубки русскими Сибири при лечении заболеваний сердца отмечено многими исследователями конца XIX в.⁷⁰

Очень близки к этой сфере растения, понижающие давление, снимающие головную боль и оказывающие успокаивающее действие на организм. Одним из эффективных средств для понижения артериального давления во многих северных районах Омского Прииртышья, а также в соседних регионах считались ягоды калины и брусники (*Vaccinium vitis idaea* L.), а в южных – цветы укропа (*Anethum graveolens* L.)⁷¹. Казаки Северо-Казахстанской области, помимо это-

го, использовали чабрец, шиповник (*Rosa cinnamomea* L.) и семена тыквы, которые, по их представлениям, благотворно влияли на сердце⁷².

От головной боли, по мнению жителей Муромцевского района, очень хорошо помогали душица (*Origanum vulgare* L.), белоголовник (*Chrysanthemum Leucanthemum* L.) и лопух (*Arctium lappa* L.)⁷³. В Усть-Ишимском районе к числу таких средств был отнесен хмель, оказывающий легкое снотворное действие⁷⁴. Казаки Северо-Казахстанской области отметили также снотворное действие солодки и стали использовать ее для лечения бессонницы. Кроме того, при возникновении бессонницы у детей они применяли снотворное средство, основным компонентом которого был мак⁷⁵. В связи с этим следует отметить, что, по сведениям исследователей народной медицины XIX в., снотворное действие мака было известно славянским народам давно. В достаточно ранних «Травниках» упоминался настой из маковых головок, называемый обычно *маковкой*⁷⁶.

Среди успокаивающих средств на первом месте находился пустырник (*Leonurus quinquelobatus* Gilib.), или «глухая крапива». (*Крапивой* пустырник назвали за форму листьев, а *глухой* потому, что его листья не жалились.)⁷⁷ В некоторых районах для этой цели применяли корень валерианы⁷⁸. Валериану в смеси с подорожником (*Plantago major* L.) иногда употребляли и для лечения желудочных заболеваний⁷⁹. Анализ комплекса лечебных средств русского населения соседних регионов позволил добавить к перечисленным растениям василек и любисток, отвары которых пили казаки Северо-Казахстанской области «для успокоения нервов». Кроме того, они подметили легкое наркотическое действие конопли и стали применять ее сок при возникновении нервных припадков⁸⁰. Русское население некоторых районов Тюменской и Новосибирской областей активно употребляло в качестве успокоительных средств душицу (*Origanum vulgare* L.), одуванчик и лабазник. Эти же растения применяли здесь и для лечения импотенции⁸¹.

К данной сфере относятся и средства лечения от испуга, который в ряде районов назывался «эпилепсией». Наиболее популярными из них были «черная трава» (названа так за цвет листьев, используемых при лечении) и «умная трава». Они широко распространены не только на территории Омского Прииртышья, но и в Новосибирской, Северо-Казахстанской и Тюменской областях, а также на Алтае⁸². Употребление «черной травы» для лечения детских заболеваний нервной системы имеет достаточно давнюю историю и фиксируется исследователями на территории многих районов Сибири и Урала. Кроме того, очень популярным средством лечения подобных заболеваний в ряде районов считался корень чернобыльника (*Artemisia vulgaris* L.)⁸³.

Следующую группу составляют растения, применявшиеся для лечения мочеполовой системы. Важное место здесь принадлежит мочегонным средствам, употребляемым при многих болезнях. Среди них следует отметить цветы липы и подсолнечника, морковный чай⁸⁴, которые считаются особенно эффективными при лечении почечных заболеваний. В Тарском районе Омской области для очищения почек использовали также брусничник и чагу⁸⁵. В Муромцевском районе заболевания почек и мочевого пузыря лечили при помощи семян физалиса и травы хвоща полевого, а в качестве мочегонного средства применяли «медвежьи ушки»⁸⁶. В южных районах от камней в почках советовали употреблять спорынью (*Claviceps purpurea* Tulasne)⁸⁷.

Что касается русского населения соседних регионов, то у них иногда набор лекарственных средств для лечения заболеваний почек и мочевого пузыря отличался по своему составу. Казаки Северо-Казахстанской области, например, при болезнях почек употребляли пустырник (*Leonurus quinquelobatus* Gilib.), а при воспалениях мочевого пузыря – горец почечуйный (*Polygonum persicaria* L.)⁸⁸. Жители Тюменской области для того, чтобы «моча лучше держалась», пили чай из *шипагая* (шиповника – *Rosa cinnamomea* L.). В Новосибирской области при болезнях почек (особенно почечно-каменной болезни) активно применялась морковь (*Daucus sativus* (Hoffm.) Roehl.)⁸⁹.

Важное место отводилось средствам, помогающим при заболеваниях печени. В Муромцевском и Знаменском районах Омской области их лечили с помощью пижмы (*Tanacetum vulgare* L.), пустырника (*Leonurus quinquelobatus* Gilib.) и чистотела (*Chelidonium majus* L.)⁹⁰, а в Усть-Ишимском районе для этого использовали полынь (*Artemisia absinthium* L.) и осиную кору⁹¹. В Северо-Казахстанской области с той же целью применяли тысячелистник (*Achillea millefolium* L.) и растение, называемое «конотопки» или «гусиная трава»⁹². В Новосибирской области хорошими средствами против болезней печени и селезенки считались пастушья сумка (*Capsella bursa pastoris* (L) Medic.) и череда (*Bidens Tripartita* L.)⁹³. Таким образом, при лечении заболеваний печени чаще всего использовали либо ядовитые растения, либо содержащие много горечи.

В особую группу можно объединить средства, применявшиеся для лечения всевозможных кожных заболеваний и опухолей. Среди них большую роль играли растения, обладающие антисептическим и вытягивающим свойствами (при чирьях и нарывах): лук, подорожник (*Plantago major* L.), ромашка (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.) и алоэ (*Aloe arborescens* Mill.)⁹⁴. Для обработки ран очень часто применяли березовые почки, мать-и-мачеху (*Tussilago farfara* L.), подорожник (*Plantago major* L.) и репейник⁹⁵. В Полтав-

ком районе Омской области, как показывают полевые материалы, выбор растения зависел от характера раны. Так, резаные раны лечили соком алоэ (*Aloe arborescens* Mill.) (за это его здесь прозвали «ре-заком»), а к загноившимся прикладывали листья подорожника (*Plantago major* L.)⁹⁶. Противовоспалительными средствами, останавливающими кровь, считались крапива (*Urtica dioica* L., *Urtica urens* L.) и цветы кровохлебки (*Sanguisorba officinalis* L.)⁹⁷. Крапива, по мнению жителей Сибири и Алтая, обладала еще и кровоочистительным действием⁹⁸. В Северо-Казахстанской области она применялась «при расширении вен» и в качестве лекарства от малярии⁹⁹. Здесь же в случае появления чирьев и при других кожных заболеваниях использовалась свекла¹⁰⁰.

Подобный набор средств лечения кожных заболеваний традиционен для славянского населения Сибири в целом¹⁰¹.

При лечении опухолей чаще всего использовали смеси. Среди них следует отметить средство, состоящее из ромашки (*Matricaria chamomilla* L., *Matricaria suaveolens* Buchen.), подорожника (*Plantago major* L.), репейника (*Arctium lappa* L.) и меда. Их брали в следующей пропорции: по одной части ромашки, репья и меда и 1,5 части подорожника¹⁰². В Знаменском районе Омской области и Бишкульском районе Северо-Казахстанской области в случае появления «опухли груди» применялась мать-и-мачеха (*Tussilago farfara* L.)¹⁰³. Использование мать-и-мачехи для этой цели было характерно для русского населения Европейской части России и Сибири в целом, что отмечали многие исследователи конца XVIII–XIX в.¹⁰⁴.

В Полтавском районе были записаны рецепты средств, которые использовали для лечения злокачественных опухолей. Основными их компонентами были лопух (*Arctium lappa* L.) и горчица¹⁰⁵. Казаки же Северо-Казахстанской области «раковые опухоли» лечили с помощью повилики европейской, морковного сока, спиртового настоя пиона, отвара подорожника (*Plantago major* L.) и краевых (т.е. располагающихся по краям) цветов подсолнечника. Использование морковного сока при лечении рака описывалось в конце XIX в. на страницах местной прессы¹⁰⁶.

Средства лечения такой болезни, как «золотуха», подбирались в зависимости от характера ее течения. Однако основным критерием, возможно, служил цвет волос больного¹⁰⁷. Так называемую «светлую золотуху» в Омском Прииртышье повсеместно лечили ягодами и листьями калины, а «темную» – отваром веточек смородины¹⁰⁸. Подобные разновидности болезни не отмечены ни у казаков Северо-Казахстанской области, ни у русских Новосибирской области, которые для этой цели применяли череду¹⁰⁹. Исследователи отмечают также,

что в XIX – начале XX в. русские Сибири и Европейской части России лучшим средством от «золотухи» считали бодягу, используя также девясил (смесь которого с сажеей заставляли запивать холодным чаем из цветов анютиных глазок или листьев бузины), горчак, «гусячья лапка», медуницу, смородину (из нее готовили отвары, которые пили с молоком). Иногда делали ванны из корня конского щавеля или болиголова с добавлением морковного и свекольного сока. В некоторых случаях к больным местам прикладывали морковь и свеклу, тертую пополам с известковой водой. В Сибири противозолотушными средствами также считались листья чабреца (*богородской травы*), «блоховница», корни гвоздики, одуванчика, верхушки полыни (*Artemisia absinthium* L.), череда (*Bidens Tripartita* L.) и семена моркови (*Daucus sativus* (Hoffm.) Roehl.)¹¹⁰. Все перечисленные средства были достаточно эффективными.

Существовали также средства лечения отдельных заболеваний, которые не входили ни в одну из групп. Примером может служить лечение геморроя. Сначала применяли всевозможные слабительные – цветочные сережки черной ольхи, сок рябины (*Sorbus aucuparia* L.), льняное и тыквенное семя, корень едкомлечника и т.п. Затем набор средств изменился. Для этой цели стали использовать растения, обладающие ранозаживляющим, кровоостанавливающим и болеутоляющим свойствами¹¹¹. В Тарском районе Омской области это были «геморройник» и «кукушкины слезки»¹¹². Жители Муромцевского района применяли семена конского щавеля (*Rumex confertus* Will.)¹¹³, а Усть-Ишимского района – корень пастушьей сумки (*Capsella bursa pastoris* (L) Medic.), который считался еще и хорошим средством для лечения «женских» болезней¹¹⁴. У казаков Северо-Казахстанской области популярным средством от геморроя был сырой картофель¹¹⁵, а у жителей некоторых районов Тюменской области – спорыш (именуемый здесь *колотопом, поляной и муравушкой*), а также льнянка¹¹⁶.

Что касается способов употребления перечисленных средств, то заболевания внутренних органов чаще всего лечили отварами (сюда можно отнести и всевозможные лечебные чаи), настойками и настоями (водными и спиртовыми). При врачевании всевозможных травм, заболеваний кожи, а также при ревматических болях использовали компрессы, мази, ванны и т.п.

Способ приготовления многих средств сохранилась до настоящего времени в усеченном виде. Особенно это касается многокомпонентных препаратов, в рецептах которых нередко отсутствуют пропорции ингредиентов смеси. Кроме того, спиртовые настойки и настои часто готовили на основе самогона, в котором практически не-

возможно выяснить содержание спирта, что тоже обуславливало нечеткость рецептур. Необходимая концентрация действующих веществ часто определялась по цвету и консистенции препарата. К тому же в народной медицине существовал индивидуальный подход к лечению многих заболеваний.

Лекарственные препараты, судя по имеющимся источникам, чаще всего принимали внутрь 2–3 раза в день, в зависимости от силы действующих веществ и стадии развития заболевания. Время употребления лекарства обычно связывали с приемом пищи. Доза разового приема лекарства очень часто определялась индивидуально. Более четко она фиксировалась лишь в отношении ядовитых растений и грибов, используемых в качестве внутренних средств. Например, мухоморы пили по несколько капель, разбавляя водой¹¹⁷.

С существованием индивидуального подхода в лечении, вероятно, можно связать практически полное отсутствие информации о противопоказаниях. В Тарском районе Омской области, например, ограничивалось употребление отвара зверобоя мужчинами, т.к. это, по словам информаторов, сильно влияло на потенцию¹¹⁸.

В источниках почти не фиксируются и сроки лечения растительными средствами. Чаще всего их употребляли, «пока болеть не перестанешь или боль не пройдет».

Таким образом, мы видим, что ко второй половине XX в. у русских Омского Прииртышья сформировался достаточно устойчивый комплекс растительных лекарственных средств, включавший в основном местные виды растений. На его формирование большое влияние оказали природные условия региона и хозяйственные занятия населения. Развитие происходило плавно и постепенно, по мере накопления рациональных знаний.

Комплекс содержал в своем составе растения, традиционно используемые славянским населением Сибири и России в народно-медицинской практике. Важное место в нем занимали средства, обладающие широким спектром действия и потому применяемые во многих областях народной медицины. Однако можно выделить несколько групп растений, используемых в определенных сферах народной медицины – кардиологии, гинекологии, педиатрии, в лечении заболеваний дыхательной системы, болезней желудочно-кишечного тракта и т.д. Практически все перечисленные средства применяются и в настоящее время, что свидетельствует о проведении отбора по принципу их эффективности.

Часть из них употреблялись в качестве самостоятельных средств, а часть входит в состав сложных лечебных смесей, составляемых согласно как рациональных, так и иррациональных способов врачевания.

2.2. СРЕДСТВА И МАТЕРИАЛЫ ЖИВОТНОГО И МИНЕРАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В народной медицине русских Омского Прииртышья нашли широкое применение средства и материалы животного происхождения, которые нередко находятся в тесной взаимосвязи с минеральным сырьем. Правила и сферы их употребления складывались постепенно, в ходе развития хозяйственных занятий населения, и во многом зависели от природных особенностей региона. Немаловажную роль в данном процессе играли представления об этиологии заболеваний.

И в северных, и в южных районах изучаемого региона очень широко использовались продукты различных отраслей хозяйства. При этом в районах с развитым животноводством первоначально применялись пищевые средства животного происхождения, а в местностях, где преобладали охота и рыболовство, большой популярностью пользовались продукты указанных сфер хозяйственной деятельности. Форма их употребления зависела от характера заболевания.

При простудных заболеваниях для того, чтобы минимизировать негативное воздействие холода, очень часто использовали компрессы. Основу их составляли животные жиры. Так, в с. Междуречье Тарского района Омской области при простуде рекомендовалось натираться на ночь гусиным жиром. Его растапливали на огне, затем теплым жиром натирали грудь и спину. Сверху больного накрывали целлофаном, завязывали шалью или шерстяным шарфом¹¹⁹. Иногда основной для растираний служили мед, бараний жир или коровье масло¹²⁰. Технология приготовления компресса была аналогичной.

Компрессы применяли и при заболеваниях суставов. Вероятно, это было обусловлено представлениями об этиологии данных болезней. Так, по воспоминаниям жительницы с. Междуречье Тарского района Омской области Л.И. Скульской (см. *Приложение 1*), какая-то бабушка в г. Ташкенте научила ее лечить суставные боли следующим образом: взять сырые яичные белки и соль, тщательно их перемешать, нанести на больное место и завязать чем-нибудь теплым. Данное средство она рекомендовала использовать всем своим знакомым, т.к. оно оказалось очень эффективным¹²¹. В с. Низовое Муромцевского района Омской области для лечения заболеваний спины и позвоночника использовали компресс, состоящий из настоя «желчи» (вероятно, сала или жира) свиной или других домашних животных на редьке или хрене. Их смешивали и настаивали в течение 3 дней, а затем применяли в лечебных целях¹²². Подобное сочетание компонентов было весьма рациональным, т.к. растительные ингредиенты обеспечивали прогревающий эффект, а животный жир (или сало) предотвращал раздражение кожи.

Однако самым распространенным средством от «ломотных заболеваний» были муравьи, которых употребляли повсеместно. Иногда из них готовили так называемое «муравьиное масло» или «муравьиный спирт», т.е. «вытапливали» муравьиную кислоту, используя термическое воздействие¹²³. Использование муравьев отмечено в народно-медицинской практике многих народов Сибири.

Такой симптом многих простудных заболеваний, как кашель, лечили с помощью молока и животных жиров. Молоко нагревали, затем туда добавляли топленое овчье сало или коровье масло. Этот состав обычно пили на ночь. Подобная смесь, по рассказам информаторов, обладала хорошими «мягчительными свойствами»¹²⁴. Иногда применяли молоко в смеси с растительными компонентами – чесноком (*Allium sativum* L.) и анисом (*Anisum vulgare* Gaerth. (*Pimpinella anisum* L.))¹²⁵. Подобные средства были распространены и у русского населения соседних Новосибирской и Тюменской областей¹²⁶.

Часто их дополняли средствами минерального происхождения. Особенно популярным было использование соли. Например, при ангине и простуде рекомендовалось полоскать горло теплым водно-соляным раствором. Иногда раствор заменяли компрессом из соли, который готовили так: соль грели на сковороде, затем высыпали в мешочек из шерсти или хлопка. Такой компресс прикладывали к горлу, которое во избежание ожога предварительно обматывали полотенцем¹²⁷. Казаки Северо-Казахстанской области использовали нагретую соль и при лечении «зоба»¹²⁸. В конце XIX в. соль была очень популярным и эффективным средством от некоторых признаков холеры. Так, священник Тобольской епархии А. Ребрин писал об использовании соли при рвоте, поносе и от холеры. Другим широко известным и эффективным средством было «деревянное» масло в смеси с дегтем¹²⁹. Однако эти средства в дальнейшем вышли из употребления в народно-медицинской практике русских Омского Прииртышья в связи с изменением картины заболеваемости в регионе. Кроме того, минеральное сырье применяли и для избавления от кашля. Например, пили разведенный в воде пережженный сахар¹³⁰.

Такой симптом, часто сопровождающий простуду, как насморк, лечили многочисленными способами. Обычно от него пытались избавиться, воздействуя на слизистую носа резкими запахами. Источники этого запаха могли быть любыми. В Знаменском районе, например, это была жженая вата¹³¹. В конце XIX в. широко распространенными в среде сибирских крестьян были следующие источники сильных запахов: жженая шерсть на кончике хвоста живой кошки, пот от пальцев ног, жженая портянка или стелька из обуви и т.д.¹³² Аналогичные раздражители использовали и русские Европейской части России, а также

у малорусы Полтавской губернии¹³³. В настоящее время они практически не используются в связи с распространением других лекарственных форм – мазей, капель и т.д.

Если болели легкие, то в Муромцевском районе Омской области советовали пить детскую мочу. Из нее также делали примочки, помогавшие при ушибах, т.к. снимали отек и воспаление¹³⁴. Мочу применяло и население Новосибирской области. Здесь ее использовали при воспалении глаз, опухолях и ранах¹³⁵. Вообще моча довольно широко применялась русскими сибиряками при всевозможных заболеваниях. Ее пили от лихорадки. У сургутян она считалась лучшим средством от опьянения: ее насильно вливали в рот бесчувственно пьяному для отрезвления. Кроме того, на Севере из нее делали примочки на глаза¹³⁶.

Животные препараты использовались в северных районах Омского Прииртышья при воспалении легких и удушье. Проводился своеобразный отбор используемых средств. Очень хорошим средством считалось лисье сало. Баранье сало, по мнению местных жителей, для этой цели было пригодно меньше, потому что оно было «слишком тяжелым». Сало, смешанное с настойкой меда и алоэ, втирали в грудную клетку¹³⁷.

При лечении туберкулеза (в Северо-Казахстанской области его называли *чахоткой*) часто употребляли молоко в сочетании со «скотским салом», т.е. жиром крупного рогатого скота. Подобное лечение сопровождали компрессом из «постного масла»¹³⁸. Но особенно популярным средством от туберкулеза во многих районах являлся барсучий жир и баранье сало¹³⁹. Баранье сало обычно смешивали с молоком и медом. В Полтавском районе Омской области эту смесь составляли с соблюдением следующих пропорций: на 1 литр молока брали 2 литра топленого бараньего сала и столько же меда. Все это перемешивали и смазывали полученным составом грудную клетку¹⁴⁰. В соседних регионах, русское население, помимо вышеперечисленных средств, для лечения туберкулеза активно использовало собачье мясо (или собачье сало), которое рекомендовалось регулярно употреблять в пищу¹⁴¹.

В Тюменской области хорошим средством от туберкулеза считалось медвежье сало, которое использовали и для лечения ожогов. Вообще же мясо и отдельные части медведя нашли широкое применение в народной медицине русских сибиряков. Например, в Восточной Сибири медвежье мясо считалось очень «здоровым», т.е. приносящим здоровье. Медвежьим жиром смазывали раны. «Медвежьим толочью» пили от детских нервных припадков, именуемых в данной местности «родимцем» (это название было распространено и в среде

русского населения Омского Прииртышья) и от болей в животе. Желчь медведя в смеси с вином употребляли при лихорадке (иногда ее называли здесь «весновкой»). Медвежьим салом натирались от простуды, а в смеси с молоком пили от туберкулеза (*чахотки*)¹⁴². Наряду с указанным средством, охотниками в случае заболевания туберкулезом и сейчас активно используется сало пещера, которое по своему лечебному воздействию раньше приравнивалось к собачьему и барсучьему, однако считалось более чистым и к тому же полезным для желудка¹⁴³. В среде казаков Северо-Казахстанской области хорошим средством для лечения туберкулеза и многих других легочных болезней считался кумыс¹⁴⁴. Его применение подтверждает тезис о существовании тесных связей между казачеством и местным тюркоязычным населением, выдвигаемый многими исследователями конца XIX – первой половины XIX в.¹⁴⁵

При заболеваниях желудка, поджелудочной железы или тогда, когда «шла слизь», в Знаменском районе Омской области рекомендовали пить сырые яичные белки¹⁴⁶. В местной периодической печати конца XIX в. обнаружены публикации об использовании яиц для лечения желудочно-кишечных заболеваний в народной медицине. Например, священник Тобольской епархии предлагал проверенное на практике средство, помогавшее от диареи у детей: в стакан свежего молока разбить яичный желток, затем тщательно перемешать и вскипятить. Эту смесь нужно было давать ребенку во время кормления. Оставшийся белок смешивали с сахаром и кормили им ребенка 5 раз в день по чайной ложке. Средство было очень действенным на начальном этапе возникновения болезни¹⁴⁷. Часто от болей «в животе» давали пить водку с солью¹⁴⁸.

Ожоги и обморожения лечили средствами, содержащими животный жир. Для этого подходили гусиный жир (или сало) или свиная желчь, которые наносили на больные места¹⁴⁹. Кроме того, исследователями конца XIX в. зафиксировано использование при ожогах и «обварах» такого эффективного средства, как смесь яичного белка с «постным маслом»¹⁵⁰. В соседних регионах комплекс средств, употребляемых в подобных случаях, был несколько шире. Казаки Северо-Казахстанской области при ожогах использовали пережженный козий или овечий помет, смешанный с растительным маслом, натуральную олифу или мелко растолченный овечий кал¹⁵¹. При этом необходимо отметить, что и ожоги, и обморожения лечили одинаковыми средствами, что связано с идентичностью представлений о причинах болезни. В обоих случаях в качестве таковых выступало термическое воздействие на кожу.

При лечении чирьев часто применяли заячью шкуру. Ее намыливали с внутренней стороны и прикладывали этой стороной к чирью.

Считалось, что это средство обладает хорошими вытягивающими свойствами. В Сургутском крае русские помимо этого использовали овечью шерсть, смешанную со сметаной, и тараканов¹⁵². Иногда раны и нарывы русские Сибири лечили жеваным хлебом с солью или медом, из которого делали плотный шарик и прикладывали к больному месту¹⁵³. Жеванный черный хлеб в Полтавском районе Омской области прикладывали и к «ячменю»¹⁵⁴.

Эффективность хлеба, меда и соли при лечении всевозможных опухлей выявлена еще в конце XIX в. и признается до сих пор¹⁵⁵. В местной прессе того времени даны рецепты приготовления пластырей, употребляемых при нарывах и ранах. В их состав входило в основном сырье животного и минерального происхождения. Пластырь от нарывов представлял собой смесь древесной серы или смолы, желтого воска и коровьего, конопляного или «деревянного» масла, елея. Основными компонентами пластыря, ускоряющего заживление ран, были «скотское сало» (жир или сало крупного рогатого скота), порошок горючей серы, селитра, квасцы и камфара¹⁵⁶. В настоящее время для лечения ран чаще всего применяется древесная труха и все, что есть под рукой – сажа, земля, сахар и т.п. Подобная ситуация существовала и раньше – в случае серьезных повреждений обращались к врачевателям, которые готовили сложные смеси, а при легких травмах использовали подручные средства. Нельзя исключать момент внезапности возникновения травм подобного рода – порезаться, пораниться можно было в любое время и в любом месте.

Чесотку и лишай лечили, используя минеральное сырье и средства животного происхождения. Так, в 1930–1950 гг. в Знаменском районе Омской области от чесотки употребляли средство, включавшее деготь и серу. Его на ночь наносили на все тело, а утром смывали в бане¹⁵⁷. В Тюменской области для лечения чесотки использовали средство, состоявшее из пороха и «скотской мази» (т.е. топленого животного сала). Эту мазь наносили за день до мытья в бане. Местные жители объясняли состав мази следующим образом: «Жир смягчает кожу, а порох всю заразу выедает». Иногда порох заменяли горючей серой и куриным пометом¹⁵⁸. Казаки Северо-Казахстанской области обозначали подобные заболевания кожи термином «парша» и использовали для их лечения смесь, основными элементами которой были купорос, порох и сметана¹⁵⁹. В конце XIX в. русские Сургутского края коросты, образующиеся в результате чесотки, смазывали составом из дегтя, сметаны и толченого купороса. Это же средство использовалось и для лечения струпьев, образующихся при венерических заболеваниях. Иногда эти струпья присыпали солью¹⁶⁰.

Мелкие прыщики, появляющиеся на коже при ее раздражении, повсеместно называли «цыпками». Чтобы избавиться от них, на кожу наносили сметану, сливки или вазелин. Указанные средства были очень эффективными¹⁶¹.

Жители Новосибирской области использовали препараты животного происхождения и для лечения такого заболевания, как «летучий огонь». Для приготовления такого средства необходимо было взять яйцо, очистить его и испечь в теплой печной золе. В результате из желтка должен был «вытопиться» своеобразный «жирок», которым и смазывали образовавшиеся прыщики¹⁶².

В Северо-Казахстанской области сырые куриные яйца пили при изжоге, а также лечили ими пяточные «шпоры». Для того чтобы избавиться от «шпор», готовили смесь из куриного яйца, скипидара и уксусной эссенции, смешанных в равных частях. Данную смесь должна была настояться в течение недели в темном месте. Полученным настоем ежедневно перед сном смазывали больное место¹⁶³. В Сургутском крае в конце XIX в. изжогу лечили с помощью мыла, которое ели, или же держали во рту что-то медное¹⁶⁴.

При лечении переломов использовали металлы, особенно медь. В ряде районов Омского Прииртышья считалось, что порошок, который соскребли с медного «пятака» и съели с хлебом, помогает срастаться сломанной кости¹⁶⁵. Подтверждения этому можно найти и в работах исследователей конца XIX в., особенно у священников, которые сами неоднократно принимали участие в лечебных процедурах. Они упоминают об эффективном применении медной воды в лечении переломов¹⁶⁶. Использование меди у русских Сибири было основано на представлении, что медь, принятая внутрь, охватывает место перелома (или излома) кольцом, образуя как бы спайку кости. В этнографической литературе есть немало воспоминаний местных жителей о том, что как только выпьешь медь, сразу почувствуешь, как она начинает «ходить по телу», отыскивая больное место. Считалось, что, найдя его, она тут же останавливается¹⁶⁷.

В конце XIX в. металлы использовали и при ушибах. В данном случае рекомендовалось делать свинцовые примочки или растирать ушибленное место серебром или медью¹⁶⁸. Свинец использовали в конце XIX в. и для избавления от сухих мозолей. По сведениям одного из корреспондентов «Тобольских епархиальных ведомостей», при лечении сухих мозолей весьма эффективным средством был листовый свинец или пластырь, состоявший из разогретого дегтя в смеси с сахаром и селитрой¹⁶⁹. Кроме того, в ряде местностей Сибири широкое применение нашло железо. По сообщению Г.С. Виноградова, русские старожилы Сибири в случае заболевания «зобом» употребляли

водный настой на железе. Для его приготовления брали гвоздь или подкову, отмывали их и клали в холодную воду. Затем нужно было каждый вечер выходить на молодой месяц и пить этот настой¹⁷⁰. В настоящее время в подобных случаях чаще всего применяют растительные препараты и всевозможные мази.

В с. Малая Бича Усть-Ишимского района Омской области зафиксированы своеобразные способы лечения болезней глаз. Когда у одной девочки «закрылись глаза», ей начали прикладывать на затылок коровий навоз. От этого ей стало хуже. Тогда стали использовать простоквашу. Вероятно, подобный способ был основан на наблюдениях, которые позволили выяснить, что данные средства обладают вытягивающими и смягчающими свойствами.

В случае появления «бельма» в глаза закапывали капли. Готовили их следующим образом: у булки кислого хлеба срезали нижнюю часть и ставили срезом на тарелку, на дно которой были насыпаны 2 чайные ложки сахара. Затем ждали, когда на тарелке появятся капельки. Капли эти необходимо было использовать в течение двух недель¹⁷¹.

С хлебом было связано и лечение коклюша в Тобольском районе Тюменской области. Здесь, чтобы избавиться от коклюша, в хлеб запекали живую вошь и давали съесть этот хлеб больному ребенку¹⁷². Аналогичное использование хлеба и вшей, но уже для лечения желтухи, отмечено Г.С. Виноградовым у старожилов Восточной Сибири¹⁷³.

На довольно архаичных славянских представлениях, связанных с лечебными свойствами змеи, основано применение в некоторых районах Омского Прииртышья ужиной «выползки» (кожи, оставленной змеей при линьке) для профилактики и лечения лихорадки (здесь ее называли *лихоманка*). Чтобы от нее избавиться, больному необходимо было постоянно носить «выползок» на шее, а в профилактических целях его вешали на стену жилой комнаты. Подобное использование змеиного «выползка» отмечено многими исследователями конца XIX в. практически на всей территории Сибири¹⁷⁴. В Новосибирской области русские для приготовления средства, помогающего в случае змеиных укусов, использовали саму змею. Для этого ловили, помещали в какой-нибудь сосуд и заливали дегтем. Препарат можно использовать лишь после того, как змея полностью растворится. Полученный раствор наносили на место укуса¹⁷⁵.

От укусов бешеной собаки в Новосибирской и Северо-Казахстанской области использовали пепел, полученный в результате сжигания клочка шерсти этой собаки¹⁷⁶. Пепел от сжигания собачей шерсти действительно обладает определенным обеззараживающим свойством.

С представлениями об этиологии заболеваний связано использование пиявок. Если болела спина, то их ставили на спину, если ноги –

то на ноги, если зубы – то на десны, при повышенном давлении и головной боли – на затылок¹⁷⁷. Сбором пиявок чаще всего занимались «знающие люди»¹⁷⁸. К сожалению, в полевых источниках не зафиксирована технология сбора пиявок. Однако в литературе некоторые методы описаны. Самый простой из них был следующим: человек заходил в водоем, где водились пиявки, и через некоторое время выходил оттуда весь облепленный ими. Считалось, что пиявки присасываются лишь к больному месту. Подобные воззрения существовали у русских Омского Прииртышья¹⁷⁹.

Жители ряда сел Муромцевского района Омской области утверждают, что лечению пиявками их научили татары, проживавшие в соседних населенных пунктах. Татары являлись и основными поставщиками пиявок. Например, жители д. Дурново и с. Мыс имели подобные связи с татарами д. Черталы и Юрт-Бергамак¹⁸⁰. Использование пиявок в народно-медицинской практике русских Омского Прииртышья зафиксировали многие исследователи конца XIX в. Например, один священник Тобольской епархии в случае повышения температуры тела при горячке советовал ставить пиявок на ноздри, а при сильной ломоте глаз – на затылок¹⁸¹.

Необходимо отметить и то, что русское население изучаемого региона в конце XIX – начале XX в., возможно, использовало препараты, основу которых составляли панты (рога марала). Скорее всего, это могли позволить себе зажиточные крестьяне и казаки, которые активно контактировали с русским населением Алтая, добывавшим панты, а также с китайцами, готовившими из пантов лекарства. Средства эти использовались также для повышения потенции у мужчин, для облегчения родов и лечения бесплодия у женщин¹⁸². В настоящее время подобные средства не зафиксированы в материалах полевых этнографических обследований русских Омского Прииртышья, однако они продолжают бытовать на территории Алтая. Данная ситуация, вероятно, связана с тем, что подобные лекарства были достаточно дорогими и их постепенно заменяли местными средствами, например, бобровой струей, которая еще в XVIII в. использовалась в Европейской части России для усиления потенции у мужчин¹⁸³.

В ряде мест применялось такое минеральное сырье, как глина и грязь, обладающая лечебными свойствами. На территории Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX в. большой известностью пользовались грязи озера Эбейты. В 1920-е гг. профессор И.Н. Шухов провел тщательное изучение свойств этих грязей. К работе было привлечено и местное население. В результате исследований было выяснено, что наибольший лечебный эффект приносит наружное употребление черной глины со дна озера. Местные жители давно подметили

эти свойства и при ревматических болях и различных кожных заболеваниях ходили на озеро и обмазывали все тело грязью¹⁸⁴. Подобное употребление лечебных свойств глины и грязи зафиксировано многими исследователями конца XIX – начала XX в. на территории Сибири и Алтая.

Одновременно с применением глины и грязи население активно употребляло воду, которая чаще всего была насыщена минеральными солями. Особенно богата на подобные источники Барабинская степь и Забайкалье¹⁸⁵.

Помимо рационального использования, средства и материалы животного и минерального происхождения активно применялись и при иррациональных процедурах. Особенно часто для этих целей употреблялись вода, воск и уголь. Все они играли большую роль в народной медицине. Их использовали при лечении испуга, сглаза (*озена, озева*), лихорадки и икоты. Чаще всего для этих целей брали чистый пчелиный воск, который не был освящен в церкви. В некоторых местах даже запрещалось использовать воск от церковных свечей. Все перечисленные средства применяли в основном профессиональные врачи¹⁸⁶.

К воде, употреблявшейся с лечебной целью, предъявлялись особые требования. Например, большой популярностью пользовалась «святая вода», которую набирали из освященной проруби (в Усть-Ишимском районе Омской области эту прорубь называли *иорданью*, у казаков Северо-Казахстанской области ее делали в форме креста) в праздник Крещения (19 января). Этой водой сбрызгивали все в доме, чтобы обеспечить здоровье членам своей семьи. Считалось, что «святая вода» могла храниться сколько угодно, не теряя своих лечебных качеств¹⁸⁷.

В ряде мест для лечения применяли росу. Например, в Усть-Ишимском районе Омской области, чтобы вылечить болезнь глаз, необходимо было умыться так называемой «ивановской росой», которая появлялась утром на день Ивана Купала (7 июля)¹⁸⁸. Подобное употребление росы отмечено исследователями у многих славянских народов. Упоминали они и об использовании снега в косметических процедурах¹⁸⁹. Согласно полевым материалам, в с. Низовое Муромцевского района Омской области существовало представление, что от веснушек нужно избавляться весной. Для этого умывались снегом, когда возвращались первые скворцы¹⁹⁰.

Таким образом, материалы животного и минерального происхождения нашли широкое употребление в ряде сфер народной медицины. Эти средства пользовались большой популярностью при лечении заболеваний дыхательной системы, желудочно-кишечного тракта и

мочеполовой системы, а также при всевозможных поражениях кожи.

При этом в процессе лечения болезней внутренних органов практиковался внутренний прием лекарства, а при всевозможных поражениях кожи они применялись как наружные средства (компрессы, пластыри, обертывания, присыпки и примочки).

Набор лечебных средств был обусловлен особенностями хозяйственной деятельности населения. Именно поэтому широко употреблялись такие пищевые продукты животного происхождения, как молоко, масло, сметана, творог, животные жиры, яйца и мед, а также шерсть, помет домашних животных и т.п. Применялись и вещества животного происхождения, полученные посредством охоты, рыболовства и т.п. Особенно популярны были жиры таких животных, как барсук, лисица и медведь. Важное место принадлежало применению пиявок.

Из минеральных веществ большую роль в народной медицине русских Омского Прииртышья играла соль. В конце XIX – первой половине XX в. здесь использовалась соль двух видов – озерная и поваренная. Лишь с середины XX в. население стало применять в основном поваренную соль. Данный материал употреблялся практически во всех сферах народно-медицинских знаний.

Из металлов активно применялись медь, свинец и железо, которые чаще всего использовали для того, чтобы ускорить процесс заживления мозолей, переломов и вывихов.

Наряду с обозначенными средствами употреблялись вода (во всех физических состояниях), воск и уголь. Народные представления о свойствах данных веществ были связаны с верой в их очистительные качества и отражали общеславянские воззрения. Именно поэтому перечисленные средства использовались в иррациональных приемах лечения.

В целом комплекс лечебных средств в народной медицине русских Омского Прииртышья формировался постепенно, по мере накопления опыта, и во многом был связан с развитием хозяйственной деятельности. Для него характерна комплексность и переплетение рационального с иррациональным.

Не смотря на развитие животноводства и охоты, русские Омского Прииртышья не использовали кровь в качестве лечебного средства. Вероятно, это было обусловлено силой архаичных представлений о крови – вместилище жизни и здоровья, поэтому ее употребление было запрещено.

В представлениях о лечебных средствах, бытовавших у русского населения исследуемого региона, прослеживаются многие общесибирские воззрения (о действии некоторых металлов на организм, об ис-

пользовании муравьев и т.д.). Кроме того, хорошо сохранился и пласт славянских воззрений (особенно в пограничных областях), связанных с календарной обрядностью (например, купальские обряды и обычаи). В процессе применения многих лекарственных средств важным оказался индивидуальный подход, который обусловил большое количество средств широкого спектра действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 21-2. – Л. 73, 83; п. 23-3. – Л. 125; п. 93-2. – Л. 80, 81; п. 163-4. – Л. 10, 17, 21, 22.

² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 21-2. – Л. 73, 83; п. 23-3. – Л. 125.

³ *Дражева Р.Д.* Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян // СЭ. – 1973. – № 6. – С. 109–119; *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 39–41; *Шустиков А.* Троицина Кадниковского уезда: (Бытовой очерк) // ЖС. – СПб., 1893. – Вып. III. – С. 120.

⁴ *Высоцкий Н.Ф. (проф.)* Очерки нашей народной медицины // Зап. Моск. археолог. ин-та. – М., 1911. – Т. XI. – С. 115–117.

⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 19.

⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 77-1. – Л. 115; п. 163-4. – Л. 11; п. 163-7. – Л. 78, 80.

⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 36–37, 43.

⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 18.

⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 57.

¹⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 36–37; п. 101-2. – Л. 56, 58.

¹¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-4. – Л. 3.

¹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 21, 37.

¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 30, 33.

¹⁴ *Лебединский В.* Ботанический очерк Тарского округа Тобольской губернии // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1884. – Кн. VI. – С. 1–3; *Плотников Н.А.* Конспект флоры Омской области. – Новосибирск, 1992; *Семенов В.Ф.* Растительность Омской области. – Омск, 1937. – С. 20–55; *Сиязов М.М.* К флоре правой стороны Иртыша между Омском и Усть-Каменогорском // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1907. – С. 9–22; *Сиязов М.М.* Остатки лесной флоры вблизи Омска // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1912. – С. 1–18 и др.

¹⁵ *Торэн М.Д.* Русская народная медицина... – С. 123–129.

¹⁶ *Лебединский В.* Ботанический очерк... – С. 4.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 19-2. – Л. 95.

¹⁸ Эти сюжеты подробно освещены в работах Н.Ф. Высоцкого, Н.Л. Скалзубова, М.Д. Торэн.

¹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 15-1. – Л. 8.

²⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 1; п. 163-3. – Л. 1, 10, 27.

²¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 10, 20; п. 163-3. – Л. 18.

²² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 52-3. – Л. 61.

²³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 4, 7, 16; п. 101-2. – Л. 56.

²⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 31, 35; п. 163-3. – Л. 11, 27.

- 25 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 13; п. 163-3. – Л. 9–10, 17.
- 26 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 31, 36; п. 87-2. – Л. 156–157.
- 27 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 19-2. – Л. 95; п. 20-5. – Л. 29, 67.
- 28 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 36–37; п. 163-3. – Л. 16.
- 29 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 28; п. 52-3. – Л. 69, 70; п. 77-1. – Л. 115.
- 30 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 21.
- 31 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 80.
- 32 Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – СПб., 1889. – С. 6–15, 30–33; Овчинников М. Чем лечатся иркутские крестьяне // ЭО. – 1893. – № 3, кн. XVIII. – С. 159.
- 33 Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Гинекология... – С. 16–30.
- 34 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 29, 37; п. 20-5. – Л. 53, 54, 68; п. 61-1. – Л. 33, 36; п. 77-1. – Л. 115; п. 101-2. – Л. 55–58; п. 163-3. – Л. 1, 2, 11, 18; п. 163-7. – Л. 83; Уткин Л.А. Народные лекарственные растения Сибири // Тр. Науч.-исслед. хим.-фарм. ин-та. – М.; Л., 1931. – Вып. XXIV. – С. 15–20.
- 35 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 9; п. 163-7. – Л. 80.
- 36 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 3, 6, 11, 15, 22, 26; п. 20-5. – Л. 15, 57, 69; п. 48-1. – Л. 36–39; п. 52-3. – Л. 70; п. 77-1. – Л. 115; п. 101-2. – Л. 57; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. – 1915. – Вып. IV. – С. 336–337; Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 20–21.
- 37 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 58.
- 38 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 57.
- 39 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 2, 5, 30, 36, 39.
- 40 Недосеков К. (протоиерей) Врачебные советы приходского пастыря // ТЕВ. – 1883. – № 18. – Отд. неофиц. – С. 377–378.
- 41 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 68; п. 87-2. – Л. 114, 139.
- 42 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 203.
- 43 Виноградов Г.С. Самоврачевание... – С. 336–337.
- 44 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 57.
- 45 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 18; Осокин Г.М. На границе Монголии: (Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья). – СПб., 1906. – С. 298.
- 46 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 38; п. 20-5. – Л. 65; п. 48-1. – Л. 38–39.
- 47 Виноградов Г.С. Самоврачевание... – С. 339.
- 48 С.А.Р. Простые народные средства от различных болезней // ТЕВ. – 1885. – № 21–22. – Отд. неоф. – С. 500.
- 49 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 27, 34; п. 20-5. – Л. 17, 21; п. 48-1. – Л. 36–37; п. 52-3. – Л. 62; п. 87-2. – Л. 143, 148, 153; п. 163-3. – Л. 27–28; п. 163-7. – Л. 79.
- 50 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 56; п. 61-1. – Л. 31; п. 101-2. – Л. 58; п. 163-7. – Л. 78.
- 51 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 55, 56; п. 163-7. – Л. 83.
- 52 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 78, 83, 89.
- 53 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58, 60, 64, 67.
- 54 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 56.
- 55 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 18; п. 101-2. – Л. 56.
- 56 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 32; п. 48-1. – Л. 36–37; С.А.Р. Простые народные средства... – С. 500.
- 57 Виноградов Г.С. Самоврачевание... – С. 338–340; Коваленко Гр. К народной медицине малорусов // ЭО. – 1891. – № 3, кн. X. – С. 172–173; Уткин Л.А. Народные лекарственные растения... – С. 23–27; Шустиков А.А. Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // ЖС. – 1902. – Вып. II. – С. 202–203.
- 58 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39; п. 163-3. – Л. 4; В-ков Г. (свящ.) Случаи врачебной помощи приходского священника // ТЕВ. – 1889. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 40.
- 59 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 60, 65, 68.
- 60 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 37; п. 20-5. – Л. 51, 65; п. 48-1. – Л. 43; п. 101-2. – Л. 55–58; п. 163-3. – Л. 11.
- 61 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 58; п. 163-3. – Л. 2–4.
- 62 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 12; п. 163-3. – Л. 3.
- 63 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 31, 35; п. 20-5. – Л. 23, 28, 31, 62; п. 163-3. – Л. 11, 27.
- 64 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 58.
- 65 Килломан Ю., Колоколов М. Флора города Омска и его окрестностей // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1884. – Кн. VI. – С. 21.
- 66 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 93-2. – Л. 81.
- 67 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 36–39.
- 68 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 13, 14, 62.
- 69 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 16, 29, 31, 50.
- 70 Виноградов Г.С. Самоврачевание... – С. 336.
- 71 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 202; п. 48-1. – Л. 43; п. 61-1. – Л. 32; п. 163-3. – Л. 3.
- 72 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 23, 24, 28, 61, 69.
- 73 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 24; п. 101-2. – Л. 57.
- 74 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 203.
- 75 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 20, 55.
- 76 Демич В.Ф. Педиатрия у русского народа // ВОГСПМ. – 1891. – Отд. II: Общественная гигиена. – Т. XI, кн. III. – С. 209–210; Коваленко Гр. К народной медицине... – С. 172; Овчинников М. Чем лечатся... – С. 159; Осокин Г.М. На границе... – С. 296.
- 77 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 55, 56; п. 163-3. – Л. 11, 27.
- 78 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 55.
- 79 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-7. – Л. 83.
- 80 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 20, 59, 61.
- 81 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 33; п. 87-2. – Л. 154–155.
- 82 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 204; п. 138. – Л. 48.
- 83 Демич В.Ф. Педиатрия... – С. 176–177; Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 200–201.
- 84 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 1, 2, 22.
- 85 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 9–10.
- 86 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 28; п. 101-2. – Л. 55, 57.
- 87 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39.
- 88 МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58, 64.

- ⁸⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 147.
- ⁹⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 17, 26; п. 101-2. – Л. 55; п. 163-7. – Л. 83.
- ⁹¹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 202, 204.
- ⁹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 23.
- ⁹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 158, 159.
- ⁹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 16; п. 48-1. – Л. 38–39; п. 52-3. – Л. 70; п. 163-7. – Л. 82.
- ⁹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 18; п. 20-5. – Л. 12, 52, 64; п. 87-2. – Л. 149, 151; п. 101-2. – Л. 56; п. 163-3. – Л. 2, 19.
- ⁹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 48-1. – Л. 38–39.
- ⁹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 87-2. – Л. 142; п. 101-2. – Л. 57; п. 163-3. – Л. 11.
- ⁹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 18-1. – Л. 12; п. 101-2. – Л. 56.
- ⁹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 56, 61.
- ¹⁰⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 30.
- ¹⁰¹ Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // ВОГСПМ. – 1911. – № 11, 12. – СПб., 1911. – С. 48–55; Неклепаев И.Я. Поверья... – С. 192–195.
- ¹⁰² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 19.
- ¹⁰³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 23–24; п. 163-7. – Л. 80.
- ¹⁰⁴ Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Гинекология... – С. 39; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. – СПб., 1795. – Ч. I. – С. 77.
- ¹⁰⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 24; п. 48-1. – Л. 36–37.
- ¹⁰⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58, 60, 61; Яковлев А. Простые средства // ТЕВ. – 1892. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 229–230.
- ¹⁰⁷ Этот критерий встречается у Г.С. Виноградова при описании способов лечения золотухи в среде русского старожилородного населения Восточной Сибири.
- ¹⁰⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 203; С.А.Р. Простые народные средства... – С. 501–502.
- ¹⁰⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 56; п. 87-2. – Л. 159.
- ¹¹⁰ Демич В.Ф. Педиатрия... – С. 175–179; Неклепаев И.Я. Поверья... – С. 195–196; Шустиков А.А. Простонародное лечение... – С. 204–205.
- ¹¹¹ Брыков И. О некоторых простонародных средствах, в Сибири употребляемых. Сообщены штаб-лекарем коллежским ассессором И. Брыковым, бывшим членом Томской врачебной управы // Военно-медицинский журнал. – Ч. XIII, № 1. – СПб., 1829. – С. 45–46; Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия... – С. 57–58.
- ¹¹² МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 21–22.
- ¹¹³ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 101-2. – Л. 57.
- ¹¹⁴ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 23-3. – Л. 203.
- ¹¹⁵ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 58.
- ¹¹⁶ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 61-1. – Л. 33.
- ¹¹⁷ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 4, 17.
- ¹¹⁸ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 1.
- ¹¹⁹ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 163-3. – Л. 3.
- ¹²⁰ МАЭ ОмГУ. – Ф. I, п. 20-5. – Л. 17, 20; п. 48-1. – Л. 34–35; п. 163-3. – Л. 4.

¹²¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-3. Л. 5.

¹²² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 112-1. Л. 145.

¹²³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 23-3. Л. 202; Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 191; С.А.Р. Простые народные средства от различных болезней // Тобольские епархиальные ведомости. – 1885. – № 21-22. – Отдел неофициальный. – С. 498; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 113.

¹²⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-3. Л. 9. Аналогичные средства применительно к концу XIX – началу XX в. описаны Г.С. Виноградовым, И.Я. Неклепаевым, Г.М. Осокиным и др.

¹²⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 79.

¹²⁶ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 87-2. Л. 117.

¹²⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 87-2. Л. 117; Врачебные и ветеринарные советы // Тобольские епархиальные ведомости. – 1882. – № 11-12. – Отдел неофициальный. – С. 247.

¹²⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 45.

¹²⁹ Ребрин А., священник. Простые и всем доступные средства от холеры // Тобольские епархиальные ведомости. – 1893. – № 9-10. – Отдел неофициальный. – С. 175.

¹³⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 79.

¹³¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 78.

¹³² Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 339.

¹³³ Коваленко Гр. К народной медицине малорусов // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 3. – Кн. X. – С. 173; Шустиков А.А. Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // Живая старина. – 1902. – Вып. II. – С. 202.

¹³⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 81.

¹³⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 87-2. Л. 92.

¹³⁶ Это отмечали такие исследователи народной медицины русских Сибири, как Г.С. Виноградов, И.Я. Неклепаев, М.Д. Торэн.

¹³⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 112-1. Л. 145.

¹³⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 89; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилородного населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 340; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 116.

¹³⁹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 16, 17, 20; П. 93-2. Л. 73.

¹⁴⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 48-1. Л. 38 - 39.

¹⁴¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 61-1. Л. 44; П. 87-2. Л. 117.

¹⁴² Мясо медведя и отдельные его части нашли широкое применение в народной медицине большинства северных народов, однако существовали и запреты на использование некоторых частей медведя, что было связано с народными верованиями, распространенными в среде данных народов. См. об этом: Мазалова Н.Е. Народная медицина локальных групп русского Севера // Русский Север: К проблеме локальных

групп. – СПб., 1995. – С. 93 - 95; Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб., 1906. – С. 302; Попова А.М., Виноградов Г.С. Медведь в воззрениях русского старожилго населения Сибири // Советская этнография. – 1936. - № 3. – С. 78 - 83.

¹⁴³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 61-1. Л. 44.

¹⁴⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 18.

¹⁴⁵ Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (К вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. XV. – Вып. II. – Омск, 1893. – С. 1 - 38; Сибирское казачье войско. Список населенных мест. По сведениям за 1876 год. / Сост. Ф.Н. Усов. – Омск, 1877. – С. LVIII - LIX.

¹⁴⁶ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 84.

¹⁴⁷ Недосеков К. (протоиерей) Врачебные советы приходского пастыря // Тобольские епархиальные ведомости. – 1883. - № 18. – Отдел неофициальный. – С. 377.

¹⁴⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 72.

¹⁴⁹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 48-1. Л. 38-39; П. 163-3. Л. 19, 28.

¹⁵⁰ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 347; Недосеков К. (протоиерей) Врачебные советы приходского пастыря // Тобольские епархиальные ведомости. – 1883. - № 18. – Отдел неофициальный. – С. 379 - 380; С.А.Р. Простые народные средства от различных болезней // Тобольские епархиальные ведомости. – 1885. - № 21-22. – Отдел неофициальный. – С. 502; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 118.

¹⁵¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 10, 16, 18, 19, 21, 30, 70.

¹⁵² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 78. Некоторые исследователи народной медицины русских Сибири отмечали повсеместное использование заячьей шкуры и мыла для лечения опухолей, нарывов и гноящихся ран. См. об этом: Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 192; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 111.

¹⁵³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 84.

¹⁵⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 48-1. Л. 38 - 39.

¹⁵⁵ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 347; Врачебные и ветеринарные советы // Тобольские епархиальные ведомости. – 1882. - № 11-12. – Отдел неофициальный. – С. 247; Яковлев А. Простые средства // Тобольские епархиальные ведомости. – 1892. - № 9-10. – Отдел неофициальный. – С. 230.

¹⁵⁶ В-ков Г. (свящ.) Случаи врачебной помощи приходского священника // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. - № 1-2. – Отдел неофициальный. – С. 41.

¹⁵⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 82.

¹⁵⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 138. Л. 39, 48, 50.

¹⁵⁹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 17.

¹⁶⁰ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 194.

¹⁶¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 17; П. 48-1. Л. 38 - 39; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 353.

¹⁶² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 87-2. Л. 92.

¹⁶³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 59, 70.

¹⁶⁴ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 199.

¹⁶⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 81.

¹⁶⁶ В-ков Г. (свящ.) Случаи врачебной помощи приходского священника // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. - № 1-2. – Отдел неофициальный. – С. 42; Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 348 - 349.

¹⁶⁷ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 349; Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. – Тюмень, 1997. – С. 196.

¹⁶⁸ Врачебные и ветеринарные советы // Тобольские епархиальные ведомости. – 1882. - № 11-12. – Отдел неофициальный. – С. 247.

¹⁶⁹ С.А.Р. Простые народные средства от различных болезней // Тобольские епархиальные ведомости. – 1885. - № 21-22. – Отдел неофициальный. – С. 504.

¹⁷⁰ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 347.

¹⁷¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 23-3. Л. 203.

¹⁷² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 138. Л. 39.

¹⁷³ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. – 1915. – Вып. IV. – С. 334.

¹⁷⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-3. Л. 11. Аналогичный способ лечения был зафиксирован у русских сибиряков в конце XIX в. Г.С. Виноградовым в Восточной Сибири, И.Я. Неклепаевым в Сургутском крае, кн. Н. Костровым в Томской губернии. Значение змеи в народной медицине и народные представления о ней, бытующие в среде славян, рассмотрены В.Ф. Демичем, Н.Е. Мазаловой, М.Д. Торэн. См. об этом: Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине. Очерк В.Ф. Демича // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. – 1899. - № 10. – СПб.: Типография МВД, 1899. – 60 с.; Мазалова Н.Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север: К проблеме локальных групп. – СПб., 1995. – С. 82 - 85.

¹⁷⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 87-2. Л. 119; Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С.111 - 112.

¹⁷⁶ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 10; П. 87-2. Л. 108, 119. Подобный способ лечения собачьих укусов зафиксирован в конце XIX в. у русского населения в Сургутском крае и в Восточной Сибири. По наблюдениям жителей указанных регионов собачий зуб – очень плохой, т.к. место укуса долго не заживает.

¹⁷⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 71, 72, 73, 74, 75, 82; П. 163-7. Л. 82.

¹⁷⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. Л. 84.

¹⁷⁹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 71, 72, 73, 74, 75, 82; П. 163-7. Л. 82.

¹⁸⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 93-2. Л. 72, 73, 74, 75.

¹⁸¹ Недосеков К. (протоиерей) Врачебные советы приходского пастыря // Тобольские епархиальные ведомости. – 1883. - № 18. – Отдел неофициальный. – С. 379.

¹⁸² ГАОО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 53. Л. 33 об. - 34 об.; Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ Н.М. Ядринцева (По поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. II. – Омск, 1880. – С. 1 - 147; Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве в Алтае // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. I. – Омск, 1879. – Отдел «Смесь». – С. 1 - 6.

¹⁸³ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. – Ч. I. – СПб., 1795. – С. 72 - 74, 102.

¹⁸⁴ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 11. 16 л.

¹⁸⁵ Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб., 1906. – С. 126 - 130; Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ Н.М. Ядринцева (по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) // Зап. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. II. – Омск, 1880. – С. 31 - 32.

¹⁸⁶ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 19, 21; П. 48-1. Л. 34 - 35, 40, 41; П. 61-1. Л. 43 - 45, 52 - 54; П. 77-1. Л. 116; П. 87-2. Л. 75, 77, 119, 133; П. 87-3. Л. 30; П. 92-3. Л. 53; П. 112-1. Л. 80-81; П. 153-6. Л. 88; П. 163-3. Л. 14, 23 - 25, 29, 30; П. 163-7. Л. 77, 84, 85, 86.

¹⁸⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 20-5. Л. 94, 97; П. 21-2. Л. 81; П. 163-3. Л. 30.

¹⁸⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 21-2. Л. 83.

¹⁸⁹ Торэн М.Д. Русская народная медицина XIX – начала XX вв. // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С. 123.

¹⁹⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 112-1. Л. 146.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные нами исследования позволили относительно полно представить процессы функционирования народно-медицинских знаний у русского населения Омского Прииртышья на протяжении конца XIX–XX в. По мере возможности, были восстановлены и изучены некоторые утраченные к настоящему времени способы и средства лечения, а также представления, связанные с ними.

В результате можно сделать следующие выводы.

1. В структуре комплекса народно-медицинских знаний русских Омского Прииртышья можно выделить несколько тесно взаимосвязанных сфер, имеющих свои особенности. Все эти сферы характеризует наличие двух слоев знаний. Первый из них был доступен широкому кругу населения, а второй – лишь небольшому слою врачей. При этом к фигуре врача предъявлялся ряд общих требований, среди которых необходимо отметить существование возрастного ценза, влияющего и на процесс передачи знаний.

В области диагностики большую роль играли представления об этиологии заболеваний. Кроме того, здесь существовала определенная диспропорция: четко диагностировались всевозможные наружные заболевания, но недостаточно была развита диагностика заболеваний внутренних органов. Вероятно, это было связано с особенностями анатомо-физиологических представлений русского населения исследуемого региона.

В сфере профилактики, включавшей санитарно-гигиенические нормы и знания, прослеживается очень тесная связь с такими элементами культуры, как календарная обрядность, одежда, пища и жилище. Именно в данной сфере проявились некоторые различия между группами старожилов и поздних переселенцев. В процессе адаптации эти различия несколько сгладились. При этом произошедшие изменения затронули в основном группы поздних переселенцев.

Что касается области лечебных приемов и средств, то здесь большую роль играл индивидуальный подход и возрастная дифференциация. У разных групп русского и нерусского населения исследуемого региона очень часто совпадала рациональная составляющая лечебных приемов и средств. Однако представления о необходимости и способах тех или иных лечебных средств часто различались. Эту ситуацию можно объяснить тем, что основная масса лекарственных средств была местного происхождения, а отбирали их по принципу эффективности.

2. В числе основных факторов, влияющих на процессы трансформации народно-медицинских знаний русского населения в исследуемый период, необходимо отметить особенности хозяйства, которые обусловили формирование определенных навыков использования лекарственных средств.

Большую роль в распространении народно-медицинских знаний в исследуемом регионе сыграло отсутствие эффективной квалифицированной медицинской помощи. Процессы изменения народно-медицинских знаний нередко были обусловлены трансформацией картины заболеваемости в регионе. Так, например, к настоящему времени вышли из употребления нормы и представления, связанные с лечением тифа, холеры, дифтерита, чумы. Зато стали развиваться и широко внедряться нормы, связанные с лечением заболеваний сердца, всевозможных опухолей и т.д.

На развитие иррационального пласта знаний и представлений большое влияние оказали традиции и способы передачи знаний. Устный способ передачи способствовал тому, что некоторая часть знаний была утеряна или искажена.

3. Традиционные сферы народно-медицинских знаний русских Омского Прииртышья содержали 3 основных пласта: общесибирский, общеславянский и локальный.

Общесибирский пласт главным образом был связан с опытом использования многих лекарственных средств, широко распространенных в Сибири. При этом данный слой был общим не только для русских сибиряков, но и других народов.

Общеславянский пласт в основном затрагивал представления об этиологии некоторых заболеваний, а также многие иррациональные нормы и воззрения. Сюда могут быть отнесены представления о всевозможных духах болезней, очень часто олицетворяемых с образом женщины. Особенно ярко это проявилось в отношении таких заболеваний, как лихорадка и холера. К их числу могут быть отнесены всевозможные «крикливцы», «щекотуны» и «криксы». Особенно древний пласт знаний связан с представлениями о порче и сглазе и способах их лечения.

Локальный пласт содержал выработанные на практике оригинальные способы использования некоторых лекарственных средств. Кроме того, он затрагивал особенности сложившейся структуры народно-медицинских знаний. Что касается лечебных средств, то необходимо отметить следующее: русское население исследуемого региона в изучаемый период в лечебных целях не употребляло кровь.

К концу XX в. был достигнут высокий уровень интеграции народно-медицинских знаний русских переселенцев с народной медициной старожилов Омского Прииртышья, что характеризуется их значительной близостью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Омской области (ГАОО)

Ф. 2. Сибирский генерал-губернатор:

оп. 1, д. 62. О медицинских чинах (о снабжении Сибирского края медицинскими чинами), послужные списки о состоящих в Тобольской губернии врачебной управы чинах и о находящихся по городам штаб-лекарях; рапорта врачебных управ разных городов и о прививке коровьей оспы и о другом. 1806 г.;

оп. 1, д. 151. Дело о медицинских чинах и о повивальных бабках, также об аптекарских чинах изданиях 1 января 1810 г. по I Отделению;

оп. 1, д. 227. По представлению Тобольского гражданского губернатора о повальной в Березовском округе горячке и о недостатке в Тобольской губернии лекарей. 1814 г.;

оп. 1, д. 303. О болезнях и падеже на скот в Томской губернии (описание сибирской язвы, появляющейся на людях; о сделанном распоряжении по прекращению болезни и о другом). 1817 г.;

оп. 1, д. 304, т. 1, л. 1–164. О болезнях и падеже скота в Тобольской и Томской губерниях, тут же об образе лечения от заразы (о принятых мерах к прекращению чумы, горячки и натуральной оспы, ведомость, сколько в Тобольской губернии пало рогатого скота и другие сведения). 19.03.1817–20.07.1822 гг.;

оп. 1, д. 304, т. 2, л. 165–316. О болезнях и падеже скота в Тобольской и Томской губерниях, тут же об образе лечения от заразы (о принятых мерах к прекращению чумы, горячки и натуральной оспы, ведомость, сколько в Тобольской губернии пало рогатого скота и другие сведения). 19.03.1817–20.07.1822 гг.;

оп. 1, д. 321, л. 16–20 об. Указ его Императорского величества самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената по I Департаменту с Мнением Государственного совета и штата медицинским чиновникам и повивальным бабкам по губерниям. 1818 г.

Ф. 12. Тюкалинский городничий:

оп. 1, д. 25. Правила, постановления медицинским чиновникам для предохранения от болезни холеры и для лечения оной. 1829–1830 гг.;

оп. 1, д. 49. Дело об открывающейся в разных местностях болезни, называемой сибирской язвою и о прочем. 1835 г.

Ф. 67. Войсковое хозяйственное правление сибирского казачьего войска:

оп. 1, д. 203. По предложению Омского областного начальника о принятии предосторожности от существовавшей в Оренбургской губернии болезни, называемой холерой. Наставления. 1829 г.;

оп. 1, д. 661. О принятии предохранительных мер против болезни холеры. Переписка и рапорта о состоянии больных и прекращении болезни. 1852–1853 гг.;

оп. 1, д. 947. О происшествиях по Сибирскому казачьему войску в 1862 г. Рапорта о числе родившихся и умерших по казачьему войску, нечаянные смертные случаи, скотские падежи, наводнения, землетрясения, пожары, бури, повальные болезни;

оп. 1, д. 1098. Статистические сведения по Сибирскому казачьему войску за 1869 г. Омского военного госпиталя, областного прокурора. О числе дел, решенных и нерешенных. Сведения к составлению отчета. Народонаселение, религия, народное здравоохранение, переписка, рапорта.

Ф. 366. Личный фонд Г.Е. Катанаева:

оп. 1, д. 316. Г.Е. Катанаев «Из истории служилого казачества», гл. VI: «Организация и быт служилого населения Сибири к началу второго пятидесятилетия занятия ее русскими» (Автограф);

оп. 1, д. 338. Разные записки к вопросу о быте, нравах и вообще характерных чертах сибирского народа (Автограф);

оп. 1, д. 344б. Отрывки из рукописей по краеведению;

оп. 1, д. 433. Путевые, географические и этнографические заметки во время поездки по маршруту Омск – Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск – оз. Зайсан.

Ф. Р-1074. Омское общество краеведения:

оп. 1, д. 54. Тексты статей, докладов и отчетов об экспедициях секции и командировок членов общества. 1929 г.;

оп. 1, д. 124, 125. Переписка с сельскими корреспондентами-краеведами по вопросам изучения местного края с целью изыскания природных богатств. 1935–1938 гг.;

оп. 1, д. 150. Документы секции фольклора и художественной литературы (отзыв о фольклорном материале, фольклорный материал, отчет о работе секции). 1936 г.

Ф. Р-1075. Омский отдел Всесоюзного географического общества:

оп. 1, д. 3. Материалы (очерки о переселенцах и о кочующих племенах, о сибирских татарах и киргизах, о цыганах Тобольской губернии; обзор кустарной промышленности Тобольской губернии; корреспонденции из газет; остяцкие сказки), собранные членами общества. 1861–1865 гг.;

оп. 1, д. 13. Отчет члена географического общества А. Протопопова о поездке по Горному Алтаю. 1911 г.;

оп. 1, д. 21. Доклад о научной деятельности общества за 10 лет (1919–1929 гг.);

оп. 1, д. 53, л. 30–39 об. Ионов о Зайсанском уезде Семипалатинской губернии в 1923 г.

Ф. Р-1076. Омский областной краеведческий музей:

оп. 1, д. 58. Статья С. Лепешкина о результатах обследования фауны Тарского и Омского округов Западной Сибири. Список исследовательских работ музея, подготовленных к печати. 1927 г.

Ф. 2037. Личный фонд И.Н. Шухова:

оп. 1, д. 11. Материалы обследования оз. Эбейты (анкета обследования озера, переписка И.Н. Шухова с учеником 6 класса с. Ксеневки о наблюдении за озером, карта озера, заметки о целебном свойстве озера). 1938–1939 гг.;

оп. 1, д. 15. Материалы к этнографическому составу населения Тарского округа. Работа И.Н. Шухова о поездке в Тарский округ. 1926–1927 гг.

Ф. 2200 – Личный фонд А.Ф. Палашенкова:

оп. 3, д. 51. Выписки из книг различных авторов, посвященных народным обрядам, былям и сказаниям о святой Параскеве, именуемой Пятницей.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Музей археологии и этнографии ОмГУ

Ф. I. Этнографические материалы:

Русские

П. 15-1. Экспедиция 1978 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Усть-Ишимский район Омской области (д. Слободчики, Смолино). Народная медицина, родины.

П. 18-1. Экспедиция 1982 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Муромцевский район Омской области (с. Мыс и д. Черталы). Народная медицина, лекарственные травы.

П. 18-2. Экспедиция 1982 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Муромцевский район Омской области (с. Мыс). Верования, хозяйство.

П. 18-4. Экспедиция 1982 г. (русские казаки). Руководитель – Н.А. Томилов. Черлакский район Омской области (д. Татарка); Пресновский район Северо-Казахстанской области (д. Пресноредуты); Ленинский район Кустанайской области (д. Пресногорьковка, Песчанка). Хозяйство, пища, одежда.

П. 19-2. Экспедиция 1983 г. (русские казаки). Руководители – Н.А. Томилов и Г.И. Успенев. Пресновский (с. Буденное, Екатериновка, Железное, Мирлобово, Новорыбинка, д. Кабань, Кладбинка) и Мамлютский (с. Дубровное) районы Северо-Казахстанской области. Верования, семейные обряды, хозяйство.

П. 20-5. Экспедиция 1984 г. (русские казаки). Руководители – Н.А. Томилов и Г.И. Успенев. Бишкульский (с. Архангельское, Бишкуль, Вознесенка, Ново-Никольское, Новокаменка) и Пресновский (с. Пресновка, Усердное) районы Северо-Казахстанской области. Народные знания, календарные обряды.

П. 21-2. Экспедиция 1985 г. Руководитель – М.А. Жигунова. Усть-Ишимский район Омской области (с. Загвадино). Фольклор, верования.

П. 22-2. Экспедиция 1986 г. Руководитель – М.А. Жигунова. Усть-Ишимский (с. Усть-Ишим), Тарский (с. Егоровка и Междуречье) и Тевризский (с. Тевриз и Бакшево) районы Омской области. Фольклор, религия, медицина, обряды.

П. 23-3. Экспедиция 1987 г. Руководители – М.А. Жигунова, В.В. Реммлер. Калачинский (д. Тургеневка), Черлакский (с. Соляное) и Усть-Ишимский (с. Малая Бича) районы Омской области. Фольклор, народная медицина.

П. 48-1. Экспедиция 1988 г. Руководитель – В.В. Реммлер. Полтавский (с. Вольное, д. Еремеевка) и Исилькульский (д. Первотаровка) районы Омской области. Фольклор, верования, народная медицина.

П. 52-3. Экспедиция августа 1988 г., июля 1989 г. Руководитель – В.В. Реммлер. Тарский (г. Тара, с. Вставское, Чекрушево, Орлово, Свидаерск, Кубрино; д. Петрово, Ложниково, Шкуново) и Полтавский (с. Шагаловка) районы Омской области. Верования, народная медицина и народная ветеринария.

П. 61-1. Экспедиция 1990 г. Руководитель – В.В. Реммлер. Ялуторовский (д. Бердюгино, Киево, Криволукское и с. Хохлово) и Ярковский (д. Иевлево, Новоселово, Петелино, Чеганово) районы Тюменской области. Народная медицина.

П. 63-1. Экспедиция 1991 г. Руководитель – В.В. Реммлер. Булаевский район Северо-Казахстанской области (с. Конюхово, Медвежка). Фольклор, народные знания, календарные обряды.

П. 77-1. Экспедиция 1992 г. Руководитель – Д.Г. Коровушкин. Муромцевский район Омской области (д. Лисино). Народные верования, народная медицина, родильная обрядность.

П. 87-2. Экспедиция 1991 г. Руководитель – Д.Г. Коровушкин. Маслянинский район Новосибирской области (с. Дубровка и с. Верх-Ики). Народная медицина, народные знания.

П. 87-3. Экспедиция 1991 г. Руководитель – Д.Г. Коровушкин. Маслянинский район Новосибирской области (с. Дубровка, Верх-Ики). Верования.

П. 92-3. Экспедиция 1994 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Большереченский район Омской области (д. Секменево). Народные знания.

П. 93-2. Экспедиция 1995 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Муромцевский район Омской области (д. Дурново). Народные знания, верования.

П. 93-4. Экспедиция 1995 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Муромцевский район Омской области (с. Бергамак). Верования.

П. 101-2. Экспедиция 1996 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Муромцевский район Омской области (с. Мыс). Народная медицина.

П. 107-2. Экспедиция 1997 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Тюкалинский район Омской области (с. Кабырдак). Народная медицина.

П. 110-2. Экспедиция 1998 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Большереченский район Омской области (д. Моховое, Могильно-Старожильческое и Могильно-Посельское). Духовная культура.

П. 112-1. Экспедиция 1999 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Муромцевский район Омской области (с. Низовое). Верования, народные знания, диалектные слова и фольклор.

П. 138. Экспедиция 2000 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Тобольский район Тюменской области (д. Загваздино, Зоркальцева, Вахрушева, Соколовка, Абрамовка). Народная медицина, знахарство, родильный обряд.

П. 153-6. Экспедиция 2000 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Большереченский район Омской области (с. Такмык) и Усть-Тарский район Новосибирской области (д. Резино). Духовная культура.

П. 153-7. Экспедиция 2001 г. Руководители – М.Л. Бережнова, Л.Б. Герасимова. Муромцевский район Омской области (с. Кондратьево). Духовная культура.

П. 163-3, 163-4. Экспедиция 2002 г. Руководитель – М.Л. Бережнова. Тарский район Омской области (с. Междуречье и Усть-Тара). Духовная культура, народная медицина.

П. 163-7. Экспедиция 2002 г. (август). Руководитель – А.А. Новоселова. Знаменский район Омской области (д. Слобода). Традиционная культура, народная медицина.

Украинцы

П. 17-1. Экспедиция 1981 г. Руководители – Н.А. Томилов, С.Ю. Первых. Павлоградский район Омской области (с. Малоградовка, Павлоградка). Обряды, фольклор, народная медицина.

П. 23-2. Экспедиция 1987 г. Руководители – М.А. Жигунова, В.В. Реммлер. Калачинский (с. Сорочино и д. Тургеневка) и Полтавский (с. Ольгино, Красногорка) районы Омской области. Фольклор, обрядность.

П. 50-3. Экспедиция 1988 г. Руководитель – В.В. Реммлер. Полтавский район Омской области (с. Добрянка, Еремеевка, Красногорка). Народные верования, народная медицина, народные знания.

Латыши и эстонцы

П. 96-1. Экспедиция 1994 г. Руководитель – И.В. Лоткин. Седельниковский (д. Лилейка) и Тарский (д. Бобровка, Мартюшино) районы Омской области. Народные знания, календарная и семейная обрядность.

П. 97-4. Экспедиция 1995 г. Руководитель – И.В. Лоткин. Калачинский район Омской области (с. Ковалево). Верования, народная медицина.

Казахи

П. 28-1. Экспедиция 1980 г. Руководитель – О.М. Проваторова. Называевский (аул Коран-Гарал) и Щербакульский (д. Кудук-Чилик) районы Омской области. Обряды, фольклор, религия.

П. 29-1, 2. Экспедиция 1981 г. Руководитель – О.М. Проваторова. Щербакульский район Омской области (аул Артакшил, д. Кудук-Чилик). Народные знания.

П. 29-5. Экспедиция 1981 г. Руководитель – О.М. Проваторова. Русско-Полянский (д. Бузан) и Щербакульский районы Омской области. Фольклор.

Татары

П. 1-23. Экспедиция 1975 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Большереченский (с. Тус-Казань, Уленкуль, Черналы), Тарский (д. Айткулово, Большие Туралы, Малые Туралы, Речапово) и Усть-Ишимский (хутор Уба, д. Ильчебага, Саургачи) районы Омской области. Народные знания.

П. 2-6. Экспедиция 1976 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Тевризский район Омской области (д. Кускуны, Малые Кулары, Утузы). Народные знания.

П. 7-2. Экспедиция 1980 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Тарский район Омской области (д. Речапово). Религия.

П. 7-4. Экспедиция 1980 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Тарский район Омской области (д. Речапово). Фольклор, народные знания.

П. 8-9 (а). Экспедиция 1982 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Муромцевский район Омской области (д. Гузенево, Черталы, Юрт-Бергамак). Народные знания, лекарственные растения.

П. 8-9 (б). Экспедиция 1982 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Муромцевский район Омской области (д. Гузенево, Инцисс, Черталы). Народные знания, лекарственные растения.

П. 10-2. Экспедиция 1984 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Тевризский район Омской области (д. Тайчи, Байбы и Кускуны). Народные знания.

П. 90-4 – Экспедиция 1994 г. Руководитель – Н.А. Томилов. Большереченский район Омской области (д. Берняжка, Секменево). Верования, фольклор, народные знания, обряды.

П. 94-3. Экспедиция 1995 г. Руководитель – С.Н. Корусенко. Большереченский район Омской области (д. Чеплярово). Календарные праздники, верования, народная медицина.

П. 102-2. Экспедиция 1996 г. Руководители – С.Н. Корусенко и А.Г. Селезнев. Муромцевский район Омской области (д. Черталы). Верования, праздники, фольклор.

П. 105-1. Экспедиция 1997 г. Руководитель – С.Н. Корусенко. Большереченский район Омской области (д. Большие Мурлы). Народные верования и народные знания.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Богоявленский Д. Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Омской епархии за 1902–1903 учебный год // Омские епархиальные ведомости. – 1904. – № 18. – Ч. офиц. – С. 3–19.

Богоявленский Д. Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии за 1907–1908 учебный год в учебно-воспитательном отношении // Омские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – Ч. офиц. – С. 7–19.

Богоявленский Д. Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии за 1908–1909 учебный год в учебно-воспитательном отношении // Омские епархиальные ведомости. – 1910. – № 22. – Ч. офиц. – С. 8–20.

Богоявленский Д. Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–1911 учебный год // Омские епархиальные ведомости. – 1912. – № 6. – Ч. офиц. – С. 10–27.

Богоявленский Д. Отчет Омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год // Омские епархиальные ведомости. – 1914. – № 8. – Ч. офиц. – С. 7–30.

Гречищев К.М. Здравоохранение в Омской губернии: (Его прошлое, настоящее и будущее) // Омская губерния: Мат-лы Омск. губ. эконом. совещ. – Омск, 1923. – С. 1–40.

Сибирское казачье войско: (Список населенных мест по сведениям за 1876 год) / Сост. Ф.Н. Усов. – Омск: Типограф. Округ. штаба, 1877. – 45 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1898. – 94 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1898 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1899. – 33 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1900. – 41 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1900 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1901. – 26 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1901 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1902. – 44 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1902 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1903. – 43 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1903 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1904. – 30 с.

Статистический обзор Тобольской губернии за 1904 год / Изд. Губ. стат. комитета. – Тобольск: Типограф. Губ. управления, 1905. – 34 с.

Усов Ф.Н. Статистическое описание сибирского казачьего войска. – СПб.: Тип. Уделов, 1879. – 284 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алимбай Н.А., Муқанов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: (Очерки теории и истории). – Алматы: Гылым, 1998. – 234 с.

Андреевич В.К. Сибирь в XIX столетии. – СПб.: Типограф. и литограф. В.В. Комарова, 1889. – Ч. II. Период с 1806 по 1819 г. – 298 с.

Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: (Антропология болезни в средние века). – СПб.: Алетей, 2004. – 398 с. – (Библиотека средних веков).

Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 97–99.

Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ. – 1983. – № 2. – С. 22–31.

Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А. Липинская. – М.: Intrada, 2004. – 288 с.

Бараг Л.Г. Сказочная фантастика и народные верования (по материалам белорусского фольклора) // СЭ. – 1966. – № 5. – С. 15–27.

Бартнев В.В. На крайнем северо-западе Сибири: (Очерки Обдорского края) // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1998. – С. 112–218.

Бекреев М. (свящ.) Два случая врачебной помощи пастыря // ТЕВ. – 1886. – № 12. – Отд. неофиц. – С. 220–222.

Белевцов Д. К вопросу о земской медицине // ОЗ. – 1881. – Современное обозрение. – № 7. – С. 1–21.

«Береженного Бог бережет»: (Наставления для сельских жителей как беречь себя, дабы Господь привел уберечься от заболевания холерою) // ТЕВ. – 1892. – № 15–16. – Отд. офиц. – С. 144–146.

Бирюкович Вл. Народная медицина // Русская мысль. – 1893. – Год XIV. – Кн. IV. – С. 67–82.

Богоявленский Н.А. Медицина у первоселов русского Севера: (Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XI–XVII вв.). – Л.: Медицина, 1966. – 160 с.

Болонев Ф.Ф. Русские заговоры Сибири: (Бытование и проблема изучения) // Русский фольклор и фольклористика Сибири: Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Улан-Удэ, 1994. – С. 9–11.

Болонев Ф.Ф. Семейские: (Историко-этнографические очерки). – Улан-Удэ: Буянт. кн. изд-во, 1992. – 206 с.

Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. Пережитки культа медведя у русских и белорусов в Сибири // Природа. – 1999. – №1. – С. 83–88.

Бонаровский В. Из народной медицины: (Лечение нефтью и скипидаром. Воспаление легких. Ревматизм. Лишай. Чесотка. Черви. Холерина. Брюшной тиф. Грибы). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. – 16 с.

Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // ЖС. – 1890. – Вып. I. – С. 115–121.

Брайловский С. Способ лечения от слезу (г. Нежин) // ЖС. – 1891. – Вып. III. – Отд. «Смесь». – С. 224.

Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. – 1976. – № 5. – С. 3–18.

Брыков И. О некоторых простонародных средствах в Сибири употребляемых. Сообщены штаб-лекарем коллежским ассесором И. Брыковым, бывшим членом Томской врачебной управы // Военно-медицинский журнал. – 1829. – Ч. XIII. – № 1. – С. 44–54.

Буховцев Н.И., Штейнберг С.И. Холера и меры ее предупреждения и развития // ТЕВ. – 1892. – № 13–14. – Отд. неофиц. – С. 300–308.

Быт великорусских крестьян-землепашцев: (Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева) (на примере Владимирской губернии) / Авт.-сост.: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. – СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. – 472 с.

Вадейша М.Г. Русская баня по материалам фольклора: (Идеальный человек в идеальном мире) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та. – СПб., 2001. – Вып. I. – С. 125–143.

Вейнберг Л.Б. К истории народной медицины: (По поводу одного старинного травника) // Медицинская беседа. – 1888. – Т. II. – № 9. – С. 232–235; № 10. – С. 262–263; № 11. – С. 291–292; № 12. – С. 313–314.

Великорусские заклинания: Сб. Л.Н. Майкова. – СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1994. – 214 с.

Виноградов Г.С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири: (Инструкция и программа). – Иркутск: Тип. ГубВПО, 1923. – 56 с.

Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // ЖС. – 1915. – Вып. IV. – С. 325–432.

В-ков Г. (свящ.) Случаи врачебной помощи приходского священника // ТЕВ. – 1889. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 40–43.

Волокитин Н. О растительности Сибири (по Миддендорфу и Гмелину) // ЖС. – 1857. – Кн. X. – Отд. оттиск. – 11 с.

Врачебная деятельность священника и пастырское дело // ТЕВ. – 1898. – № 21. – Отд. неофиц. – С. 520–533.

Врачебные и ветеринарные советы // ТЕВ. – 1882. – № 11–12. – Отд. неофиц. – С. 246–249.

В чем состоят холерные заболевания // ТЕВ. – 1893. – № 7–8. – Отд. неофиц. – С. 129–139.

Вишность, ее последствия и лечение // ТЕВ. – 1899. – Отд. неофиц. – № 15–16. – С. 303–307.

Высоцкий Н.Ф. (проф.) Лихорадка, ее происхождение, причины и способы лечения по народным воззрениям. – Казань: Тип.-литограф. Имп. ун-та, 1907. – 27 с.

Высоцкий Н.Ф. (проф.) Очерки нашей народной медицины // Зап. Моск. археолог. ин-та. – М.: Печатня А.И. Снегирева, 1911. – Т. XI. – С. 1–168.

Высоцкий Н.Ф. (проф.) Роль женщины в истории нашей народной медицины. – Казань: Тип.-литограф. Импер. ун-та, 1908. – 27 с.

Гамолецкий К.В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1998. – С. 220–299.

Гелис М. Литовские поверья // ЖС. – 1890. – Вып. I. – Отд. «Смесь». – С. 17–18.

Гигиенические правила // ТЕВ. – 1898. – № 5. – Отд. неофиц. – С. 111–120.

Глицерин при ожогах // ТЕВ. – 1900. – № 8. – Отд. неофиц. – С. 158.

Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири // Землеведение. – 1902. – Т. IX. – № 2–3. – С. 53–68.

Головачев П.М. Сибирь: (Природа. Люди. Жизнь). – М.: Тип.-литограф. Товарищества И.Н. Кушнеров и К^о, 1902. – 300 с.

Голошубин И. (свящ.) Случаи из практики сельского священника // ТЕВ. – 1889. – № 15–16. – Отд. неофиц. – С. 339–343.

Гольде К. Наблюдения над появлением растений, заносимых из других мест в город Омск и его окрестности // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Окруж. штаба, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – Отд. «Смесь». – С. 1–7.

Гомеопатическая аптечка в сибирской деревне // Школьный листок при ТЕВ. – 1909. – № 6. – С. 42–43.

Гончарова О.А. Исследование истории традиционной медицины народов Горного Алтая в досоветской отечественной историографии // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 286–287.

Городков Н. Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии // ТЕВ. – 1892. – № 11–12. – Отд. неофиц. – С. 251–253.

Гр-ев Д. О расколе и расколоучителях в село-Чашинском приходе // ТЕВ. – 1890. – № 17–18. – Отд. неофиц. – С. 399–407.

Гринцевич Т. Народная медицина: (Очерк) // Вестник Европы. – 1892. – № 8. – С. 806–814.

Громыко М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. – С. 71–109.

Груздев В.Ф. Русские рукописные лечебники. – Л.: Изд. Воен.-Морск. мед. акад., 1946. – 72 с.

Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине // ВОГСПМ. – 1899. – № 10. – 60 с. – Отд. оттиск.

Демич В.Ф. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа: (Очерки народной медицины) // ВОГСПМ. – 1894. – Отд. «Практическая медицина». – Т. XXII, кн. III. – С. 133–169; Т. XXIII, кн. I. – С. 1–29.

Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Акушерство у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – 23 с. – Отд. оттиск.

Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Гинекология у народа // Медицина. – 1889. – 12 авг. – 50 с. – Отд. оттиск.

Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа // ВОГСПМ. – 1911. – № 11, 12. – 81 с. – Отд. оттиск.

Демич В.Ф. Педиатрия у русского народа // ВОГСПМ. – 1891. – Отд. II «Общественная гигиена». – Т. XI, кн. II. – С. 125–135; Т. XI, кн. III. – С. 187–212; Т. XII, кн. II. – С. 111–123; Т. XII, кн. III. – С. 169–186.

Демич В.Ф. Русские народно-врачебные средства от пьянства: (Сообщено в отделе общественной медицины на IX Пироговском съезде) // Русский врач. – 1904. – № 4. – 13 с. – Отд. оттиск.

Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии / Под ред. В.В. Подвысоцкого. – СПб.: Тип. Шредера, 1901. – 60 с. – Отд. оттиск.

Дмитриева С.И. Профилактика в русской народно-медицинской практике // Традиционная этническая культура и народные знания: Мат-лы Междунар. конф. – М.: ИЭА РАН, 1996. – С. 37–38.

Дражева Р.Д. Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян // СЭ. – 1973. – № 6. – С. 109–119.

Домашнее средство при ожогах // ТЕВ. – 1900. – № 8. – Отд. неофиц. – С. 159.

Для народной беседы о холере // ТЕВ. – 1893. – № 7–8. – Отд. неофиц. – С. 123–129.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – М.: Либерея, 1995–1996. – Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – 376 с.; Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. – 208 с.

Забитая Сибирь // ТЕВ. – 1911. – № 16. – Отд. неофиц. – С. 353–358.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М.: Тип. Грачева и К^о, 1862. – 414 с.

Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX–XX в.): Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 130–154.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 507 с.

Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // СЭ. – 1934. – № 5. – С. 3–16.

Зеленин Д.К. Укус у русских крестьян // ЭО. – 1907. – № 3, кн. LXXIV. – С. 71–74.

Зелинский Ф.Ю. О заговорах: (История развития заговора и главные его формальные черты). – Харьков: Тип. Губ. правления, 1897. – 58 с.

Ипполитова А.Б. Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 267–300.

Истомин А. (учитель) «Усьян» // ТЕВ. – 1916. – № 42. – Отд. неофиц. – С. 882–883.

Истребление паразитов и вредных животных // ТЕВ. – 1896. – № 12. – Отд. неофиц. – С. 280–284.

К. (сельский житель) Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии // ОЗ. – 1848. – Т. LVI, № 1–2. – Отд. «Смесь». – С. 201–206.

Кадырова Л.М. Традиционно-бытовые и профессиональные знания в медицинской практике тарских татар города и села // Проблемы культуры малых городов Сибири. – Омск; Тара, 1995. – С. 59–61.

Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке: (К вопросу о культурном взаимодействии рас) // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1893. – Кн. XV, вып. II. – С. 1–38.

Килломан Ю., Колоколов М. Флора города Омска и его окрестностей // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1884. – Кн. VI. – С. 1–84.

Кириллов Н. Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 84–120.

Кнежевич С. Место и роль женщины в народной фармакологии // Тез. VII Междунар. конгр. антропол. и этнограф. наук. – М., 1964. – С. 1–3. – Отд. оттиск.

Коваленко Гр. К народной медицине малорусов // ЭО. – 1891. – № 3, кн. X. – С. 169–183.

Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. – СПб.: Тип. «Печатный труд», 1910. – 266 с.

Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // ЭО. – 1899. – № 3, кн. XLII. – С. 34–53.

Костров Н. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1879. – Кн. I. – С. 1–16.

Крапива от ревматизма // ТЕВ. – 1900. – № 8. – Отд. неофиц. – С. 158–159.

Краткие замечания о чуме, составленные Медицинским Советом Министерства внутренних дел // ЖМВД. – 1829. – Ч. I, кн. 1. – С. 159–184.

Кривенко С. Очерк жизни крестьян Тарского округа Тобольской губернии // Мир Божий. – 1894. – № 9. – С. 25–38; № 10. – С. 101–114.

Криничная Н.А. Посвящение в колдуны: (Историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний) // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 2. – С. 10–22.

Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: (Истоки и полисемантизм образов). – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – 584 с.

Ландышев Е. (свящ.) Врачебные советы // ТЕВ. – 1886. – № 19–20. – С. 358–360.

Ландышев Е. (свящ.) Домашняя аптечка приходского священника // ТЕВ. – 1887. – № 5–6. – С. 115–120.

Ландышев Е. (свящ.) Из области народных предрассудков и суеверий // ТЕВ. – 1890. – № 1–2. – Отд. неофиц. – С. 40–41.

Ландышев Е. (свящ.) Народные врачебные средства // ТЕВ. – 1886. – № 21–22. – С. 394–395.

Ландышев Е. (свящ.) О сборе и хранении врачебных трав // ТЕВ. – 1890. – № 11–12. – С. 285–288; № 19–20. – С. 453–456; 1891. – № 9–10. – С. 211–218.

Ландышев Е. (свящ.) Случай врачебной помощи в болезни дифтерита // ТЕВ. – 1889. – № 5. – Отд. неофиц. – С. 102.

Ландышев Е. (свящ.) Средство против лихорадки // ТЕВ. – 1888. – № 7–8. – Отд. неофиц. – С. 178–179.

Лахтин М. Как распознавались и как лечились болезни в Московском государстве // Хирургия. – 1904. – Т. XV, № 87. – март. – С. 356–366.

Лебединский В. Ботанический очерк Тарского округа Тобольской губернии // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1884. – Кн. VI. – С. 1–7.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук, адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. – СПб.: Имп. акад. наук, 1795. – Ч. I. – 537 с.

Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, Вольного экономического в Санкт-Петербурге, друзей

природы испытателей в Берлине и Гессенгомбургского патриотического обществ члена по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб.: Акад. наук, 1814. – Ч. III. – 376 с.

Лепехин И.И. Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений, в собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук 1783 года, марта, 11 дня предложенная Ив. Лепехиным, Надворным советником, доктором медицины, профессором Естественной истории, Академии наук, Вольного Санкт-Петербургского Экономического, Берлинского друзей испытателей и Гессенгомбургского патриотического Обществ членом. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1783. – 30 с.

Лечение потением и ядовитость пота // ТЕВ. – 1899. – № 15–16. – Отд. неофиц. – С. 307–308.

Литинская В.А. Традиционное жилище в системе народной медицины русских сибиряков // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 73–79.

Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: (Семейный и общественный быт). – М., 1989. – С. 142–171.

Лучшее средство от постельных клопов // ТЕВ. – 1895. – № 13–14. – Отд. неофиц. – С. 251.

Любимова Г.В. Категории «знающих» людей в сибирской деревне: (Мат-лы к словарю понятий и терминов) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 117–121.

Любимова Г.В. О роли детей в обычаях и обрядах календарного цикла // Русские Сибири: (Культура, обычаи, обряды). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 53–70.

Любимова Г.В. Эпидемия в сибирской деревне: (Взгляд со стороны практической медицины и религиозно-магической практики) (конец XIX–начало XX вв.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 182–187.

Люцидарская А.А. Культура жизнеобеспечения и этнические взаимодействия колонистов-первопоселенцев Сибири // III Итог. сес. ИАЭт СО РАН: Тез. док. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – С. 77–79.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: (Историко-этнографические очерки) (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 196 с.

Ляцкий Е. К вопросу о заговорах от трясавиц // ЭО. – 1893. – № 4, кн. XIX. – С. 121–136.

М.А. (учитель) О возможной медицинской помощи в деревне // Школьный листок при ТЕВ. – 1908. – № 19. – С. 241–242.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий: (Человек в традиционных соматических представлениях русских). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 192 с. – (Ethnographica Petropolitana, VIII).

Мазалова Н.Е. Христианские элементы в русских лечебных заговорах // Христианство в регионах мира. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – С. 207–219.

Майничева А.Ю. К вопросу о семантике печи в культуре сибиряков-старожилов Приобья // Словцовские чтения-99: Тез. докл. и сообщ. Науч.-практ. конф. – Тюмень, 1999. – С. 211–212.

Майничева А.Ю. Пища русских крестьян Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX века) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 88–92.

Мамакин И. Заговор от лихорадки, лихоманкой и кумохой в простонародье называемой // ЖС. – 1892. – Вып. III. – С. 148.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.

Маслова Г.С., Сабурова Л.М. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири: (Предварительное сообщение о работе этнографических отрядов Ангарской экспедиции АН СССР в 1957 году) // СЭ. – 1958. – № 3. – С. 154–167.

Меновщиков Г.А. Дикое растения в рационе коренных жителей Чукотки // СЭ. – 1974. – № 2. – С. 93–99.

Меркулова В.А. Народные названия болезней, II: (На материале русского языка) // Этимология 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 143–206.

Миненко Н.А. Живая старина: (Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.

Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1981. – 92 с.

Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.

Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск, 1991. – 210 с.

Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. штаба Сиб. воен. округа, 1900. – Кн. XXVII. – С. 1–23.

Муравейский В. (учитель) О народных суевериях // ОЕВ. – 1912. – № 18. – Ч. неофиц. – С. 16–22.

Народная медицина: (Пути содействия и развития): Доклад Всемир. орг. здравоохранения. – М., 1980. – 90 с.

Народный лечебник-травник, или список врачебных трав с описанием их примет, способа разведения, собирания и применения в лечении болезней; с прибавлением заметки о действии соломенного чая. / Сост. Е. Ландышев. – М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. – 24 с.

Наставление, как оберегать себя от холеры // ОЕВ. – 1908. – № 6. – Ч. неофиц. – С. 39–46.

Наставление – как оберегать себя от холеры // Школьный листок при ТЕВ. – 1908. – № 1. – С. 1–7.

Наставление о мерах личной предусмотрительности и осторожности, предохраняющих от заболевания холерою // ТЕВ. – 1885. – № 8. – Отд. неофиц. – С. 234–238.

Н.Г. Быт первых русских поселенцев в Западной Сибири // ТЕВ. – 1903. – № 3. – Отд. неофиц. – С. 55–61.

Недосеков К. (протоиерей) Врачебные советы приходского пастыря // ТЕВ. – 1883. – № 18. – Отд. неофиц. – С. 376–380.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья: Сб. ст. – Тюмень, 1997. – 400 с.

Несколько слов о знахарстве: (Из дневника сельского священника) // ТЕВ. – 1907. – № 17. – Отд. неофиц. – С. 501–503.

Никонова Л.И. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: (Историко-этнографическое исследование). – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2003. – 288 с.

О дежурной воде // Школьный листок при ТЕВ. – 1908. – № 22. – С. 269–271.

О слепоте и мерах ее предупреждения в народе // ТЕВ. – 1893. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 179–182.

О мерах к прекращению дифтерита // ТЕВ. – 1885. – № 20. – Отд. неофиц. – С. 461–468.

О мерах к пресечению заразных болезней // ТЕВ. – 1888. – № 11–12. – Отд. неофиц. – С. 253–254.

О народных книгах по гигиене и медицине // Тр. состоящей при IV Отд-нии Рус. общ-ва охранения народ. здоровья комис. по распространению гигиен. сведений среди населения. – Вып. II. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – 53 с.

О начальных признаках заразных болезней, появляющихся в школах и приютах среди детей в возрасте от 6 до 14 лет // ТЕВ. – 1887. – № 3–4. – Отд. неофиц. – С. 64–76.

О сибирской язве и способах ее лечения // ЖМВД. – 1830. – Ч. II, кн. 1. – С. 127–145; кн. 2. – С. 104–138.

О суевериях и предрассудках в народной жизни, вредных для жизни и нравственности // ТЕВ. – 1888. – № 15–16. – Отд. неофиц. – С. 304–320.

Об учреждении медицинских классов при Тобольской духовной семинарии в 1802 году // ТЕВ. – 1882. – № 15. – Отд. неофиц. – С. 300–308.

Обозрение его Преосвященством Преосвященнейшим Григорием, Епископом Омским и Семипалатинским, церковей и приходов в 1897 году // ОЕВ. – Ч. неофиц. – 1898. – № 10. – С. 1–7; № 11. – С. 1–3; № 12. – С. 7–10; № 13. – С. 4–7.

Овчинников М.П. Чем лечатся иркутские крестьяне // ЭО. – 1893. – № 3, кн. XVIII. – С. 157–160.

Описание Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. – Новосибирск: Наука, 1982. – 321 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: (Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья). – СПб.: Тип. Суворина, 1906. – 304 с.

Островская Л.В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. – С. 131–142.

Открытие повивально-фельдшерской школы // ТЕВ. – 1895. – № 23. – Отд. неофиц. – С. 405–406.

Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. – М.: Индрик, 2002. – 584 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

Паллас П.С. Описание растений Российского государства, изданное П.С. Палласом. – Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1792. – 232 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. – Тобольск: Тип. Губ. упр., 1909. – 292 с.

Переселенцы из Европейской России по наблюдениям сибирского священника // ТЕВ. – 1911. – № 22. – Отд. неофиц. – С. 509–517.

Пестряков А.П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // СЭ. – 1975. – № 6. – С. 156–160.

Петров И. (свящ.) Путевые заметки разъездного священника // ТЕВ. – 1910. – № 15. – Отд. неофиц. – С. 370–376; № 16. – Отд. неофиц. – С. 397–403.

Петров И. (свящ.) Путевые заметки разъездного священника за 1909 год // ТЕВ. – 1911. – № 5. – Отд. неофиц. – С. 103–108.

Петров М. Западная Сибирь: (Губернии Тобольская и Томская). – М.: Изд. Товарищества И.Д. Сытина, 1908. – 205 с.

Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу: (Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Окруж. штаба, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – С. 1–90.

Покровский Н.Н. Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // СЭ. – 1981. – № 5. – С. 96–108.

Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. – С. 110–131.

Полеские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003. – 752 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: (По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева) // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб.: АОЗТ Изд-во «Литера», 1996. – С. 278–477.

Попова А.М., Виноградов Г.С. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // СЭ. – 1936. – № 3. – С. 78–83.

Поучение в случае появления в нашей местности холеры // ТЕВ. – 1893. – № 7–8. – Отд. неофиц. – С. 119–122.

Предостережение относительно травы Кузьмича // ТЕВ. – 1895. – № 13–14. – Отд. неофиц. – С. 249–250.

Программа церковно-исторического и статистического описания Н церкви и прихода Тобольской епархии // ТЕВ. – 1896. – № 16. – Отд. неофиц. – С. 360–373.

Путевые записки, веденные во время поездки летом 1885 года в верховья рек Тартаса и Тары // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Окруж. штаба, 1886. – Кн. VIII, вып. I. – С. 1–24.

Пушкарева Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). – СПб.: Рус.-балт. информ. центр БЛИЦ, 1997. – 333 с.

Ребрин А. (свящ.) Простые и всем доступные средства от холеры // ТЕВ. – 1893. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 174–175.

Рихтер Е.В. «...Лучше чая ничего нет» // СЭ. – 1971. – № 6. – С. 153–155.

Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века): (Историко-этнографические очерки) / Отв. ред. М.Л. Бережнова. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. – 236 с.

Русские. Народная культура: (История и современность) / Отв. ред. И.В. Власова. – М.: ИЭА РАН, 2002. – Т. 5. Духовная культура. Народные знания. 376 с.

Русские народные заговоры, поверья, суеверия и предрассудки. – М.: Тип. Н.Н. Булгакова, 1901. – 64 с.

Русский праздник: (Праздники и обряды народного земледельческого календаря): Иллюстрир. энцикл. / О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 672 с.

Русский Север: (К проблеме локальных групп) / Ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – 317 с.

Савицкий Т. (псаломщик) Когда кончатся суеверия // ТЕВ. – 1911. – № 10. – Отд. неофиц. – С. 218–220.

Савченко И. Старое и новое в народном убранстве и одежде // ЖС. – 1890. – Вып. I. – С. 83–114.

Санитарные меры по городу Тобольску и Тобольской губернии // ТЕВ. – 1885. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 232–234.

С.А.Р. Простые народные средства от различных болезней // ТЕВ. – 1885. – № 21–22. – Отд. неофиц. – С. 498–504.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: (Народный дневник. Праздники и обычаи). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. – 240 с.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: (Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловия и притчи). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. – 298 с.

Своеобразное лечение // Народное здравие. – 1899. – № 2. – С. 74.

Священник как врач телесный // ТЕВ. – 1898. – № 21. – Отд. неофиц. – С. 533–537.

Словцов И.Я. Флора Тюменского округа // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Окруж. штаба, 1891. – Кн. XII. – С. 73–250.

Соколов В. Материалы для истории старинной русской лечебной литературы: (Лечебник № 480 Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки) // Варшавские университетские известия. – 1872. – № 6. – Неофиц. отд. – С. 65–115.

Соколов М.И. Русская гигиена XVI века // ЖС. – 1891. – Вып. III. – Отд. «Смесь». – С. 213–214.

Соколов М.И. Урочные посты // ЖС. – 1891. – Вып. III. – Отд. «Смесь». – С. 213.

Спутник священника во время его разъездов по приходу, или простые домашние врачебные советы, испытанные на практике. Составил священник Е. Ландышев 1889 г. – Владимир: Лито-тип. П.Ф. Новгородского, 1892. – 36 с.

Средство от комаров и мошек // ТЕВ. – 1895. – № 13–14. – Отд. неофиц. – С. 251–252.

Срезневский Н. Роженицы у славян и других языческих народов. – М.: Тип. Александра Семена, 1855. – 26 с.

Страхов П. Молитвы-заговоры // ТЕВ. – 1910. – Отд. неофиц. – № 11. – С. 268–269; № 13. – С. 331–332; № 14. – С. 347–349.

Страхов П.И. О русских простонародных парных банях // Московский врачебный журнал. – 1856. – Кн. 1–2. – С. 9–63.

Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии // ТЕВ. – 1892. – № 17–18. – Отд. неофиц. – С. 393–396. – (Из донесения Проповедческому Отделению Братства одного священника Омского уезда).

Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири в отечественной литературе // Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. – Тюмень: МИ «РУТРА», 1995. – С. 101–109.

Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1966. – 450 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: (Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Томилов Н.А., Кадырова Л.М., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Народные знания: Программа сбора мат-лов для участников археол. и этнограф. практики студентов и экспедиций. – Омск, 1997. – 14 с.

Торэн М.Д. Об образе лихорадки // СЭ. – 1935. – № 1. – С. 107–113.

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб.: АОЗТ Изд-во «Литера», 1996. – С. 10–276.

Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX вв.: (Очерки истории и быта). – Омск: Издательский дом «Наука», 2003. – 243 с.

Тулъцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков: (По материалам среднерусской полосы) // СЭ. – 1978. – № 3. – С. 31–46.

Тулъцева Л.А. Рябина в народных поверьях // СЭ. – 1976. – № 5. – С. 88–99.

Туников Н. Ворожея XVII в. // ЖС. – 1893. – Вып. III. – С. 135–136.

Турилов А.А., Чернецов А.В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. – 1986. – № 1. – С. 95–103.

Угнivenко М. (свящ.) Церковные обычаи в переселенческих приходах // ОЕВ. – 1915. – № 17. – Ч. неофиц. – С. 34–36.

Уткин Л.А. Народные лекарственные растения Сибири // Тр. Науч.-исслед. хим.-фарм. ин-та. – М.; Л.: Гос. науч.-тех. изд-во, 1931. – Вып. XXIV. – 135 с.

Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // ЭО. – 1896. – № 2–3, кн. XXVIII. – С. 146–205.

Фирсов Б.М. «Крестьянская» программа В.Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации // СЭ. – 1988. – № 4. – С. 38–49.

Фурсова Е.Ф. Запреты, обереги, обряды, связанные с льноделием (по материалам восточных славян Приобья) // Народы Сибири: (История и культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 128–141.

Фурсова Е.Ф. Семико-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – начала XX в. // ЭО. – 1998. – № 3. – С. 35–48.

Фурсова Е.Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – Новосибирск, 1992. – № 1. – С. 49–54.

Хаккарайнен М.В. Лечащие специалисты в народной медицинской традиции поселка Марково (Чукотка) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. – СПб.: Изд-во Европейск. ун-та, 2001. – Вып. I. – С. 82–99.

Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // ОЗ. – 1848. – Т. LVIII, № 5. – май. – Отд. «Смесь». – С. 1–24.

Хлебная вода при поносах // ТЕВ. – 1900. – № 8. – Отд. неофиц. – С. 159.

Целебная сила растения, называемого волчий корень // ЖМВД. – 1844. – № 6. – Разд. «Смесь». – С. 493–494.

Часовникова А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре: (Петров крест. Адамова голова. Святая верба). – М.: Индрик, 2003. – 248 с.

Черника, как лучшее средство против желудочно-кишечных расстройств // ТЕВ. – 1893. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 182–184.

Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // ЖМВД. – 1843. – № 5. – С. 200–255.

Чеснов Я.В. К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры) // СЭ. – 1987. – № 3. – С. 23–34.

Шакирова Н.Ф. Дикорастущие растения в традиционном питании башкир // СЭ. – 1988. – № 3. – С. 99–109.

Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Ср.-Ур. кн. изд-во, 1998. – С. 34–111.

Шелегина О.Н. Санитарное состояние жилища // Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 81–86.

Шептинг Д.О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. – М.: Тип. Бахметева, 1862. – С. 5–70.

Шустиков А.А. Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // ЖС. – 1902. – Вып. II. – С. 201–206.

Шустиков А. Троицина Кадниковского уезда: (Бытовой очерк) // ЖС. – 1893. – Вып. III. – С. 106–138.

Щеглова Т.К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 154–163.

Элерт А.Х. Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в.: (По экспедиционным материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 2002. – Т. V. – С. 67–80.

Этнографические аспекты изучения народной медицины: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Л., 1975 – 67 с.

Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ Н.М. Ядринцева (по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1880. – Кн. II. – С. 1–147.

Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве в Алтае // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1879. – Кн. I. – Отд. «Смесь». – С. 1–6.

Яковлев А. Простые средства // ТЕВ. – 1892. – № 9–10. – Отд. неофиц. – С. 229–232.

Ялutorовский округ губернии Тобольской // ЖМВД. – 1846. – № 9. – С. 484–521.

Приложение 1

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1997 г. (д. Большие Мурлы Большереченского района Омской области)

Искандарова Атифа Мурсултановна, 1925 г.р., образование – 3 класса, местная, сибирская татарка.

Князева (Бигбулатова) Миннур Савировна, 1931 г.р., неграмотная, местная, сибирская татарка.

Чанарова Абета Махумадиевна, 1928 г.р., неграмотная, местная, сибирская татарка.

Ярашева (Тухтаметова) Сафура Мучиповна, 1951 г.р., образование – 8 классов, местная, сибирская татарка.

2000 г. (Большереченский район Омской области)

Баженова (Комбарова) Валентина Никитична, 1914 г.р., родилась в с. Такмык Большереченского района Омской области, неграмотная, работала в колхозе, русская.

Григорьева (Пушкина) Александра Григорьевна, 1921 г.р., родилась и проживает в д. Решетниково Большереченского района Омской области, образование – 2 класса, доярка, русская.

Кравцова (Гурова) Антонина Семеновна, 1926 г.р., родилась и проживает в д. Решетниково Большереченского района Омской области, образование – 6 классов, разнорабочая, русская.

Ложжаева (Копейкина) Нина Кузьминична, 1936 г.р., родилась в д. Стрижово, проживает в с. Такмык Большереченского района Омской области, образование среднее, топограф, русская.

Ломакина (Куткова) Екатерина Федоровна, 1915 г.р., родилась в д. Колбышево, проживает в с. Такмык Большереченского района Омской области, образование высшее, учительница, русская.

Чибышева (Ложникова) Капитолина Павловна, 1938 г.р., родилась в с. Такмык Большереченского района Омской области, образование – 6 классов, разнорабочая, русская.

2001 г. (Нижнеомский район Омской области)

Ольхина (Мальчихина) Матрена Ивановна, 1921 г.р., родилась в д. Кишовка Нижнеомского района Омской области, проживает в с. Хомутинка Нижнеомского района Омской области, образование – 4 класса, работала в колхозе заведующей складом, русская.

Июль 2002 г. (Тарский район Омской области)

Белых (Чистоусова) Мария Михайловна, 1928 г.р., родилась в д. Нагорное Тарского района Омской области, в 1949 г. переехала в с. Усть-Тара Тарского района Омской области, образование – 5 классов, почтальон, русская.

Голованова (Юдина) Наталья Андреевна, 1927 г.р., родилась в с. Усть-Тара Тарского района Омской области, образование среднеспециальное, разнорабочая, русская (чалдонка).

Дюба Петр Васильевич, 1934 г.р., родился на хуторе Изюпка Тарского района Омской области, проживает в д. Бешметовка Тарского района Омской области, образование – 4 класса, разнорабочий, русский.

Зевакина (Земницкая) Татьяна Мироновна, 1928 г.р., родилась в с. Усть-Тара Тарского района Омской области, образование – 4 класса, разнорабочая, русская.

Наварова (Метелева) Татьяна Григорьевна, 1926 г.р., родилась в Седельниковском районе Омской области, неграмотная, работала в колхозе, русская.

Сажина (Наварова) Надежда Максимовна, 1953 г.р., родилась в с. Усть-Тара Тарского района Омской области, образование – 10 классов, техничка, русская.

Скульская (Мазикова) Людмила Ивановна, 1956 г.р., родилась и проживает в с. Междуречье Тарского района Омской области, образование – 10 классов, сторож в школе, русская.

Август 2002 г. (д. Слобода Знаменского района Омской области)

Грехова (Лекшерова) Татьяна Александровна, 1921 г.р., родилась в д. Слобода Знаменского района Омской области, образование – 4 класса, работала в колхозе, русская.

Коньшева (Писанкова) Екатерина Семеновна, 1933 г.р., родилась в д. Уртык Знаменского района Омской области, образование – 4 класса, кочегар, русская.

Пригодская (Непомнящих) Зоя Александровна, 1939 г.р., родилась в д. Слобода Знаменского района Омской области, образование среднеспециальное, зоотехник, русская.

Семенова (Бажук) Валентина Кирилловна, 1930 г.р., родилась в д. Поляки Знаменского района Омской области, проживает в д. Слобода Знаменского района Омской области, образование – 4 класса, работала на ферме, белоруска.

Соловьева (Бальмина) Вера Максимовна, 1934 г.р., родилась в д. Слобода Знаменского района Омской области, образование – 4 класса, работала на ферме, русская.

Июль-август 2003 г. (Ханты-Мансийский автономный округ)

Бобылева (Грищенко) Анна Ивановна, 1930 г.р., родилась в с. Озерное Ханты-Мансийского автономного округа, проживает в с. Цингалы Ханты-Мансийского автономного округа, образование – 2 класса, работала на звероферме, русская.

Зоркальцева (Кашкарова) Зоя Алексеевна, 1934 г.р., родилась в д. Заводные Ханты-Мансийского автономного округа, проживает в с. Сибирское Ханты-Мансийского автономного округа, образование – 8 классов, рабочая, русская.

Кучубаева (Каримова) Кульбира Рамазановна, 1929 г.р., родилась в д. Юрт-Шамши Тобольского района Тюменской области, проживает в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа, образование – 3 класса, работала на водоканале, тобольская татарка.

Миронова (Сивкова) Галина Арсентьевна, 1931 г.р., родилась в д. Денщики Ханты-Мансийского автономного округа (не существует), проживает в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа, неграмотная, повар, русская.

Фалькович (Редикольцева) Татьяна Ивановна, 1964 г.р., родилась в г. Тобольске, проживает в с. Цингалы Ханты-Мансийского автономного округа, продавец в магазине, русская.

Фомина (Пальчиковская) Александра Исааковна, 1931 г.р., родилась в д. Ионино Усть-Ишимского района Омской области (не существует с середины 1980 гг.), проживает в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского автономного округа, образование – 4 класса, работала в лесу, русская.

Приложение 2

ПОЛОЖЕНИЕ С ВОДОСНАБЖЕНИЕМ В ОМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА*

Александровка. Поселок основан немецкими переселенцами в 1894 г. Озеро Кошкуль, на котором стоял поселок, летом представляло собой более или менее удобный водопой для скота и давало хорошую воду. Однако оно все поросло камышом, который гнил, поэтому вода зимой «сдыхалась». Все газообразные продукты разложения растворялись в холодной воде в наибольшем количестве. Без доступа воздуха под толстым слоем льда вода становилась непригодной для питья. Крестьяне вытаскивали для себя лед, а скот поили на озере. Между тем, население Александровки родилось и выросло на Волге, поэтому тосковало по реке, хотя бы какой-нибудь...

Борисовка. Поселок основан переселенцами-малороссами в 1894 г. Он располагался на берегу небольшого, совершенно пресного озера Джалтырь, водой которого и пользовалось население. Нужно, однако, заметить, что из-за незначительной глубины озеро зимой на большое расстояние от берега промерзало до дна, поэтому трудно было найти глубокое место, где можно достать воды.

Сосновка. Поселение основано немцами-колонистами. Жители испытывали недостаток пресной воды: в степи было много озер, но все они наполнены соленой водой, для

* Составлено по: *Морозов А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1900. – Кн. XXVII. – С. 1–23; *Обозрение* его Преосвященством Преосвященнейшим Григорием, Епископом Омским и Семипалатинским, церковей и приходов в 1897 году // ОЕВ. – 1898. – Ч. неофиц. – № 10. – С. 1–7; *Сибирское казачье войско: (Список населенных мест по сведениям за 1876 год) / Сост. Ф.Н. Усов.* – Омск, 1877. – С. 2–7; *Усов Ф.Н.* Статистическое описание сибирского казачьего войска. – СПб., 1879. – 284 с.

**ЧИСЛЕННО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
В ТЮКАЛИНСКОМ И ТАРСКОМ УЕЗДАХ (ОКРУГАХ) ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1897–1904)**

- питья непригодной. Правительство выкопало им колодец, но в колодце вода оказалась такой же. Для себя они заготавливали воду зимой: выкапывали ямы, набивали их снегом, а когда снег таял – получали воду для питья. Такая вода была неприятной на вкус, мутной, пахла навозом. Поселяне с нетерпением ждали дождя: у них были приготовлены особые водовместилца, куда собиралась вода для питья.
- Павловка.** Поселок основан русскими переселенцами в 1896 г. Жители в течение весны и части лета пользовались водой из находящегося в лесу болота. В колодцах вода была настолько соленой, что люди и скот пить ее не могли.
- Рославка.** Поселок основан русскими переселенцами в 1896 г. Два сооруженных колодца давали только соленую воду. Тогда крестьяне вырыли колодец на болоте, дававший достаточно воды. От болотной воды население почти поголовно болело лихорадкой.
- Благовещенка.** Поселок основан русскими переселенцами в 1896 г. С водоснабжением обстановка была хуже, чем в других деревнях. Из четырех колодцев только в одном была пресная вода, во всех же остальных – соленая. Весной здесь стояло болото, где можно было поить скот, а вода в нем не высыхала иногда все лето.
- Ксениевка.** Поселок основан русскими переселенцами в 1896 г. Расположен на озере Максимовка. В поселке были 3 колодца с прекрасной пресной водой.
- Георгиевка.** Поселок основан русскими переселенцами в 1896 г. Расположен на озере Поповка.
- Сосновка, Красноярка и Новинка.** Поселки основаны немецкими переселенцами в 1896 г. Имелись колодцы, но население страдало от недостатка воды.
- Мельничный.** Казачий поселок, располагавшийся на р. Камышловка.
- Степной.** Казачий поселок, располагавшийся у болота Мохового (пресное).
- Новый, Захламенский, Черемуховский, Усть-Заостровский, Ачаирский, Изымбаишский, Соляной, Елизаветинский, Большой Атмас, Малый Атмас, Татарский, Крутойярский, Черлаковская и Покровская станицы.** Казачьи поселки Иртышской линии, располагавшиеся на р. Иртыш.
- Курганский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озере Питном. Имелись в нем и колодцы.
- Орловский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся у двух болот (бывшее озеро Малое).
- Волчий.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся у болота.
- Покровский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озере Покровском.
- Солоозерный.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озерах Пресном и Горько-Соленом.
- Лосевский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озере Пресном.
- Первотаровский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озере Первотаровском (соленом).
- Конюховский.** Казачий поселок Пресногорьковской линии, располагавшийся при озере Конюховом.

Год	Количество жителей в 10 уездах губернии (чел. *)	Уезд**	Количество жителей (чел.)	Количество врачей и врачебного персонала (чел. ***)	Количество лечебниц	Количество кроватей в лечебницах	Количество жителей на 1 врача	Количество жителей на 1 кровать в лечебнице
1897	1 387 656	Тюкалинский	210 859	5	3	22	421 718	9 585
		Тарский	163 209	5	4	22	32 642	7 419
1898	1 425 210	Тюкалинский	220 814	128	6	30	в среднем до 11 134 чел.	7 361
		Тарский	173 531		10	34		5 104
1899	1 456 727	Тюкалинский	228 702	164	12	60	в среднем до 8 882 чел.	3 812
		Тарский	179 254		9	60		2 988
1900	1 487 791	Тюкалинский	235 457	155	10	38	в среднем до 9 599 чел.	6 196
		Тарский	186 604		8	34		5 488
1901	1 553 086	Тюкалинский	236 512	157	5	38	в среднем до 9 892 чел.	6 224
		Тарский	189 668		5	34		5 578
1902	1 573 146	Тюкалинский	232 984	162	5	42	в среднем до 9 711 чел.	5 547
		Тарский	193 723		5	34		5 698
1903	1 592 437	Тюкалинский	239 316	162	5	42	в среднем до 9 830 чел.	5 698
		Тарский	199 738		5	34		5 875
1904	1 582 780	Тюкалинский	232 907	162	5	24	в среднем до 9 770 чел.	9 704
		Тарский	197 628		5	34		5 813

Примечания. 1) Составлено по [Статистический обзор..., 1898, с. 57–58; табл. 1–3; 1899, с. 5, 21; 1900, с. 27, прил. 1а и 1б; 1901, с. 12, 19; 1902, с. 32, 33, вед. 9, 10; 1903, с. 32, 33, 42; 1904, с. 21, 22, прил., вед. лит. А; 1905, с. 22, 23, прил. Е].

2) О ситуации в сфере здравоохранения в Омской губернии в конце XIX – первой половине XX в. см. [Богоявленский, 1904, 1910, 1912, 1914; Гречищев, 1923, с. 1–40].

3) * Количество жителей по каждому году дано на 31 декабря.

4) ** Для 1897 г. информация дана по округам, для последующих лет – по уездам.

5) ** Количество врачей и врачебного персонала указано в соответствии со «Штатом Медицинским чиновникам и повивальным бабкам» по губерниям и не всегда совпадает с реальным числом медицинского персонала. В состав врачебного персонала включены: фельдшеры, фельдшерицы-акушерки, лекарские ученики и повивальные бабки.

Приложение 4

ПЕРЕЧЕНЬ РАСТЕНИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ РУССКИМИ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКЕ (по материалам МАЭ ОмГУ)

Адонис (*стародубка*) – *Adonis vernalis* L. * Отвар листьев и цветов употребляли при болезнях сердца (с. Такмык Большереченского района).

Аир – *Acorus calamus* L. Отвар измельченного корня пили от болей в желудке (с. Мыс Муромцевского района).

Алоэ (*резак, столетник*) – *Aloe arborescens* Mill. Настой мясистой части растения на меде в сочетании с репейником и подорожником помогал, когда «все болело внутри» (с. Усть-Тара Тарского района). Настой на меде в сочетании с лисьим салом использовался для лечения воспаления легких и от одышки (с. Низовое Муромцевского района). В сочетании с «живым деревом» и медом служил хорошим средством от желудочно-кишечных заболеваний, от простуды и резей в мочевом пузыре. Листья со снятым верхним слоем прикладывали к резаным ранам и чирьям (д. Еремеевка Полтавского района). В смеси с медом считался хорошим средством для лечения гриппа (с. Мыс Муромцевского района), очищения дыхательных путей и при эрозии кишечника (с. Егоровка Тарского района). В сочетании с медом и медвежьим салом применялся для лечения легких (д. Смолино Усть-Ишимского района).

* Здесь и далее латинские названия даны по: *Атлас лекарственных растений СССР* / Гл. ред. акад. Н.В. Цицин. – М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1962. – 703 с.

Для некоторых растений латинские названия не приведены, т.к. определить их видовую принадлежность по описаниям информаторов не представляется возможным.

Анис – *Anisum vulgare* Gaerth. (*Pimpinella anisum* L.). Семена в смеси с чесноком добавляли в теплое молоко и пили от кашля (д. Слобода Знаменского района, с. Такмык Большереченского района).

Багульник – *Ledum palustre* L. Отвар листьев применяли при «болезни желудка» и как противокашлевое средство (с. Мыс Муромцевского района).

Белена – *Hyoscyamus niger* L. Спиртовой настой листьев применяли наружно для растираний при болях в суставах (с. Мыс Муромцевского района).

Белоголовник – *Chrysanthemum Leucanthemum* L. Верхняя часть растения в смеси с душицей, липовым цветом, мятой, иван-чаем и зверобоем использовалась как лечебный чай почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Добавляли белоголовник в чай вместе с мятой и для общего оздоровления. В сочетании с душицей помогал от головной боли (с. Мыс Муромцевского района).

Береза – *Betula alba* L. *p.p. auct.* Отваром почек обрабатывали раны и полоскали горло при простуде (с. Такмык Большереченского района). Их спиртовой настой применяли наружно для лечения «ломоты» в суставах и пили от простуды, при головной боли, печеночных и желудочных коликах (с. Мыс Муромцевского района). В бересту заворачивали поврежденное место при переломах (д. Слобода Знаменского района).

Боярышник – *Crataegus sanguinea* Pall. Плоды употребляли для лечения болезней сердца (с. Мыс Муромцевского района).

Брусника – *Vaccinium vitis-idaea* L. Отвар травы в сочетании с укропом и тысячелистником принимали при «женских» болезнях (с. Усть-Тара Тарского района). Брусничник (верхнюю часть растения) заваривали и пили как чай «для очищения почек» (д. Бешметовка Тарского района) и понижения артериального давления (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Валериана – *Valeriana officinalis* L. Отвар или настой корня пили как успокаивающее средство (с. Мыс Муромцевского района). Спиртовую настойку корня валерианы и листьев подорожника принимали от «болезней желудка» (д. Слобода Знаменского района).

«Геморройник». Отвар травы пили от геморроя (с. Усть-Тара Тарского района).

Герань луговая (*егорьево конье*) – *Geranium pratense* L. Отвар листьев использовали от головной боли и при болезнях почек (с. Такмык Большереченского района).

Горчица – *Brassica juncea* (L.) Czern. et Cosson (*Sinapis juncea* L.). Зерна «жевали» при раке желудка, затем их заедали сахаром и запивали водой. С горчицей парили ноги при простуде (д. Еремеевка Полтавского района).

Девятильник белый (*вероятно, тысячелистник с белыми цветами*) – *Achillea millefolium* L. Отвар цветов употребляли при «женских» болезнях (с. Тевриз).

«Дон». Отвар травы хорошо помогал при сильных «женских» кровотечениях. В смеси с троялисткой его применяли для лечения «болезней живота» (д. Слобода Знаменского района).

Дуб – *Quercus robur* L. Отвар коры использовали для окраски тканей в коричневый цвет (с. Мыс Муромцевского района).

Дубровка. Отвар корня помогал при лечении болей в сердце (д. Дурново Муромцевского района).

Душица (*душичка, душимянка, душиница*) – *Origanum vulgare* L. Верхняя часть растения в сочетании с липовым цветом, белоголовником, мятой, иван-чаем и зверобоем

ем применялась в качестве лечебного чая почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Душицу и белоголовник заваривали и пили при головной боли. Отвар растения – хорошее средство от кашля, воспалительных процессов, болей в желудке (с. Мыс Муромцевского района). Считалось, что душица «рассасывает» печеночные камни (д. Бобровка Тарского района).

Женьшень – *Panax ginseng* C. A. Meу. Отвар корня помогал при сердечных болезнях (д. Еремеевка Полтавского района).

«Живое дерево» (комнатный женьшень) – *Kalanchoe pinnata* (Lam.) Pers. (*Bryophyllum pinnatum* Lam.). Считалось, что листья «нужно жевать» при язве желудка, запивая их молоком (с. Малая Бича Усть-Ишимского района). Спиртовая настойка «живого дерева», сока алоэ и меда служила хорошим средством от желудочно-кишечных заболеваний, при простуде и «рези в мочевом пузыре» (д. Еремеевка Полтавского района).

Зверобой – *Hypericum perforatum* L. Траву собирали для чая. Отваром лечили болезни желудка (д. Бешметовка Тарского района) и другие недуги (с. Усть-Тара Тарского района, д. Лисино и с. Мыс Муромцевского района). По словам информаторов «мужчинам нельзя пить много этого отвара, т.к. он влияет на “это”» (потенцию). В сочетании с душицей, белоголовником, мятой, иван-чаем и липовым цветом зверобой запаривали с медом и использовали как лечебный чай почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Отвар травы употребляли в качестве сердечного средства и как успокаивающее (д. Еремеевка Полтавского района). Считалось, что зверобой помогает и при болезнях кишечника (д. Решетниково Большереченского района).

Иван-чай (кипрей) – *Epilobium angustifolium* L. В сочетании с душицей, белоголовником, мятой, липовым цветом и зверобоем использовался в качестве лечебного чая почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Отвар цветов употребляли при отложении солей (с. Тевриз) и от головной боли (с. Такмык Большереченского района). Траву заваривали и пили как чай (с. Шипицино Большереченского района).

«Казачок» (возможно, горечавка крупнолистная) – *Gentiana macrophylla* Pall. Отвар листьев помогал женщинам от бесплодия. Считалось, что отвар растения полезно пить при заболеваниях живота, а также полоскать рот при воспалении зубов (с. Такмык Большереченского района). Им лечили бесплодие и другие «женские» болезни (д. Решетниково Большереченского района).

«Калган» (кровавик) – *Potentilla erecta* (L.) Rausch. (*P. tormentilla* Stokes.). Отваром корня лечили желудочные боли (с. Усть-Тара Тарского района).

Календула (ноготки) – *Calendula officinalis* L. Считалось, что отваром цветов хорошо полоскать горло при простуде (с. Мыс Муромцевского района, д. Слобода Знаменского района).

Калина – *Viburnum Opulus* L. Ягоды ели при высоком артериальном давлении (с. Междуречье Тарского района). Ягоды и листья использовали для ванн при лечении «светлой золотухи» (с. Малая Бича Усть-Ишимского района). Кору заваривали и пили «от женских болезней». Из измельченных сырых ягод делали примочки при кровотечениях из носа. Ягоды употребляли при легких заболеваниях печени и желудка, а сок – для избавления от прыщей и лишая. Отвар цветов и листьев пили при ангине и использовали для обработки язв, фурункулов и экзем (с. Мыс Муромцевского района).

Картофель – *Solanum tuberosum*. Паром горячих вареных корнеплодов дышали над кастрюлей при простуде (д. Еремеевка Полтавского района).

Клевер белый – *Trifolium medium* L. Отвар травы употребляли для лечения «женских» заболеваний (д. Бобровка Тарского района).

Крапива – *Urtica dioica* L. Верхняя часть растения использовалась как противовоспалительное и кровоостанавливающее средство (с. Усть-Тара Тарского района). Крапивой-жгучкой парились в бане, т.к. считалось, что она хорошо помогает от радикулита, «шпор» и ревматизма (с. Междуречье Тарского района, с. Мыс Муромцевского района). Отвар травы пили при астме (с. Вольное Полтавского района), повышенном артериальном давлении, головных болях и сердечных приступах (д. Лисино Муромцевского района). Применяли ее и как чай, очищающий кровь. Отвар крапивы пили при малокровии (с. Мыс Муромцевского района).

Кровохлебка – *Sanguisorba officinalis* L. Считалось, что отвар корня помогает при детских кишечных заболеваниях, а цветов – при кровотечениях (с. Мыс Муромцевского района).

Крушина – *Cotoneaster nigra* Wahlb. Применяли для наружных процедур («сажали на парь»), «когда опухали ноги» (д. Слобода Знаменского района). Подробнее см. главу 4.

«Куриная слепота» – *Ranunculus acris* (L.). Спиртовой настой служил растиранием от болей в руках и ногах (с. Мыс Муромцевского района).

Липа – *Tilia cordata* Mill. (*Tilia parvifolia* Ehrh.). Отвар цветов считался хорошим мочегонным средством. Липовый цвет в сочетании с душицей, белоголовником, мятой, иван-чаем и зверобоем использовали в качестве лечебного чая почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Отвар липового цвета с «щабрецом» служил хорошим отхаркивающим средством (д. Еремеевка Полтавского района, д. Слобода Знаменского района).

Лук – *Allium cepa* L. Печеные луковицы прикладывали к чирьям. Крепкий отвар луковой «шелухи» пили для того, чтобы «вызвать выкидыш» (д. Слобода Знаменского района).

Малина – *Rubus idaeus* L. Горячим питьем с вареньем или сушеными ягодами лечили простуду (с. Мыс Муромцевского района).

Мать-и-мачеха (маточник) – *Tussilago farfara* L. Отвар «молодых» листьев помогал от кашля и удушья (с. Усть-Тара Тарского района, д. Слобода Знаменского района, с. Тевриз, д. Решетниково Большереченского района), от ангины и астмы (с. Мыс Муромцевского района). Свежие листья кипятили в молоке и гладкой стороной прикладывали на больное место при опухолях груди (д. Слобода Знаменского района).

Морковь – *Daucus sativus* (Hoffm.) Roehl. Чай из сушеной натертой моркови пили в качестве мочегонного средства и при почечных коликах (с. Усть-Тара Тарского района). Считалось, что он полезен и при простудном кашле (с. Мыс Муромцевского района).

Мухомор (красный мухомор) – *Amanita muscaria* Pers. Спиртовой настой измельченного мухомора растворяли в молоке и пили при болезнях легких, печени, кишечника, желудка и «женских» недугах (с. Усть-Тара и д. Бешметовка Тарского района). Наружно его применяли для растираний «от ломоты в суставах» (с. Мыс Муромцевского района), а также при радикулите и простуде (с. Междуречье Тарского района).

Мята – *Mentha piperita L.* В сочетании с душицей, белоголовником, липовым цветом, иван-чаем и зверобоем использовалась в качестве лечебного чая почти от всех болезней (с. Междуречье Тарского района). Добавляли мяту в чай и для общего оздоровления. Считалось, что она усиливает деятельность кишечника (с. Мыс Муромцевского района), помогает при лечении заболеваний дыхательных путей, нервной системы и при головных болях (с. Такмык Большереченского района).

Овес – *Avena sativa L.* Отвар верхней части растения помогал при воспалении легких и бронхите, а также использовался как противовоспалительное средство (д. Еремеевка Полтавского района, с. Мыс Муромцевского района). Применяли для наружных процедур, «когда опухали ноги» (д. Слобода Знаменского района).

Одуванчик – *Taraxacum officinale Wigg.* Спиртовой настой цветов использовали для растираний «при ломоте в суставах» (с. Мыс Муромцевского района). Отвар из одуванчиков применяли для полосканий при болях в горле (д. Слобода Знаменского района).

Осина – *Populus tremula L.* Кору жевали от «описторхов» (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Пастушья сумка – *Capsella bursa-pastoris (L) Medic.* Настой корня использовали внутрь и наружно при лечении геморроя и «женских» болезней (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Пижма (*девятильник*) – *Tanacetum vulgare L.* Считалось, что помогает от 16 болезней (желудка, печени, «женских» недомоганий, при простуде и т.д.). Цветы добавляли в чай как противопростудное средство (с. Усть-Тара Тарского района). Отваром пижмы и тысячелистника лечили понос (д. Еремеевка Полтавского района), желудочные колики (с. Мыс Муромцевского района), а спиртовым настоем – заболевания печени (д. Слобода Знаменского района, с. Мыс Муромцевского района). Крепкий отвар травы пили для того, «чтобы вызвать выкидыш» (д. Слобода Знаменского района).

Подорожник – *Plantago major L.* Сок из свежих листьев в сочетании с медом, репейником и ромашкой накладывали на опухоль. Настой сока подорожника, репейника и алоэ на меде помогал, когда «все болело внутри» (с. Усть-Тара Тарского района). Распаренные в кипятке листья прикладывали к ранам, а сок считался хорошим средством при болезнях желудка (с. Междуречье Тарского района). Настой растения с сахаром считался «лекарством от всего» (г. Тара). Листьями подорожника лечили загноившиеся раны и чирьи (д. Еремеевка Полтавского района и с. Междуречье Тарского района). Отвар листьев применяли для очищения дыхательных путей (с. Мыс Муромцевского района, с. Тевриз). Спиртовой настой листьев в сочетании с корнем валерианы пили при заболеваниях желудка (д. Слобода Знаменского района). Отвар листьев помогал и при лечении туберкулеза (д. Егоровка Тарского района), почек, мочевого пузыря, а также как успокоительное средство (с. Мыс Муромцевского района).

Подсолнечник – *Helianthus annuus L.* Отвар цветов считался хорошим мочегонным средством (с. Междуречье Тарского района).

Полынь – *Artemisia absinthium L.* и *Artemisia vulgaris L.* Отвар травы использовали для лечения описторхоза (с. Малая Бича Усть-Ишимского района). Пучки полыни подвешивали в доме для того, чтобы избавиться от блох (д. Еремеевка Полтавского района). Отвар одного из видов полыни (с синими цветами) пили при рас-

стройствах кишечника (с. Мыс Муромцевского района). Для лечения малярии все тело больного обкладывали травой полыни (с. Хомутинка Нижнеомского района).

Пустырник (*глухая крапива*) – *Leonurus quinquelobatus Gilib.* Отвар травы успокаивает нервы (с. Усть-Тара Тарского района, с. Мыс Муромцевского района). Пили его и «от печени», а также при заболеваниях мочевого пузыря (с. Мыс Муромцевского района).

Ревень – *Rheum L.* Отвар корня пили от недержания мочи (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Редька – *Raphanus sativus L.* Настойка редьки с хреном и «жёлчью от свиней» применялась «для лечения спины», позвоночника (с. Низовое Муромцевского района) и при радикулите (д. Еремеевка Полтавского района) как наружное средство. В смеси с медом сок редьки пили для лечения простудных заболеваний и бронхита (с. Мыс Муромцевского района).

Репейник (*репей, лопух*) – *Arctium lappa L.* Сок из листьев в сочетании с медом хорошо заживлял раны. Настой репейника с медом, ромашкой и подорожником помогал при опухолях, а с соком подорожника и алоэ – «когда все болело внутри» (с. Усть-Тара Тарского района). Сырые листья натирали растительным маслом и чистой стороной прикладывали на больные ноги (с. Междуречье Тарского района). Листья и корни лопуха применяли для снятия воспалительных процессов, в том числе злокачественных опухолей (д. Еремеевка Полтавского района). Сок из листьев помогал при резаных ранах (с. Вольное Полтавского района), настой – при «ломоте» в суставах, отвар из листьев и шишек – при головной и зубной боли, спиртовой настой корня – от рака, при условии, что «туда не вшивалась хирургия и не попадал воздух» (с. Мыс Муромцевского района, с. Такмык Большереченского района). Сырой корень ели от болезней желудка (д. Слобода Знаменского района).

Ренешок – *Agrimonia eupatoria L. (A. officinalis Lam.)*. Спиртовой настой травы применяли для растирания при лечении больных суставов (с. Усть-Тара Тарского района). Отвар травы помогал при болезнях печени, почек и желчного пузыря (с. Такмык Большереченского района).

Ромашка – *Matricaria chamomilla L., или Matricaria suaveolens Buchen.* Настой верхней части растения с медом, репейником и подорожником принимали при опухолях (с. Усть-Тара Тарского района). Отвар цветов помогал при лечении гинекологических заболеваний (д. Лисино Муромцевского района), при болях в желудке. Отвар травы использовался как косметическое средство, а также при простудных и стоматологических заболеваниях для полоскания. Считалось, что он также «расширяет сосуды головного мозга» (с. Мыс Муромцевского района).

Серпуха – *Serratula coronata L.* Отвар травы использовали для окраски шерсти (с. Мыс Муромцевского района).

Сирень – *Syringa vulgaris L.* Спиртовым настоем цветов натирали больные ноги (с. Междуречье Тарского района), лечили «ломоту» в суставах (с. Мыс Муромцевского района). Их настойку на нашатырном спирте наружно употребляли при «полиартрите» (с. Вольное Полтавского района).

Смородина – *Ribes nigrum L.* Отвар веточек применяли для лечения «темной золотухи» (с. Малая Бича Усть-Ишимского района). Из листьев заваривали чай «для восстановления сил» (д. Егоровка Тарского района).

Солодка – *Glycyrrhiza Glabra L. (g. Glandulifera Waldst. Et Kit.)*. Настой и отвар корня пили при бронхите (с. Мыс Муромцевского района).

Сосна – *Pinus silvestris L.* Маленькие зеленые шишечки заваривали и пили от насморка, болей в горле и «груди» (д. Слобода Знаменского района). Отвар из «сосновых пальчиков» употребляли при расстройстве желудка (с. Мыс Муромцевского района).

Спорынья (ядовита!) – *Claviceps purpurea Tulasne*. Считалось, что ее отвар помогал «от камней в почках» (д. Еремеевка Полтавского района).

Спорыш («трава-мурава») – *Polygonum aviculare L.* Отвар травы применяли при заболеваниях желудка и в качестве противовоспалительного средства (д. Бобровка Тарского района).

Толокнянка (медвежья ушка) – *Actostaphylos Uva ursi Spreng.* Отвар листьев пили «от надсады» (с. Малая Бича Усть-Ишимского района) и как мочегонное средство (с. Мыс Муромцевского района).

Тополь – *Populus nigra L.* Почки настаивали на спирту и использовали для растирания («при ломоте в суставах») (с. Мыс Муромцевского района).

Троялистка – *Menyanthes trifoliata L.* Отвар травы использовали в смеси с доном «от живота» (д. Слобода Знаменского района).

Тысячелистник – *Achillea millefolium L.* Отвар травы в сочетании с брусничником и укропом пили от «женских» болезней (с. Усть-Тара Тарского района), а в смеси с пижмой – «от поноса» (д. Еремеевка Полтавского района). Отвар тысячелистника помогал при воспалительных заболеваниях, от болезней желудочно-кишечного тракта (в т.ч. при язве) (с. Такмык Большереченского района) и «женских недугов» (д. Решетниково Большереченского района), а также как антисептическое средство (с. Мыс Муромцевского района).

Укроп – *Anethum graveolens L.* Отвар растения в сочетании с брусничником и тысячелистником пили от «женских» болезней (с. Усть-Тара Тарского района) и для снижения артериального давления (с. Вольное Полтавского района).

«Умная трава». Отвар из растения применяли как средство для лечения испуга (с. Тевриз), иногда в сочетании с чертополохом и «чигинецкой травой» (д. Слободчики Усть-Ишимского района).

Физалис – *Physalis franchetii*. Отвар семян пили при воспалении мочевого пузыря (с. Мыс Муромцевского района).

Хвощ полевой – *Equisetum arvense L.* Считалось, что отвар травы помогает при воспалениях мочевого пузыря и почек (с. Мыс Муромцевского района).

Хмель – *Humulus lupulus L.* Из него делали подушку для лечения головной боли (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Хрен – *Cochlearia Armoracia L.* Настойка хрена с редькой и «жёлчью от свиней» применялась для лечения «спиных», позвоночника (с. Низовое Муромцевского района).

Чабрец (чомбор, шабрец, богородская трава) – *Thymus serpyllum L.* Отвар травы в сочетании с липовым цветом служил хорошим отхаркивающим средством. Применяли его и от недержания мочи (д. Еремеевка и с. Вольное Полтавского района, с. Такмык Большереченского района), а также для снижения артериального давления (с. Такмык и д. Решетниково Большереченского района).

Чага – *Inonotus obliquus (Pers.) Pil. (Polyporus obliquus Fr.)*. Считалось, что отвар из чаги помогает при заболеваниях почек (д. Бешметовка Тарского района) и для

лечения желудочно-кишечных заболеваний. Спиртовой раствор принимали от рака (с. Мыс Муромцевского района).

Черёда – *Bidens Tripartita L.* Все части растения заваривали и добавляли детям в ванну (с. Мыс Муромцевского района).

Черемуха – *Prunus padus L.* Ягоды считались хорошим средством «при расстройстве желудка» (д. Еремеевка Полтавского района).

«Черная трава» – *Patrinia intermedia (Horn.) Roem. et Schult.* Отвар листьев пили от испуга (с. Малая Бича Усть-Ишимского района).

Чертополох – *Onopordon acanthium L, Onopordum acanthium L.* Отвар из растения в сочетании с «умной травой» и «чигинецкой травой» применяли для лечения испуга. Его обязательно нужно было запивать молоком (д. Слободчики Усть-Ишимского района).

Чеснок – *Allium sativum L.* Измельченные «зубчики» в смеси с анисом и теплым молоком пили от кашля (д. Слобода Знаменского района). Считалось, что это особенно помогает при лечении мокрого кашля (с. Мыс Муромцевского района).

«Чигинецкая трава» (от названия татарской деревни Чигинцы). Отвар растения в сочетании с чертополохом и «умной травой» применяли для лечения испуга. Его обязательно нужно было запивать молоком (д. Слободчики Усть-Ишимского района).

Чистотел (ядовит!) – *Chelidonium majus L.* Спиртовым раствором травы лечили печень (описторхоз) (с. Мыс Муромцевского района). Отваром мылись при кожных болезнях, его же пили от рака (д. Решетниково Большереченского района).

Шалфей – *Salvia officinalis L.* Считалось, что отвар травы снимает воспалительные процессы (с. Мыс Муромцевского района).

Шиповник – *Rosa cinnamomea L.* Плоды собирали «для чая» (с. Усть-Тара Тарского района, с. Мыс Муромцевского района). Спиртовой раствор корня употребляли при малокровии, плоды – как успокаивающее средство и источник витамина С. Считался хорошим профилактическим средством при инфекционных и простудных заболеваниях, а также при цинге (с. Мыс и д. Черталы Муромцевского района).

Щавель (конский щавель) – *Rumex confertus Will.* Отвар корня хорошо помогал при расстройствах желудка (с. Мыс и д. Лисино Муромцевского района), а семена – от геморроя. Отвар корня и листьев использовали при лечении язвы желудка (с. Мыс Муромцевского района), пили от поноса (д. Егоровка Тарского района).

Ятрышник пятнистый («кукушкины слезки») – *Orchis maculata L.* Отвар травы пили от геморроя (с. Усть-Тара Тарского района).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО	–	Архив Географического общества
ВОГСПМ	–	Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины (издание Медицинского департамента)
ВСО РГО	–	Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВЭО	–	Вольное экономическое общество
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	–	Государственный архив Омской области
ГАТюО	–	Государственный архив Тюменской области
ГубВПО	–	
ЕТГМ	–	Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖМВД	–	Журнал Министерства внутренних дел
ЖС	–	Живая старина
ЗСО ИРГО	–	Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
ЗСО РГО	–	Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИЭА РАН	–	Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
МАЭ ОмГУ	–	Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МАЭ РАН	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кусткамера)
НГКМ	–	Новосибирский государственный краеведческий музей
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
ОГОИЛМ	–	Омский государственный объединенный историко-литературный музей
ОЕВ	–	Омские епархиальные ведомости
ОЗ	–	Отечественные записки
ПМА	–	полевые материалы автора
СО АН СССР	–	Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	–	Советская этнография
ТГВ	–	Тобольские губернские ведомости
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТЕВ	–	Тобольские епархиальные ведомости
ЦГАДА	–	Центральный архив древних актов
ЭО	–	Этнографическое обозрение (издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. История этнографического изучения народной медицины русских Омского Прииртышья	14
Глава 2. Система профилактических мер	31
Глава 3. Диагностика и взгляды на этиологию заболеваний	46
Глава 4. Способы лечения заболеваний	61
Глава 5. Лечебные средства	91
Заключение	125
Список источников и литературы	127
Приложение 1. Список информаторов	145
Приложение 2. Положение с водоснабжением в Омском уезде в конце XIX века	147
Приложение 3. Численно-статистическая характеристика медицинского обслуживания в Тюкалинском и Тарском уездах (округах) Тобольской губернии (1897–1904)	149
Приложение 4. Перечень растений, используемых в народной медицине русскими Омского Прииртышья в конце XIX–XX веке (по материалам МАЭ ОмГУ)	150
Список сокращений	158

Научное издание

Волохина Ирина Валерьевна

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА РУССКИХ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
(конец XIX – XX век)

Темплан СО РАН 2005 г., поз. 119

Редактор *М.А. Коровушкина*
Технический редактор *И.П. Гелуева*

Подписано к печати 21.09. 2005. Формат 60x90 /16.
Усл.-печ. л. 10, уч.-изд. л. 10. Тираж 500 экз.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17